

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2015. № 2(74)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2015
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2015
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Еремеев С. Г.** — доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии СПбГУ, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург);
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);
- Макаров В. Л.** — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Франция);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Вольман Х.** — PhD, доктор права, профессор (Германия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Китин Е. А.** — кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Князев Е. Ю.** — директор издательско-полиграфического центра Управления научной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Омск);
- Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук (Москва);
- Софьина В. Н.** — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Стрельников В. В.** — доктор биологических наук, профессор (Краснодар);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

EDITORIAL COUNCIL

- Shamakhov V. A.** — Director of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg) — Chairman of the board, Chief Editor;
- Eliseeva I. I.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Eremeev S. G.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Dean of the Faculty of Political Science of the Saint-Petersburg State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (Saint-Petersburg);
- Smorgunov L. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg);
- Subetto A. I.** — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg);
- Komarovsky V. S.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEP and regional academies of public administration (Moscow);
- Makarov V. L.** — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic-Mathematical Institute (Moscow)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Kvint V. L.** — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
- Krastins A. V.** — Honored Doctor of North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
- Lezean E.** — PhD in Political Sciences (France);
- Han Lihua** — Professor, Director of Institute of Confucius at the Russian Humanities University (Moscow), Professor of Institute of the International Economy of University of the International Business and Economy (Beijing, China);
- Wolman H.** — PhD, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany)

EDITORIAL BOARD

- Kosov Yu. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor (St. Petersburg), Deputy Chief Editor;
- Akopov S. V.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);
- Kirillov A. L.** — Doctor of Science (Technical Science), Professor (St. Petersburg);
- Kitin E. A.** — PhD in Jurisprudence, Associate Professor (St. Petersburg);
- Klyuev A. V.** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Knyazev E. Yu.** — Director of Publishing and Printing Center of the Department of Scientific Work of Northwest institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg);
- Kurzenev V. A.** — Doctor of Science (Technical Science), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
- Malkevich A. A.** — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);
- Mereshkin D. E.** — PhD in Jurisprudence (Moscow);
- Sofyina V. N.** — Doctor of Science (Psychology), Professor (St. Petersburg);
- Starovoitov A. A.** — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (St. Petersburg);
- Strelnikov V. V.** — Doctor of Science (Biology), Professor (Krasnodar);
- Khodachek V. M.** — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 КУЧЕРЯВЫЙ М. М.**
Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 16 КУГАЙ А. И.**
Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия
- 27 МАРКОВ А. А., ПОКРОВСКАЯ Н. Н., СМИРНОВ П. Д.**
Развитие социального института массовой коммуникации в информационном обществе и правовое поле личной и корпоративной информационной безопасности
- 41 ЛАБОСЬКИН М. А.**
Особенности предоставления таможенных и налоговых льгот в рамках международного культурного сотрудничества
- 50 ПОПОВ Д. Г., ФОКИНА В. В.**
Роль «глобальных городов» в современной системе международных отношений

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 55 НАУМОВ В. Н., БУРОВ С. А.**
Прогнозирование валютных курсов на основе сравнительного анализа динамики временных рядов
- 65 КУКЛИНА Е. А., ЧЖУ СЯОЦИН, СУНЬ ЮЙСЮ, ДИЯО ЛИНЛИН**
Ресурсные налоги в России и Китае: pro et contra

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 77 КЛЮЕВ А. В., ЛЯШКО С. В., ТАРАСОВ С. В.**
Оценка качества образовательного результата в учреждениях общего и профессионального образования Ленинградской области
- 90 ВОРОНЦОВ А. В., БОГАЧЕВ А. М.**
Психологическая помощь в социальном и правовом аспектах
- 99 АЛЕСКОВСКИЙ В. В., ПАВЛОВА Т. А., ЯНОВСКИЙ В. В.**
Концепция дистанционного обучения в вузе — проектная организация и управление
- 107 АКОПОВ С. В.**
«Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М.Нуссбаум)
- 115 ТОПКОВА И. А., АФОНИН П. Н.**
Механизм совершенствования таможенных инноваций, основанный на нечетко-множественном подходе при оценке уровня риска нарушения таможенных правил
- 126 ГОРОХОВ В.А., ЯКОВЛЕВА Г.С.**
Натурализация спортсменов и национальное строительство в контексте XXII Зимних Олимпийских Игр в Сочи

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 135 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
Мистицизм в свете русской философии
- 146 ВОЛКОВ В. А.**
Отношение предмета и объекта научного исследования в свете критической философии И. Канта
- 151 ЧИМАРОВ С. Ю.**
К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русской армии в Крымской войне 1853–1856 гг.

A LINEA

- 158 РОСТОВЕЦКАЯ Т. В.**
Украина в Приднестровском урегулировании (1992–2014 гг.)
- 165 СТАРИКОВА О. В.**
Теоретико-методологические основы экономической безопасности региональной экономической системы
- 175 ЧЕПИК А. Е.**
Прогнозирование внутрирегиональной неравномерности экономического развития региона

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 188 РАДИКОВ И. В.**
Гармония экономической и экологической политики или переход от национально-экономической к экологической политической парадигме? (размышления по поводу книги «В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии», авторы Борисов Н.А., Волков В.А.)

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 KUCHERYAVYI M. M.**
State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Conditions of the Modern Global World

POLICY AND LAWFUL STATE

- 16 KUGAY A. I.**
Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction
- 27 MARKOV A. A., POKROVSKAYA N. N., SMIRNOV P. D.**
Development of Social institution of Mass media in Information Society and Legal Field of the Personal and Corporative Information Security
- 41 LABOSKIN M. A.**
Features of Granting Customs and Tax Privileges within the International Cultural Cooperation
- 50 POPOV D. G., FOKINA V. V.**
The Role of «Global Cities» in the Modern System of International Relations

POWER AND ECONOMY

- 55 NAUMOV V. N., BUROV S. A.**
Comparative Analysis of Dynamics of Time Series
- 65 KUKLINA E. A., ZHU XIAOGING, SUN YUXIU, DIYAO LINLIN**
Resource Taxes in Russia and China: Pro et Contra

SOCIETY AND REFORMS

- 77 KLUEV A. V., LYASHKO S. V., TARASOV S. V.**
Assessment of Quality of Educational Result in Institutions the General and Professional Education of the Leningrad Region
- 90 VORONTSOV A. V., BOGACHEV A. M.**
Psychological Protection of Population in Social and Legal Aspects
- 99 ALESKOVSKIY V. V., PAVLOVA T. A., YANOVSKIY V. V.**
Concept of Distance Learning In University — Project Organization and Management
- 107 AKOPOV S. V.**
“World Nationality” by Eyes of it’s Critics (Five Arguments against “Saturated” Cosmopolitanism of M. Nussbaum)
- 115 TOPKOVA I. A., AFONIN P. N.**
Mechanism of Improvement of Customs Innovations, Based on Indistinct and Multiple Approach at an Assessment of Risk Level of Violation of Customs Rules
- 126 GOROKHOV V. A., YAKOVLEVA G. S.**
Naturalization of Athletes and Nation-building in the Light of the XXII Winter Olympic Games in Sochi

HISTORY AND CULTURE

- 135 ALEXANDROV V. B.**
Mysticism in the Light of the Russian Philosophy
- 146 VOLKOV V. A.**
The Relation of a Subject and Object of Scientific Research in the Light of Critical Philosophy of I. Kant
- 151 CHIMAROV S. Yu.**
Russia and its Army in the Crimean War of 1853–1856 through the Eyes of Karl Marx and Friedrich Engels

A LINEA

- 158 ROSTOVETSKAYA T. V.**
Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992–2014)
- 165 STARIKOVA O. V.**
Theoretical and Methodological Bases of Economic Security of Regional Economic System
- 175 CHEPIK A. E.**
Forecasting of Intraregional Unevenness of Economic Development of the Region

SCIENTIFIC LIFE

- 188 RADIKOV I. V.**
Harmony of Economic and Environmental Policy or Transition from National and Economic to an Ecological Political Paradigm? (Reflections Concerning the Book “In Search of a New Paradigm: sketch of Political Ecology”, authors N. A. Borisov, V. A. Volkov)

Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира

Кучерявый Михаил Михайлович

Руководитель управления Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) по Северо-Западному федеральному округу (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой национальной и международной безопасности Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Государственный советник Российской Федерации I класса
Кандидат политических наук
szfo@fstec.ru

РЕФЕРАТ

В статье впервые раскрыто содержание понятий «информационный суверенитет» и «государственная политика информационного суверенитета», определены основные направления их практической реализации с перспективой законодательного закрепления как неотъемлемой части государственного суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации в глобальном мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная сфера, глобальное информационное общество, информационная безопасность, национальная безопасность, государственный суверенитет, информационный суверенитет, государственная политика информационного суверенитета

Kucheryavyi M. M.

State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Conditions of the Modern Global World

Kucheryavyi Mikhail Mikhailovich

The Chief of headquarters in the North-West Federal District of the Federal Service for Technical and Export Control (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of National and International Security of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg)
State Counsellor 1st Class of the Russian Federation
PhD in Political Science
szfo@fstec.ru

ABSTRACT

In the article the content of the concepts “information sovereignty” and “state policy of information sovereignty” is first-time disclosed. The main directions of their practical realization with prospect of legislative fixing as integral part of the state sovereignty and national security of the Russian Federation in the global world are defined.

KEYWORDS

information sphere, global information society, information security, national security, state sovereignty, information sovereignty, state policy of information sovereignty

В современном мире нарастают противоречия геополитического и геоэкономического характера, усиливается конкуренция между отдельными ведущими странами, группами государств и макрорегионами.

Как считает крупный российский специалист в области геополитики С. Караганов: «Я, к сожалению, абсолютно уверен, что взятый американцами курс на сдерживание России в духе „холодной войны“ и даже на отбрасывание (не надо путать со

сдерживанием ядерным) наклеивался уже в течение последних полутора лет. Это началось, когда США поняли, что Россия не пойдет, как там надеялись, в русле общезападной политики. Этот курс стал совершенно очевидным уже весной — осенью прошлого года»¹.

Данные процессы протекают на фоне вступления человечества в новую фазу развития. Современное очень серьезное обострение российско-американских отношений происходит в условиях фундаментальных изменений в глобальном мире, связанных со становлением глобального информационного общества и оказывающих непосредственное влияние на национальную безопасность Российской Федерации.

Во-первых, под влиянием факторов глобального развития, а также причин научно-технологического характера произошло преобразование процессов обеспечения национальной безопасности. Они приобрели инновационный, комплексный и динамичный характер. В данных условиях потребовалась качественно новая форма координации сил и средств, обеспечивающих безопасность на всех уровнях. Роль такого координатора была возложена на советы безопасности как важнейшие государственные органы, действующие на национальном уровне. Таким образом, произошли существенные системные изменения в обеспечении национальной безопасности, имеющие институционально-политическое измерение.

Во-вторых, в наши дни произошла информатизация всей системы национальной безопасности. Одновременно человечество столкнулось с созданием в дополнение к реальному миру, существующему испокон веков в физическом пространстве, мира, который возник и развивается в виртуальном информационном пространстве. Такие изменения привели к тому, что информационная безопасность стала выступать в качестве одного из важных и ведущих факторов системных изменений в структуре и содержании национальной безопасности в целом. На международном уровне процессы обеспечения информационной безопасности в мировом сообществе заняли центральное место в усилиях человеческого сообщества по поддержанию международной безопасности.

В-третьих, в системе обеспечения информационной безопасности особое место занимают политические факторы. Это связано с тем, что политическая сфера является системообразующим элементом современного общества и государства, а также всей системы международных отношений. Возникновение информационного общества привело к информатизации политической жизни, к использованию информационно-коммуникационных технологий не только для достижения заданных политических целей и проведения конкретных политических мероприятий, но, в свою очередь, стала фактором трансформации всей политической жизни обществ развитых государств и мирового сообщества в целом.

В данных условиях проблемы обеспечения национальной безопасности приобретают для Российской Федерации жизненно важный характер. В связи с этим требует модернизации и система национальной безопасности нашей страны.

Во-первых, во время структурного кризиса 1990-х гг., приведшего к резкому ограничению ресурсов и возможностей, сфера обеспечения национальной безопасности не получила должного развития. Компенсация допущенного отставания осуществляется в наши дни. В данной связи модернизационный подход позволяет решить эту задачу быстрее и на качественно ином уровне, чем это было возможно два десятка лет тому назад.

Во-вторых, существенное изменение геополитической картины современного мира, связанное с усилением тенденции перехода к многополярному миру и стрем-

¹ Мир становится все менее прозападным : интервью с С. Карагановым // Российская газета. 2014. 24 апреля. С. 1, 10.

лением США и их союзников сохранить мировой порядок, сложившийся в период монополярной системы международных отношений, увеличивает риски в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и международной безопасности в целом.

В-третьих, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, создание глобального информационного пространства коренным образом усилили значение информационной составляющей в обеспечении национальной безопасности. Инновационное развитие сил и средств обеспечения информационной составляющей национальной безопасности должно стать магистральным направлением модернизации всей системы национальной безопасности.

Однако такая модернизация требует наряду с созданием серьезной технологической базы и эффективного политико-правового обеспечения. Важную роль в этом процессе, в контексте современных международных отношений, играет обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации. Остановимся в нашей статье более подробно на данной проблеме.

Как известно, суверенитет в наше время — это обязательный атрибут государства. Он проявляется в верховенстве государственной власти по отношению к другим субъектам властных отношений внутри государства, а также на международной арене. Суверенитет в наиболее общем виде обнаруживается в качестве свойства государственной власти, которое выражается в верховенстве, самостоятельности и независимости. Суверенитет распространяется на территорию государства, которая представляет собой ограниченное государственными границами пространство земли, в которое входят сухопутная, морская, воздушная составляющие, а также недра. В наше время государственная территория дополняется и виртуальным информационным пространством. Важной составляющей государственного суверенитета в XXI в. становится его обеспечение в информационном пространстве. Данный процесс должен проходить в правовых рамках без нарушения фундаментального принципа прав человека — свободы доступа к информации. В то же время государство обязано обеспечивать безопасность общества, государства и личности от угроз, исходящих из виртуального пространства. Таким образом, информационный суверенитет превратился в наши дни в важный компонент государственного суверенитета, и его реализация непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в современной политической науке не существует четко очерченных понятий «информационный суверенитет», «государственная политика информационного суверенитета». Последние несколько десятилетий выявили различные подходы исследователей к целесообразности введения в политико-правовой оборот данных понятий. В работах ряда исследователей, таких как Н. В. Стариков, В. Н. Супрун, А. А. Сергунин, Э. Г. Соловьев, И. С. Ашманов и др., даны различные подходы к целесообразности введения данных понятий в политико-правовой оборот.

Краеугольным камнем научных споров является понимание того, обладает ли «информационный суверенитет» признаками отдельного вида суверенитета или нет.

Понятие «суверенитет» было введено французским мыслителем Ж. Боденом в XIV в. в труде «Шесть книг о государстве» и характеризовалось как абсолютная и незыблемая власть монарха (суверена) над влиятельными синьорами и парламентами на определенной, четко обозначенной территории. Дальнейшее развитие концепта «суверенитет» относится к периоду XVII–XVIII вв. В трудах философов Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо делался вывод о том, что суверен может быть не только единоличным, но и коллективным правителем в лице государства. Суверен выступает гарантом прав народа и его верховным судьей. В XIX–XX вв. государственный

суверенитет определялся как исключительное право на легитимное насилие, это заключение нашло отражение в трудах немецкого ученого Карла Шмитта «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете». К настоящему времени концепт суверенитета прошел долгий путь развития и превратился из узкого понятия абсолютной и незыблемой власти монарха в государстве в основополагающую категорию современных международных отношений.

Суверенитет перестал быть государственно-центричным и наполнился демократическим смыслом: во внутренней политике — это защита прав народа, а не только правителей, во внешней — обеспечение равноправия всех государств в сфере международных отношений. Попытки представителей ряда политических теорий отрицать ценность концепта суверенитета в эпоху глобализации являются несостоятельными и угрожают подорвать сложившиеся к настоящему времени принципы и нормы международного права, которые являются эффективным инструментом обеспечения стабильного развития всего мира.

В конце XX в. произошло мощное развитие информационно-коммуникационных технологий, и резко возросла роль информационного фактора во всех сферах жизнедеятельности государства, что наполнило понятие «суверенитет» новым содержанием:

- во-первых, обеспечение безопасности народа страны, а не только правящей верхушки во внутренней политике;
- во-вторых, обеспечение независимой политики всех государств в международном сообществе (во внешней политике).

В ходе исследования рассматриваемого вопроса автором проделана определенная работа по систематизации содержания понятия «суверенитет» по его видам (внешний и внутренний) и аспектам (государственный, национальный, народный). Дадим краткую характеристику данных понятий.

В целом, понятие «суверенитет» означает состояние независимости государственной власти от какой-либо иной власти. Внутренний суверенитет — это верховенство и полнота государственной власти по отношению ко всем другим организациям в политической системе общества. Внешний — независимость и равноправие государства как субъекта международного права во взаимоотношениях с другими государствами.

Государственный суверенитет — это качественный признак государства, характеризующий его политико-правовую сущность, такое политико-юридическое свойство государственной власти, которое означает ее верховенство и полноту внутри страны, независимость и равноправие вовне. В свою очередь, основными видами государственного суверенитета являются: экономический, идеологический, дипломатический, военный, юридический.

Наряду с государственным суверенитетом используются такие понятия, как народный суверенитет и национальный суверенитет. Национальный суверенитет — полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни. Народный суверенитет — верховенство народа как источника и носителя власти, его право самому решать свою судьбу.

Охарактеризуем основные элементы, составляющие структуру государственного суверенитета.

Экономический суверенитет — это верховенство государства во внутренних экономических делах и обеспечение экономического равноправия страны среди всех государств мирового сообщества. Если внутри государства мы не обеспечим контрольные функции над своей экономикой, то ее будут контролировать другие зарубежные представители, которые в любой момент смогут обрушить экономику страны или сделать страну сырьевым придатком другого государства или группы государств. В настоящее время мы это наблюдаем с Украиной.

Идеологический суверенитет определяется наличием своей государственной идеологии и культуры. Если государство не в состоянии иметь собственную идеологию, то обществу такой страны легко можно навязать любую чуждую культуру, что может привести к потере самого государства. Именно с потерей идеологического (культурного) суверенитета начался распад такой мощной державы, как СССР, затем рухнул экономический суверенитет (жизнь страны по талонам и на западные кредиты).

Военный суверенитет — безусловное обеспечение безопасности граждан своей страны, общества от внутреннего врага (терроризм, наркомания) и надежная защита своего государства от внешнего военного нападения. Потеря военного суверенитета СССР привела к выводу войск из Германии, Польши, Венгрии, краху Организации Варшавского договора, дезорганизации, пожалуй, самой мощной и сильной структуры вооруженных сил страны путем растаскивания ее по бывшим республикам, что и ускорило дальнейший развал великой державы.

Дипломатический суверенитет — это возможность государства проводить независимую международную политику. Дипломаты свою деятельность соотносят всегда с мощной военной силой государства и сильной экономикой.

Юридический суверенитет — это закрепление статуса суверенного государства в законодательной форме и признание его странами мирового сообщества. Данный юридический суверенитет является одним из главных показателей суверенности, закрепляя законное право на существование государства.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что утрата или ослабление любого из данных основных элементов (группы элементов) государственного суверенитета может постепенно привести к краху государства в целом.

В конце XX — начале XXI в. значительно усилились процессы глобализации во всех сферах деятельности мирового сообщества, при этом многократно возрос информационный обмен с использованием информационно-коммуникационных технологий как внутри страны, так и за ее пределами. Здесь уместно процитировать слова академика А. И. Берга: «Информация пронизывает все поры жизни и общества». Таким образом, в эпоху становления и дальнейшего развития информационного общества мы приходим к пониманию необходимости выделения в структуре государственного суверенитета обособленной ее части и определения его понятием «информационный суверенитет».

В современном мире использование новейших информационно-коммуникационных систем в экономике, политике, в военном деле, дипломатии, культуре и других сферах человеческой деятельности приводит ко все большей зависимости национальной безопасности страны от обеспечения ее информационной безопасности. Прозрачность государственных границ для информационных потоков в эпоху глобализации и возрастания их объемов ведет к возникновению принципиально новой ситуации, связанной с информационной безопасностью: создаются все большие предпосылки для возможных нарушений при сборе, обработке и анализе информации, что, в свою очередь, может привести к снижению требуемого уровня информационной безопасности личности, общества и государства.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации сказано: «Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для обеспечения суверенитета и территориальной целостности России»¹. Глобальная информационная сфера приносит в информационный суверенитет и инфор-

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. Путиным 9 сентября 2000 г., № Пр-1895). Гл. 1. Ст. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/OFFICIAL/DOC/MIN_AND_VEDOM/MIM_BEZOP/DOCTR.SHTM

мационную безопасность новые черты: динамизм, быстрый обмен информацией о событиях в мире и получение ее в любой точке через Интернет; информационная сфера прозрачна, не существует четких границ для потока информации, поэтому в глобальной информационной сфере национальная безопасность и государственный суверенитет требуют принятия мер по дополнительной защите (организационных и технических).

При анализе проблемы информационного суверенитета принципиальное значение имеет рассмотрение и изучение проблемы угрозы информационному суверенитету. В общепринятом понимании угроза — это потенциальная возможность, создающая некие условия для возникновения опасности, нанесения ущерба жизненно важным интересам личности, общества, государства.

Основные источники угроз информационному суверенитету следует разделить по виду их происхождения на две большие группы: внешние и внутренние.

Внешние угрозы:

- деятельность в информационной сфере политических, экономических, военных, разведывательных и других структур, направленных против суверенной власти («холодная информационная война»);
- доминирование ряда стран в информационном пространстве с целью ущемления национальных интересов России и вытеснения ее с рынка информационно-коммуникационных технологий;
- деятельность международных террористических организаций;
- разработка странами Запада, во главе с США, концепций информационного противоборства и др.

Внутренние угрозы:

- отставание России по уровню и темпам информатизации от ведущих стран Запада и США;
- недостаточный уровень развития отечественного сектора науки и производства в области информационно-коммуникационных технологий;
- недостаточная координация со стороны федеральных органов государственной власти процессов информатизации всех сторон деятельности в регионах;
- несовершенство нормативно-правовой базы и др.

Таким образом, на основании изложенного можно сформулировать понятие информационного суверенитета как верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве. Принципиальное значение для обеспечения информационного суверенитета имеет информационная политика.

Информационная политика — реализация национальных интересов государства в области безопасности в информационной сфере, «представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений»¹. Данная политика реализуется как в информационно-технологической, так и в информационно-психологической сферах.

Информационный суверенитет предполагает наличие:

- в информационно-технологической сфере («цифровой» суверенитет) — собственного технологического цикла, программно-аппаратной платформы, поисковой и навигационной систем; сетевого оборудования и средств защиты информации отечественного производства; национального сегмента Интернет и социальных сетей, национальной платежной системы и др.;

¹ Там же.

- в информационно-психологической сфере («ментальный» суверенитет) — национальной идеи, высокого уровня информационной культуры и образованности общества, внятной информационной политики, правительства народного доверия, патриотически настроенной элиты, пронациональных СМИ и др.;
- в информационно-политической сфере («властный» суверенитет) — внятной информационной политики, правительства народного доверия, патриотически настроенной элиты, национальных СМИ, устойчивой национальной валюты и др.

Составной частью и принципиально важным базовым элементом информационной политики является государственная политика информационного суверенитета — деятельность государства по осуществлению самостоятельной информационной политики на основе существующих законов страны и норм международного права в информационной сфере с целью обеспечения верховенства информационной безопасности личности, общества и государства внутри страны и ее независимости в глобальном информационном пространстве.

Государственная политика информационного суверенитета достигается деятельностью государства по следующим направлениям:

- определение геополитических информационных интересов страны в условиях глобализации всех сфер деятельности человечества (экономика, политика, идеология, дипломатия, вооруженные силы, культура и образование);
- создание нормативно-правовой базы, гарантирующей информационный суверенитет личности и общества, а на международной арене — участие в создании и развитии норм международного права в обеспечении информационного суверенитета государства;
- образование национальных (государственных и социальных) защищенных информационных сетей и систем, способных безопасно взаимодействовать с мировым (глобальным) информационным пространством;
- создание собственных сил и средств в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);
- образование информационных войск (частей и соединений), оснащенных суперсовременными средствами ИКТ, для выполнения задач в ходе проведения операций по информационному противоборству;
- проведение широкой международной дипломатической деятельности по обеспечению информационного суверенитета страны на международной арене;
- контроль информационных потоков, как внутри страны, так и поступающих извне с целью ограничения информации, пропагандирующей чуждые ценности.

Таким образом, считаем необходимым сделать следующие выводы.

Информационный суверенитет представляет собой важный компонент государственного суверенитета, связанный с реализацией последнего в виртуальном информационном пространстве. Для теоретического анализа и разработки практических рекомендаций по обеспечению национальной безопасности в информационно-политическом измерении считаем целесообразным ввести в политическую науку новые категории: «информационный суверенитет» и «государственная политика информационного суверенитета». Первостепенной научной задачей представляется также определение основных направлений реализации политики информационного суверенитета.

Информационный суверенитет — это верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики. Верховенство реализуется в национальном сегменте, а независимость — в глобальном информационном пространстве.

В рамках современной политической науки информационный суверенитет, по мнению автора, необходимо рассматривать как совокупность трех основных со-

ставляющих: цифровой, ментальной и властной. В данной связи определенный научный интерес представляет введение и разработка таких новых понятий, как «ментальный суверенитет» и «властный суверенитет».

Материалы круглого стола, организованного «Российской газетой», на тему «Суверенное государство в условиях глобализации»¹ показали озабоченность ведущих политологов и юристов страны тем, как суверенитет переживает трансформирующее воздействие глобализации. В частности, отмечалось различное понимание самого понятия «суверенитет» и предлагались новые формулировки суверенитета, например, энергетический суверенитет.

В этой связи выделение такого вида суверенитета, как «информационный суверенитет», по мнению автора, имеет право на жизнь, но при этом требуется уточнение пределов данного понятия и определения его сочетания с другими видами суверенитета, а также построения иерархии степеней их влияния на национальную безопасность в условиях глобального мира.

¹ Российская газета. № 4163. 2006. 6 сент.

Экстремизм: природа, симптоматика, опыт и условия противодействия

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена экстремизму, исследованию его природы, симптоматики и опыту противодействия. Для экстремиста не существует многообразного мира. Это — субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый одной идентичностью. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем, кроме одного. Он верит в то, что есть единое, которое спасает, все же остальное — губит. Поэтому необходимо целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий гибелью. Экстремист всегда в образе: а) в маске, в которую он облачился («исконный фанатик») — «вождя», «носителя истины», «совести нации», «носителя подлинной веры» и т. п., либо в маске, в которую его облачили («индуцированный фанатик») — «суперэтноса», «мстителя», «гегемона/господствующего класса», «революционера», «бойца», «солдата», «шахида», «русского» и т. п.; б) в маске, снимающей боль и ответственность; ведь проще нацепить чужую маску, чем искать свое истинное лицо. Экстремизм продуцируют стремление к признанию, зависть, безоглядная уверенность в своей правоте. В статье рассматриваются технологии противодействия экстремизму в Саудовской Аравии — стране, имеющей самый низкий уровень рецидивности экстремистской деятельности. Для преодоления вражды и недоверия мы должны не только согласиться с определенной утратой идентичности, но и научиться жить в калейдоскопе идентичностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экстремизм, маски экстремизма, симптоматика экстремизма, зависть, кризис идентичности, опыт противодействия экстремизму

Kugay A. I.

Extremism: Nature, Symptoms, Experience and Conditions of Counteraction

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to extremism, the study of its nature, symptoms and experience of counteraction. For the extremist does not exist diverse world. This is the subject with the most narrow minded, obsessed with one identity. He is ruthless and malevolent attitude towards everything and everyone except one. He believes that is the one that saves, but all the other kills. It is therefore necessary to devote oneself completely to this one and mercilessly destroy everything else, the whole multiple world that threaten. Extremist always in the way: a) in the mask, in which he clothed himself ("native fanatic") — "leader", "truth-bearer", "the conscience of the nation", "media genuine faith", etc. or in the mask, in which it is clothed ("induced fanatic") — "superethnos", "avenger", "hegemonic/dominant class", "revolutionary", "soldier", "soldier", "Shahid", "Russian", etc.; b) in the mask, relieves pain and responsibility; it is easier to pick up someone else's mask, than to find his true face. Extremism produce the desire for recognition, envy, reckless self-righteousness. The article discusses the technology of combating extremism in Saudi Arabia — the country with the

lowest level of recidivist extremist activity. To overcome the enmity and distrust, we must not only accept a certain loss of identity, but also to learn to live in a kaleidoscope of identities.

KEYWORDS

extremism, masks extremism, symptoms of extremism, envy, crisis of identity, the experience of combating extremism

Природа экстремизма

Что побуждает смертника взорвать себя, чтобы разорвать на куски как можно больше «неверных»? Что заставляет эмоциональных подростков одним ударом разрушить многообещающие перспективы и стать террористами? Что стоит за повсеместно распространенной склонностью человека создавать образ врага? Почему целые группы воспринимают мир с позиций расовых, религиозных или национальных признаков как олицетворение зла? Гнездом этих явлений является радикализм, доведенный до фанатизма, откуда, словно коршуны, в поисках жертвы вылетают ожесточенные хищники.

Какова этиология столь опасного социального явления, воплощающегося в различных формах экстремизма?

В 2010 г. в русском переводе вышла книга известного немецкого психоаналитика Петера Конца, представляющая собой фундаментальное исследование психоаналитических оснований фанатизма [3]. Именно психоаналитический метод, ориентированный на отображение скрытых, бессознательных и подсознательных оснований человеческой жизни, является наиболее эффективным для отображения феномена фанатизма во всем многообразии его проявлений. Показательным в этом смысле является утверждение Н. Бердяева: «Человек, допустивший себя до одержимости идеей мировой опасности и мирового заговора масонов, евреев, иезуитов, большевиков или оккультного общества убийц, — перестает верить в Божью силу, в силу истины и полагается лишь на собственные насилия, жестокости и убийства. Такой человек есть, в сущности, предмет психопатологии и психоанализа» [1].

Природу самых разнообразных по содержанию и форме, целям и типам проявлений фанатизма автор усматривает в *кризисе идентичности*. «Лично я, — резюмирует Петер Концен, — определяю фанатизм как страстные убеждения, основанные на страхе потерять свою идентичность, за которые настойчиво, нетерпимо, а подчас жестоко ведется непримиримая, основанная на ненависти к врагам, борьба» [3, с. 39]. Страх утраты индивидуальной или коллективной идентичности порождает эндогенную ненависть, демонизированных врагов, экстремистские идеологии и организации.

Читая эту книгу, вспоминаются впечатления от германской экспозиции «Мир глазами умалишенного», представленной в Русском музее Санкт-Петербурга в конце 90-х. На картинах больные шизофренией вместо лиц изображали маски. Дело здесь в том, что проблема идентичности на индивидуальном уровне выступает как проблема отождествления, идентификации двух сторон личности: «я» и «самости», взаимодействие между которыми складывается отнюдь не просто. Однако здоровый человек все же не утрачивает связь со своей самостью, субъективностью и телом. Патология же связана с рассогласованием между индивидуумом и его самостью. Тело шизофреника есть тело-чемодан, его содержание определяется внешней средой, с которой он взаимодействует. Это связано с тем, что шизофреник обладает зеркально интервенцируемой структурой обладания: не он обладает миром, но нечто обладает им. Поэтому жизнь психически больного человека героическая. Отсюда характерные имена, с которыми он себя идентифицирует: Пугачев, Напо-

леон, Маршал, Фараон и т. п. Все это симптомы тяжелейшего душевно-духовного кризиса индивидуальной идентификации. Однако шизоидные процессы рассогласования между «я» и «самостью» могут обретать и параноидальные инвестиции, охватывая как отдельных людей, так целые народы. Самость «выметается», заряжается параноидальными импульсами экстремистской идеологии, толкающей на путь суицидального фанатизма, методичного уничтожения «дьявольской нечисти» [9].

Для фанатика не существует многообразного мира. Это — субъект с максимально суженным мировоззрением, одержимый одной идентичностью. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем кроме одного. Фанатик верит в то, что есть единое, которое спасает, все же остальное — губит. Поэтому необходимо целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий гибелью [10].

Экстремист всегда в образе: а) в маске, в которую он облачился («исконный фанатик») — «вождя», «носителя истины», «совести нации», «носителя подлинной веры» и т. п., либо в маске, в которую его облачили («индуцированный фанатик») — «суперэтноса», «мстителя», «гегемона/господствующего класса», «революционера», «бойца», «солдата», «шахида», «русского» и т. п.; б) в маске, снимающей боль и ответственность; ведь проще нацепить чужую маску, чем искать свое истинное лицо.

Как говорится, золотая маска скрывает все недостатки: «Скрыв гадкий замысел под сладкой маской, зло величает мудростью коварство». Чешский проповедник Ян Гус, сожженный в огне инквизиции, во время казни, заметив старушку, подбрасывающую хворост в его костер, воскликнул: «Святая простота!» — имея в виду, что старушка думала, что совершает богоугодное дело исцеления от скверны. И в этом смысле институт инквизиции был не столько репрессивным, сколько лечебно-терапевтическим институтом. Инквизиторы искренне полагали, что исцеляют людей от греховности.

Есть понятный каждому человеку модус бытия, определяющий смысл его жизни. Его суть — в *признании*. Основатель экзистенциализма Серен Кьеркегор несчастнейшим полагал человека, не нашедшего признания ни в настоящем, ни в прошлом, ни в будущем [6]. Отсюда, природа экстремизма — каинова, она обусловлена поиском признания своей самости. Первым знаковым экстремистом был Герострат — молодой житель Эфеса, который сжег храм Артемиды в своем родном городе в 356 до н. э., для того, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки. Когда мы говорим об экстремизме, не надо забывать, что у каждого экстремиста есть некий комплекс Герострата.

Экстремизм продуцируется стремлением к буквальному равенству. На языке философии такая жизненная установка представлена в понятии *ressentiment*, введенном в оборот Ф. Ницше. *Ressentiment* — справедливость как равенство — основывается на зависти — на зависти к Другому, который имеет то, чего нет у нас, и который наслаждается этим. Отсюда, «проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем, что они хуже нас, а скорее в том, что они втайне сами так считают» [84; с. 27]. Логику *ressentiment* воспроизводит анекдот о словенском крестьянине, которому добрая волшебница предлагает выбор: она либо даст ему одну корову, а его соседу две; либо заберет у него одну корову, а у его соседа — две, — крестьянин, не задумываясь, выбирает второе. В более жуткой версии волшебница говорит ему: «Я сделаю все, что ты хочешь, но предупреждаю, что твоему соседу достанется вдвое больше!» Хитро улыбаясь, крестьянин отвечает: «Выколи мне глаз!»

Extreme — (слов.) — крайность. Человек — по своей природе экстремальное, азартное существо (американские горки, казино, спорт, армия и бизнес). Бросить себя на карту, на край существования («Кто не рискует, тот не пьет шампанское!») — удел наиболее пассионарных. В этом смысле Сократ и Джордано Бруно, радикально из-

менившие ценой своей жизни мировоззренческие установки не только современников, но и последующих поколений, были экстремалами. Очевидно, наиболее знаковым экстремалом являлся Иисус. В то же время, не следует отождествлять экстремала с экстремистом. Граница между ними — в том, кто ставится на край существования: экстремал рискует собой, экстремист — окружающими его людьми. Экстремизм — есть выражение нетерпимости существования другого. Как социальное действие экстремизм находит свое воплощение в актах насилия, либо угрозе его применения на основе этнической, религиозной, идеологической неприязни.

Симптоматика экстремизма

Американский исследователь-социолог Лейард Уилкоккс (Laird Wilcox) определил экстремизм по характерным *симптоматическим* признакам¹. По мнению социолога, чем больше этих признаков наблюдается у рассматриваемого субъекта, и чем заметней они, тем с большей вероятностью можно утверждать, что наблюдаемый субъект есть экстремист. В трактовке автора эти признаки следующие².

1. Безответственные обобщения.
2. Постановка знака равенства между «похожестью» и «идентичностью».
3. Переход на личности. Экстремисты всегда быстро переходят от обсуждения фактов к обсуждению личностей, вовлеченных в процесс.
4. Манипулирование логикой доказательств. Выдача желаемого за действительное, подмена корреляционных зависимостей причинно-следственными связями и т. п.
5. Приклеивание ярлыков. Сознательный уход от использования «нейтральных терминов» к злоупотреблению эпитетами.
6. Тенденция видеть зло в оппонентах и их критике. Оппоненты всегда по определению люди плохие, нечестные, аморальные и т. д.
7. Применение двойных стандартов. Экстремисты всегда считают неотъемлемым свое право на доверие и никогда не дают такого оппонентам.
8. Поляризация принадлежности субъектов к «своим» и «чужим» без возможности занять промежуточную, или нейтральную, позицию.
9. Использование лоббирования для лишения оппонентов права слова и права доступа к СМИ.
10. Определение своей позиции не через формулирование ее принципов, а через идентификацию своих врагов.
11. Мышление в рамках модели приближающегося апокалипсиса, например, «не поддерживайте меня, завтра кругом будут одни...».
12. Использование запугивающих аргументов, например «хотите помочь дьяволу, тогда голосуйте за...»;
13. Постоянное использование лозунгов и идеологических клише вместо реального разъяснения сути явлений.
14. Предположение о своей духовной и моральной исключительности и превосходстве.
15. Изначальная готовность использовать принцип «цель оправдывает средства».
16. Ориентация на эмоциональное восприятие идей обществом, подмена разъяснений пропагандой (первое — «как думать», а вторая — «что думать»).
17. Повышенная подозрительность, гипертрофированная «бдительность» и мнительность по отношению к происходящему.

¹ Laird Wilcox, Hoaxer Project Report, 1991, Publisher: L. Wilcox Editorial Research Service, ISBN: 9789992173374. P. 39–41 [Electronic resource]. URL: <http://www.lairdwilcox.com/index.html> (дата обращения: 25.12.2014).

² [Ibid.].

18. Апелляция к сверхъестественным силам и знаниям, злоупотребление понятием «вера».
19. Экстремисты считают, что если они проигрывают, то во всем виновата система.
20. Маниакальная нетерпимость неопределенностей, желание все явления, несущие в себе риски изменений, зарегулировать той или иной нормой.
21. Склонность к закрытому групповому мышлению. Обсуждение тем с собой подобными, чтение книг, читаемых окружением и т. п.
22. Персонализация угрозы и врагов, радость от неудач конкретных людей, отстаивающих противоположные взгляды.

В современном мире источником экстремизма является монополия на истину. Монополия на истину, неприемлемая в науке, наиболее опасна в человеческих отношениях. В ценностном мире истина — пружина, запускающая механизм насилия. Людям было бы просто лень непрерывно прибегать к системному насилию, не говоря уже о том, что это мероприятие рискованное, если бы они не были абсолютно уверены в своей правоте [4, с. 36–53]. Тот, кто полагает, что обладает знанием абсолютной истины, решительно действует от ее имени, сметая все на своем пути [5]. Герои произведений Андрея Платонова — не сомневающиеся в своей правоте «евнухи души»: Копенкин на лошади Пролетарская сила, с Лениным в башке, в сердце с Розой Люксембург, крушил белогвардейцам головы с таким хладнокровием, с каким баба полет просо [7].

Механизм деструктивного действия состоит том, что абсолютная уверенность в своей правоте, неприятие иных представлений о жизни (что является верным признаком духовно-нравственного бессилия), высвобождает силы агрессии, которые утверждают в качестве универсальных собственные ценности, посредством отрицания иных.

Опыт противодействия экстремизму

Международное сообщество отрицает экстремизм и терроризм как средство для достижения каких бы то ни было политических целей. Борьба с этими явлениями провозглашена Организацией Объединенных Наций одной из приоритетных задач своей деятельности. Основными направлениями усилий, предпринимаемых для противодействия политическому радикальному экстремизму, являются: создание международной и национальной правовой базы, формирование мощных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с экстремизмом, а также оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся источниками вооруженных конфликтов¹.

Международные эксперты сходятся во мнении, что залог успеха в борьбе с экстремизмом лежит в комплексности парадигм и программ противостояния ему. В прессе можно найти множество примеров успешных действий по ликвидации как экстремистских проявлений, так и причин, к ним приводящим. Общим недостатком большинства подобных «победных фанфар» является их фрагментарность и отсутствие независимой информации о действенности предпринимаемых мер в средне- и долгосрочной перспективе.

Обратимся к отчету Рабочей группы Вашингтонского института изучения мира на Ближнем Востоке, организованной под эгидой Президентской группы по изучению проблем Ближнего Востока².

¹ Международная организация UNICRI под эгидой ООН [Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/terrorism/UNICRI-Counter-Terrorism.shtml> (дата обращения: 25.12.2014).

² The Washington Institute for Near East Policy Rewriting the Narrative // An Integrated Strategy for Counterradicalization. — Washington DC : [s.n.], 2009. [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/templateC04.php?CID=311>; (дата обращения: 25.12.2014).

В качестве наиболее хорошо описанной и доказавшей свою эффективность (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) модели противостояния экстремизму, обратимся к государственной программе Саудовской Аравии под названием «PRAC»¹.

Выбор этот объясняется следующими обстоятельствами:

- фокус на одном из самых радикализованных регионов мира;
- применимость результатов исследования к ситуации в Российской Федерации;
- применимость результатов исследования к другим формам экстремистских идеологий.

Рабочая группа называется «Task Force on Confronting the Ideology of Radical Extremism» и целью ее работы являлась выработка рекомендаций администрации президента Обамы по проблеме противодействия радикальному экстремизму. При проведении исследований эксперты рабочей группы обобщили, в том числе, и наработанный международный опыт в этой сфере, а репрезентативность участвующих в рабочей группе экспертов — дипломатов, ученых, законодателей, представителей разведывательных ведомств и т. п. делает ее выводы весомыми.

Основной вызов стабильности на Ближнем Востоке, по мнению экспертов рабочей группы, исходит от радикального исламского экстремизма (а точнее фундаментализма), который под идеологическим лидерством Аль-Каеды проповедует идею объединения исламского мира на непримиримую войну с США и другими «неверными» (в ряды которых в явном виде записана и Российская Федерация), противостоящими образованию всемирного исламского халифата, живущего по законам шариата. По мнению экспертов рабочей группы, в деле противостояния радикальному исламскому фундаментализму особого внимания заслуживает опыт Саудовской Аравии и Сингапура.

Изучение информации о проекте «PRAC» Саудовской Аравии дает немало идей, достойных более широкого международного применения. Говоря о его эффективности, отмечается наименьший из имеющихся в мире коэффициент рецидивности — всего 1–2%. Такой уровень возврата к преступной деятельности создает критическую проблему для экстремистских организаций, испытывающих в последнее время серьезный «кадровый голод».

По сути, программа сводится к многофакторному и многофазному противостоянию крайним религиозным взглядам, от этапа их появления до этапа социальной реабилитации их носителей, преступивших закон, претворяя эти идеи в жизнь. PRAC расшифровывается как Prevention, Rehabilitation and After Care (предупреждение, социальная реабилитация и забота об оступившихся). Ее особенностью является межведомственный и общегосударственный подход к борьбе со столь опасным социально-политическим явлением, как радикальный религиозный экстремизм. Отчасти такая комплексность достигается «административным ресурсом» монархии, заинтересованной в сохранении идеологического лидерства в стране, но вместе с тем она успешно использует элементы межведомственной совместности — кто больше сделал для борьбы с экстремизмом. Основные компоненты этой программы следующие.

Предупреждение. Деятельность государственных органов Саудовской Аравии по предупреждению экстремистских проявлений реализуется как активной пропагандой опасности экстремизма, так и предложением гражданам альтернативной (официальной) точки зрения по вопросам религиозных догматов. Проанализировав основной сегмент «кадрового резерва» экстремистов и каналы вербовки новых

¹ Boucek Christopher. Carnegie Papers. Saudi Arabia's "Soft" Counterterrorism Strategy: Prevention, Rehabilitation, and Aftercare. — Washington DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.carnegieendowment.org/publications/?fa=view&id=22155> (дата обращения: 25.12.2014).

членов (молодежь в свободное от учебы время), министерство образования инициировало программы по качественному улучшению возможностей досуга молодежи — спортивные соревнования, экскурсии, походы и т. п. Министерство культуры и информации развернуло в СМИ разъяснительную кампанию об опасности экстремизма, а министерство по исламским делам привлекло священнослужителей к работе с верующими, организовав в мечетях проповеди уважаемых имамов, разъезжавших по стране.

Основной задачей, поставленной перед «молодежным» направлением предупреждения, было обеспечение максимальной вовлеченности подрастающего поколения в антиэкстремистские программы. Это достигалось, в том числе, участием в различных конкурсах (например, лучшее фото недели о стране), с соответствующими призами и наградами для участников. Кроме того, во время таких мероприятий секретные службы страны вербовали в свои ряды перспективных молодых людей, в том числе для того, чтобы не оказаться с ними позднее по разные стороны баррикад.

Не осталась без внимания со стороны министерства образования и работа с кадровым составом учителей. Все преподаватели, замеченные в сомнительных наставлениях учащимся, вначале вызывались на собеседование, а в случае продолжения своей линии отстранялись от работы. Министерство внутренних дел активно проводило в жизнь линию на гуманизацию тюремной системы. Было построено пять новых тюрем, ориентированных на реабилитационную работу с заключенными, осужденными по экстремистским статьям. В пропагандистских мероприятиях упор делался на подчеркнутое единство общества и сил безопасности, а также на предупреждение граждан о том, что экстремисты заботятся не о благе страны и народа, а пытаются достичь своих личных целей. Последнее сопровождалось распространением фотографий с мест террористических атак и интервью с выжившими жертвами.

Социальная реабилитация. Меры по социальной реабилитации и реинтеграции участников экстремистских групп основываются на их религиозном и психологическом патронаже. Целью мероприятий является вывод их из активной антиправительственной деятельности (демобилизация) и дерадикализация. Соответственно, эта часть программы PRAC предназначена для лиц, осужденных за экстремистские правонарушения. Этим лицам предлагается добровольно присоединиться к программе реабилитации и в обмен на это законом гарантируется возможность получения ряда льгот, в том числе досрочного освобождения. Программа построена на предположении, что осужденные стали экстремистами из лучших побуждений, наиболее типичным из которых является желание быть более набожным, но были направлены экстремистами по ложному пути обретения единения со Всевышним. Координирует работу с осужденными специально созданный Советательный комитет при министерстве внутренних дел, в который входят не только сотрудники службы безопасности, но и известные ученые, теологи, психологи, социологи, врачи и т. д. Однозначной находкой саудитов в этом процессе являются методы «семейной терапии».

Эксперты США очень негативно отзываюся об этичности применения таких мер, но вместе с тем признают, что во многом низкий уровень рецидивности программы «PRAC» обеспечивается именно этим методом. Фактически он сводится к использованию членов семьи осужденного в качестве заложников успешности процесса его реабилитации. Формально все выглядит вполне невинно — на время срока заключения семье предлагается материальное содержание в размере дохода семьи до ареста экстремиста и предлагается членам семьи всячески способствовать «неформальному воспитанию оступившегося». За рамками официальной истории остаются факты сомнительных (если не сказать сильнее) методов воздействия на семью в случае подозрений на экстремистский рецидив реабилитируемого после освобождения. Тем не менее, выстроенная модель «кнута и пряника»

ка» приносит положительный результат — никто еще в мире не добился снижения уровня рецидивности до 1–2%.

Социальная реабилитация начинается в местах заключения, где с осужденным помимо прочих работают психологи и уважаемые в обществе теологи-имамы. Имам обеспечивает патронаж как осужденного, так и его семьи, и не заканчивает свою работу с освобождением бывшего экстремиста на свободу, а продолжает «курировать» его и далее. Интересным фактом из статистики реабилитируемых является то, что треть из осужденных до этого получили опыт боевых действий за границей; при этом упоминается и Чеченская Республика, как одно из мест «стажировки». Переход осужденного на следующий этап — забота об оступившихся — случается после положительного заключения членов Совецательного комитета и сдачи осужденным формального экзамена. Следующий этап означает для бывшего экстремиста возможность досрочного освобождения и перевод в более комфортные условия содержания (но еще не освобождение).

Целью этапа *заботы об оступившихся* является подготовка бывшего экстремиста к нормальной (послетюремной) жизни и воспитание в нем стойкого неприятия своего прошлого экстремистского окружения. Под эту же программу попадают возвращенные в Саудовскую Аравию узники Гуантанамо. К мерам «заботы об оступившихся» относится содержание осужденных по «экстремистским статьям» в специально построенных заведениях, где предлагаются более комфортные режимные условия и проживание в кампусе-общезитии, максимально приближенное по обстановке к нормальным домашним условиям. Это место содержания называется «на полпути домой». Применяемые методы групповой терапии подразумевают не только совместное решение бытовых вопросов, но и командные спортивные игры и т. п. Из интересных находок следует отметить художественные упражнения. Уроки рисования не только сами по себе являются прекрасным «заместителем», но и играют важную религиозную воспитательную роль — у исламских фундаменталистов существует табу на художественное воспроизведение себе подобных, так что, вовлекая оступившихся в эти занятия, закрепляется и воспитательный эффект предыдущих этапов. При переводе на базу «на полпути» оступившиеся информируются о дате освобождения, и если по каким-то причинам Комитет решит его отложить, то осужденному дается право на компенсацию задержки (около 270 долл. в день). После освобождения власти оказывают бывшим экстремистам помощь в трудоустройстве (как в государственные структуры, так и в частный сектор), а если процесс возврата к нормальной жизни и нормальным религиозным взглядам проходит особенно успешно, то реинтегрируемым могут быть выданы за государственный счет даже машина и квартира.

Анализируя информацию о программе «PRAC», в первую очередь бросается в глаза ее односторонняя направленность. В ней, безусловно, присутствуют элементы *проактивных* действий, но ориентирована она в первую очередь (а может и исключительно) на воздействие на субъектов — носителей экстремистских воззрений. Парадигма такого подхода хорошо описывается известной сталинской фразой «нет человека — нет проблемы», а посему для достижения требуемого результата необходимо просто такой субъект «нейтрализовать». Другое дело, что делается это вполне современными методами. Одним из принципов, который был положен в основу программы «PRAC», и международные эксперты подтверждают его действенность, — понимание того, что иметь радикальные взгляды не всегда плохо, а вот добиваться этого насильственными методами — позиция, требующая категорического неприятия всеми имеющимися у государства и общества средствами.

Опыт Сингапура в области противостояния радикальному исламскому экстремизму заслуживает внимания по причине широкой вовлеченности в процесс гражд-

данского общества и местных исламских организаций¹. Фактически, именно на умеренных исламских теологах лежит основной груз идеологического противостояния с радикалами, что не только снимает дополнительную нагрузку с государственных органов, но и, что даже важнее, — способствует межконфессиональному единству граждан Сингапура. Фундаменталисты при таком подходе ассоциируются не со всеми, кто исповедует ислам, а лишь с некими радикально-философскими перверсиями, которые возможны в любых религиях. Государственная политика Сингапура всячески поощряет проявления умеренного ислама — в стране действует Исламский религиозный совет Сингапура, наделенный законодательством существенными полномочиями по внутри- и межконфессиональным вопросам. Под его эгидой даже действует суд шариата, наделенный государством правом решать, например, вопросы заключения браков и разводов мусульман страны.

Интересен и опыт Сингапура по задействию в противостоянии экстремизму возможностей современных информационных технологий, в частности социальных сетей. Технологии web 2.0 не только существенно снижают расходы на создание и агрегацию информации (за счет использования контента, генерируемого пользователями), но и позволяют эффективно адресовать идеи толерантности молодежи (активно использующей блогосферу), которая особенно подвержена риску заражения «вирусом радикального фундаментализма».

Результаты работы «Рабочей группы Вашингтонского института изучения мира на Ближнем Востоке» представлены в виде рекомендаций для администрации президента Обамы. Эти рекомендации разделены на три группы — стратегические, функциональные и структурные, и большинство из них могут быть применены в Российской Федерации. Кратко суммируя стратегические рекомендации экспертов, можно сказать, что они сводятся к совету вывести США из состояния прямой борьбы с исламским радикализмом и переориентировать основное направление работы на поддержку местных сил, выступающих против него.

В заключение стоит отметить, что в развитых странах Западной Европы также существуют программы противодействия политическому экстремизму, но они полностью интегрированы в общегосударственные меры обеспечения правопорядка. Так, в ФРГ эти обязанности возложены на Федеральное бюро по защите Конституции (BfV), со штаб-квартирой в Кельне. По факту, Бюро — спецслужба, ведущая, в том числе, агентурную деятельность в среде экстремистских организаций. Результаты работы Бюро направляет по подведомственности в Министерство юстиции или в Министерство внутренних дел ФРГ. Бюро выпускает специальный бюллетень, в котором ежегодно публикуются сведения об экстремистских организациях и их акциях².

Находкой программы противодействия экстремизму в Великобритании можно считать использование фонда Quilliam, где идеологическое противостояние исламскому радикальному фундаментализму ведут бывшие, а ныне раскаявшиеся экстремисты. Доказательством эффективности его деятельности можно считать внушительные гранты, направляемые Фонду правительством Великобритании.

Вирус экстремизма и его дезавуация

Есть прямая аналогия между вирусами СПИДа и экстремизмом. В организме человека от 5 до 7 кг вредных бактерий, но пока иммунная система в порядке, они находятся на периферии его функционирования. ВИЧ, поражая иммунитет организма,

¹ Интернет-сайт Сингапурской Religious Rehabilitation Group (RRG) 2008 [Electronic resource]. URL: http://www.rrg.sg/subindex.asp?id=A033_07. (дата обращения: 26.12.14).

² Интернет-сайт Федерального Бюро по защите Конституции ФРГ [Electronic resource]. URL: <http://www.verfassungsschutz.de/de/index.html> (дата обращения: 26.12.14).

дает возможность осуществить его захват инфекционными бактериями. Таким же образом развивается этнополитический экстремизм. Его ферменты присутствуют в любом современном обществе. Но если сохраняется духовно-нравственное единство общества, если институты государства нормально функционируют, вирус экстремизма находится на периферии социума, но, как только происходит распад общественной морали, деградация политических институтов, экстремизм пожирает его. Печальной демонстрацией этого является гражданская война на Украине, развернувшаяся вслед за распадом государственных институтов.

Свежим примером группового экстремизма стали массовые протестные акции в Фергюссоне, вызванные оправданием американской Фемидой действий полицейского, застрелившего двенадцатилетнего подростка. В ходе следственного эксперимента доказано, что полицейский действовал в соответствии с законом. Но люмпены, чинившие массовые погромы, прикрываясь гражданскими правами и свободой, поднялись за свою маргинальную субкультуру, в рамках которой им все должно, за свое право безнаказанно грабить ларьки. В их в представлении полицейский, противодействующий беспределу — воплощение зла.

Жизнь так устроена, что основную тяжесть ответственности за поведение подрастающего поколения должны нести взрослые. Л. Н. Толстой утверждал, что самым совершенным существом на нашей планете является ребенок, поскольку в нем наиболее гармонично представлены три субстанции, определяющие существо человека: истина, добро и красота. Ребенок называет вещи своими именами (даже если и обманывает, то делает это не системно), с почтением относится к друзьям и людям старшего возраста, обладает нежным, гармоничным телом. Поэтому подлинное, развитое зло может быть вызвано лишь значительным (растянутым во времени) рассогласованием между истиной, добром и красотой, а значит, его носителем может быть относительно взрослый человек.

Наконец, сегодня, когда в обществе развернулась широкая дискуссия о причинах и последствиях глобализации, вспоминается один парадокс, который свидетельствует о том, что как раз идеальными глобалистами являются дети от двух до пяти лет. В этом возрасте они могут усвоить несколько иностранных языков и несколько культур. И это прекрасно!

Логика противодействия экстремизму — есть логика обретения позитивного смысла. Ведь корни молодежного насилия — в скуке, в отсутствии интереса к жизни. Не найдя достойную духовную цель в жизни, молодые люди либо скатываются на путь преступления, либо становятся «творцами и героями» собственной наркоидеи. В силу своего возраста значительная часть молодежи склонна к опрометчивым, немотивированным действиям. На языке современной философии это явление именуется трансгрессией (термин введен французским философом Ж. Батаем [2]). Известно, что первая французская книга, посвященная графологическому анализу почитаемых святых, вызвала настоящий скандал. Оказалось, что если бы эти выдающиеся личности, которым поклоняются как святым, не посвятили себя религии, все они стали бы или знаменитыми преступниками, если речь идет о мужчинах, или знаменитыми проститутками, если речь идет о женщинах. Наверняка это относится не только к святым. Нужно влюбиться в достойную общественно-значимую идею, жениться на ней, или выйти замуж за нее, и жить с ней до тех пор, пока не найдешь ей замену — другую, более привлекательную и значимую.

Обобщая сказанное, отметим, что экстремизм еще, видимо, надолго останется мобилизующей силой для населения полиэтничных и полирелигиозных сообществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с «иноязычными», не утвердится демократия. Это произойдет тогда, когда гражданин получит возможность обладать достоянием, которое он будет ценить

выше групповой идентичности, с ее облегченной жертвенностью и минимальной личной ответственностью.

Для преодоления вражды и недоверия, выраженных в ироничной фразе «Все люди братья, но не все по разуму», мы должны не только согласиться с определенной утратой идентичности, но и научиться жить в калейдоскопе идентичностей.

Литература

1. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. № 9, 1997.
2. Батай Ж. Литература и зло. М. : МГУ, 1994.
3. Концен П. Фанатизм: психоанализ этого ужасного явления / пер. с нем. С. С. Димитрова ; науч. ред. А. И. Кугая. Харьков : Гуманитарный центр, 2011.
4. Кугай А. И. Абсурд зла в формате иронии. Харьков : Гуманитарный центр, 2011.
5. Кугай А. И. Пространство репрессивной логократии // Управленческое консультирование 2013, № 1. С. 132–137.
6. Кьеркегор С. Несчастнейший. М. : Библийско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2002.
7. Платонов А. П. Чевенгур / илл. С. Филипповой. СПб. : Вита Нова, 2008.
8. Славой Ж. О насилии. М. : Европа, 2010.
9. Hayward Steven F. Extremism and moderation // Claremont Review of Books. Summer, 2014. Vol. 14. Issue 3. P. 17. 5 p.
10. Southers Erroll G. Homegrown Violent Extremism, Amsterdam, Netherlands: Elsevier, 2013.

References

1. Berdyaev N. A. *On fanaticism, orthodoxy and truth* [O fanatizme, ortodoksii i istine] // Person [Chelovek]. N 9, 1997.
2. Bataille G. *Literature and evil* [Literatura i zlo]. M. : MSU [MGU], 1994.
3. Conzen P. *Fanaticism: psychoanalysis of this awful phenomenon* [Fanatizm: psikhoanaliz etogo uzhasnogo yavleniya] / translation from German S. S. Dimitrov; science edition: A. I. Kugay. Kharkov : Humanitarian center [Gumanitarnyi tsentr], 2011.
4. Kugay A. I. *Absurd of the evil in an irony format* [Absurd zla v formate ironii]. Kharkov : Humanitarian center [Gumanitarnyi tsentr], 2011.
5. Kugay A. I. *Space of a Repressive Logocracy* [Prostranstvo repressivnoi logokratii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 1. P. 132–137.
6. Kierkegaard S. *Most unhappy* [Neschastneishii]. M. : Bible and Theological Institute of the St. Apostle Andrey [Bibleisko-Bogoslovskii Institut sv. apostola Andrey], 2002.
7. Platonov A. P. *Chevengur* [Chevengur] / Ill. of S. Filippova. SPb. : Vita Nova, 2008.
8. Slavoj Z. *About violence* [O nasilii]. Publishing house "Europe" [Evropa], 2010.
9. Hayward Steven F. *Extremism and moderation* // Claremont Review of Books. Summer, 2014. Vol. 14. Issue 3. P. 17, 5 p.
10. Southers Erroll G. *Homegrown Violent Extremism*. Amsterdam, Netherlands : Elsevier, 2013.

Марков А. А., Покровская Н. Н., Смирнов П. Д.

Развитие социального института массовой коммуникации в информационном обществе и правовое поле личной и корпоративной информационной безопасности

Марков Александр Анатольевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры управления общественными отношениями

Кандидат юридических наук, доцент

dept.ksoim@engec.ru

Покровская Надежда Николаевна

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Профессор кафедры социологии и социальной работы

Доктор социологических наук, доцент

npr@spieson.ru

Смирнов Павел Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Старший преподаватель кафедры хозяйственного права

npr@finec.ru

РЕФЕРАТ

Учитывая решающую роль информации в постиндустриальном обществе, каналы массовой коммуникации составляют важный предмет исследования социальных наук. Социологический анализ механизмов и инструментов создания и передачи информации, а также каналов открытого доступа к сведениям и компетенциям ставит вопросы о новых возможностях, но также и о социальных ограничениях функционирования систем массовой коммуникации. В рамках данной перспективы предлагается материал, рассматривающий проблематику эволюции и динамики вопросов безопасности с позиций социально-правовой оценки функционирования института массовой коммуникации в информационном обществе.

В представленном материале выстроена дедуктивная логика исследования институционализации каналов распространения информации и регулятивных механизмов, устанавливающих необходимые для успешной жизнедеятельности сообщества и индивида ограничения, от общего анализа информационного общества к частным вопросам реализации информационной безопасности индивидуальных и корпоративных акторов. Анализ регуляторов поведения в постсовременной социокультурной среде на уровне микро-социологической эмпирики проведен с точки зрения правовой защиты чести и достоинства личности и корпоративной идентичности, с учетом специфики функционирования индивида и группы в информационном обществе.

На основе проведенного теоретического и практического анализа делается вывод о необходимости формализации и дифференциации легальных типов регулятивных моделей. Институционализация безопасности требует исследования системы критериевальных подходов к оценке эффективности регуляции информационно-коммуникационной активности в постсовременном обществе. На основе выявления специфики информационного общества, оценки степени его отличия от традиционного социума, изучения динамики роли информации как ресурса и как формы существования актора в пространстве информационного общества, предлагается дать оценку новых форм функционирования социальных институтов массовой коммуникации. С учетом уровневой и содержательной интерпретации информационной безопасности как способности общества минимизировать препятствия для свободной реализации социально приемлемых интересов индивида и группы (ассоциации, организации), в материале затрагивается с теоретической точки зрения вопрос охраны данных от несанкционированного доступа, а также рассматривается, как с теоретических, так и с практических социологических и правовых позиций, вопрос за-

щиты от посягательств и нарушения целостности и достоверности (например, защита от клеветы) представляемой в каналах массовой коммуникации информации об индивиде или организации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная безопасность, правовое поле, защита, социальный институт, массовая коммуникация

Markov A. A., Pokrovskaya N. N., Smirnov P. D.

Development of Social institution of Mass media in Information Society and Legal Field of the Personal and Corporative Information Security

Markov Alexander Anatolyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Public Relations Management
PhD in jurisprudence, Associate Professor
dept. ksoim@engec. ru

Pokrovskaya Nadezhda Nikolaevna

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Sociology and Social work
Doctor of Science (Sociology), Associate Professor
nnp@unecon. ru

Smirnov Pavel Dmitrievich

Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Assistant Professor of the Chair of the Commercial Law
spb1971@mail. ru

ABSTRACT

The crucial role of information in the post-industrial society leads to the necessity and actuality of social sciences' studying mass communication channels. Sociological analysis of mechanisms and tools of the information and knowledge' creation and transmission, as well as channels of open access to data and competences, raises questions on the new opportunities, but also on the social constraints for the functioning of mass communication systems. As part of this perspective, the proposed material focuses on the problems of the evolution and dynamics of security issues from the point of view of social-legal assessment of the functioning of the Institute of Mass Communication in the Information Society.

The submission is built in the inferential deductive logic, from the general analysis of the information society and the studies of institutionalizing communicative channels and regulatory mechanisms that establish restrictions, crucial for individual and community' protection, towards the implementation of the private information security of individuals and corporate actors. Analysis of regulators of the behavior in the postmodern socio-cultural environment at the level of micro-sociological empirical research is carried out in terms of legal protection of honor and dignity of individuals and of corporate identity. The theoretical and practical analysis concludes on the need to formalize and differentiation of types of legal regulatory models.

By identifying the specific features of the information society, revealing the elements of the traditional society, the study concerns the dynamics of the role of information as a resource and as a form of existence of the actor in the space of an information society.

In view of the interpretation of information security as a society's ability to minimize the obstacles to the free realization and actualization of socially acceptable interests of individuals and groups, the material deals with a theoretical question of protection of data, and with theoretical and practical sociological and legal purposes of the protection against abuse and violation of the integrity and credibility.

KEYWORDS

Information security, legal field, protection, social institutions, mass communication

Логика исследования институционализации каналов распространения информации в рамках социологического анализа регуляторов поведения в постсовременной социокультурной среде с точки зрения правовой защиты чести и достоинства личности и корпоративной идентичности строится на анализе специфики функционирования индивида и группы в информационном обществе с учетом формализации и дифференциации легальных типов регулятивных моделей.

В частности, институционализация безопасности в информационном обществе нуждается в исследовании системы критериальных подходов. Следует определить специфику информационного общества [14; 15] и изменение роли информации, не только как ресурса повышения эффективности [21, с. 17–18], но и как формы существования актора — человека или ассоциативного субъекта в обществе, например, блоги, страницы в социальных сетях, корпоративные порталы и т. п. Опираясь на микросоциологический анализ функционирования индивидуальных и корпоративных акторов [12] в пространстве информационного общества, можно выявить новые формы социальных институтов и ответить на вопрос о степени их новизны.

Кроме того, изучая интерпретацию информационной безопасности, следует определить иерархию уровней безопасности, выделив в шкале гуманистических и социальных ценностей примат личностных (индивидуальных) и социетальных (групповых) элементов безопасности, в частности, дать оценку дихотомии «социокультурные элементы (мораль, нравственность и т. п.) — толерантность и свобода выбора» индивида.

Наконец, с точки зрения содержания информационной безопасности следует изучить как самостоятельный предмет охрану данных от посягательств и нарушения (например, защита от клеветы) и ограничение доступа к информации (защита интеллектуальной собственности).

Критериальные подходы к осмыслению содержания и форм защиты субъекта опираются на поиск и уравнивание возможностей реализации интересов субъекта (индивида или организации) и разнообразных групп, к которым он принадлежит. Безопасность можно трактовать как отсутствие препятствий для реализации целей индивида или организации. В условиях, когда информация играет роль ключевого ресурса, защита интересов индивида ставит дилемму выбора между компенсацией авторских усилий (ограничения пользования в связи с интеллектуальной собственностью на интеллектуальную продукцию) и правом доступа к достижениям человечества (например, право на жизнь, а значит, на лекарство, необходимое для спасения жизни). Очевидно, что гуманистическая идея, отдающая предпочтение открытому доступу к интеллектуальному, культурному продукту, приводит к снижению темпов развития цивилизации (например, рост дженериков тормозит фундаментальные и прикладные исследования, позволяющие изобретать новые формулы лекарственных средств, тестировать их и выявлять их полезные и вредные свойства), т. е. дилемма в общем виде касается выбора в пользу «эффективности сильных» (в будущем удастся спасти больше людей, если сегодня проводить исследования и компенсировать фармацевтическим компаниям их расходы на основе защиты лекарственных препаратов) или «помощи слабым» (но сегодня миллионы людей умрут без дешевой медицинской помощи). С точки зрения информационной безопасности, ограничение доступа к культурному и интеллектуальному продукту не смертельно (как в случае с дженериками), вместе с тем приводит к отставанию личностного и организационного развития, например, знакомство с новой книгой или применение новых управленческих методов и технологий доступа к информации (таких, как мобильные устройства) способствовало бы более быстрому достижению успеха, счастья и благополучия индивидом и более адекватной и быстрой оптимизации предпринимательских схем.

В связи с этим приходится заметить, что сама проблема правовой защиты личности или ассоциации возникает, строго говоря, в связи с сохранением значительного объема базовых, ключевых элементов традиционного общества в том социальном образовании, которое сегодня мы называем информационным обществом [20]. Можно показать, что хотя информационное общество обладает целым рядом инструментальных (способствующих) особенностей, связанных с технологиями достижения целей, финальные (терминальные) принципы, лежащие в фундаменте целеполагания, продолжают определяться традиционными (пока на данном этапе развития человечества и научных знаний можно условно принять их как универсальные и вечные) ценностями.

Информационное общество как социальная система представляет собой форму функционирования традиционного общества с учетом спирального развития в рамках социокультурной динамики, валоризации информационных ресурсов и одновременно необходимости защищать эти ресурсы от возможных посягательств, как количественных (кража данных), так и качественных (разрушение престижа, вред деловой репутации и т. п.). С этих позиций точка зрения Ф. Фукуямы на «конец истории» [7] и на человечество конца второго тысячелетия как на качественно новый социум, которому присущи особые законы, нормы, порядок, ценности, представляется не в полной мере отражающей реальность, которую констатируют социологические исследования. Более того, формирование личности в веберовской концепции расколдовывания мира (*Entzauberung der Welt*) [8], в пределах «последнего человека» Ф. Ницше или постисторического человека толпы не подтверждают ни результаты эмпирических исследований, ни социальные факты, например, усиление автономной регуляции в форме негосударственных организаций, движений, флеш-мобов, фундаменталистских идеологий и статистически значимых факторов социальной мобильности, от явления дауншифтинга до развития исламского экстремизма среди этнических западноевропейцев. Напротив, постсовременное общество обнаруживает ревитализацию идеологических (идеократических) принципов традиционного общества как в виртуальном пространстве, так и в реальных физических поведенческих актах индивидов и групп, сегодня человек не только готов, но и жаждет отказаться от своего комфорта и реализации части своих потребностей ради благоговения [4], Таинства [3] и сопереживания [10] природе и другому.

Расширение экономической логики [21], нацеленной на максимизацию эффективности удовлетворения потребностей индивида, на новые сферы, отраженное в концепции экономического империализма [11; 16, с. 511–512; 19, р. 15], приводит к необходимости обосновать оценочное суждение о степени новизны тех социальных институтов, которые выполняют функциональные задачи направления, регулирования и оптимизации информационных потоков, и прежде всего, разнообразных каналов массовой коммуникации, как организованных (например, СМИ, включая электронные новостные ленты), так и неорганизованных (обсуждение того или иного вопроса в связи с появлением соответствующего повода в форме видео или текста в какой-либо из социальных сетей).

С этой точки зрения, одним из важных вопросов информационной безопасности является возможность оценить функционирование информации как товара. Поскольку «подлинный», оригинальный, «брендируемый» и запатентованный товар имеет тот или иной, физический или воображаемый, сертификат качества, соответствия стандартам, то в отношении информации предпринимаются многочисленные и разноплановые попытки обеспечить прозрачность происхождения любой информации, включая сведения и мнения, представленные в виртуальном пространстве. Успешность данных правовых попыток может быть оценена с той или иной степенью ясности и достоверности лишь с течением времени правоприменения.

Вместе с тем, необходимо поставить под вопрос саму правомерность оперирования информацией как «обычным» товаром. Как показал К. Поланьи [17], часть предметов, обращающихся на рынках (труд, земля и деньги), являются фиктивными товарами в связи с действием моральных ограничений, налагаемых на принятие решений в повседневных ситуациях выбора, а также с принципиальной неспособностью рыночного механизма обеспечивать доверие, которое является базовым элементом эффективного обращения этих предметов и воспроизводства связанных с ними отношений [6, с. 10–17]. Можно утверждать, что сегодня отнести к таким фиктивным товарам следует и информацию. Безусловно, есть специфические по содержанию виды информации, которые являются в полном смысле слова товаром, например, базы данных (за исключением сомнительных с точки зрения конфиденциальности личных данных и частной жизни) или отчеты маркетинговых, организационно-управленческих исследований, экономические аналитические разработки, биржевые экономико-математические алгоритмы и т. п. Но даже эта сфера затрагивает не только область информации, которую можно представить в «товарной» форме, но и компетентностно-знаниевую сторону информации, которую М. Поланьи определял как «персональное» знание [5; 18], позволяющее действовать.

На основе определения информации Н. Винера можно предложить трактовать информацию как содержание, которое позволяет субъекту (человеку или ассоциации) настраивать свои действия в соответствии с внешним миром¹ [24, р. 17–18], что отражает в целом понимание управления как деятельности, направленной на укрепление сосуществования с реальностью [1]. Одновременно приходится признать, что сегодня информация стала несоизмеримо более важным ресурсом, нежели три базовых фактора производства (земля, труд, капитал), функция информации сегодня состоит в том, что без информации о факте сам факт словно бы не существовал: «если в лесу упало дерево, но об этом не сообщили в СМИ, то дерево не упало» (перефразированная мысль Дж. Беркли о необходимости субъекта восприятия для того, чтобы событие или предмет имели место [2]).

Если в метафизической философской традиции эта загадка разрешается на основе решения вопросов реальности и наблюдения, а также внутренних свойств предмета и его проявлении вовне, то в социально-экономической и правовой плоскостях этот вопрос решается однозначно в пользу социально-конструктивистской концепции, а именно, согласно афоризму (известному как «теорема») У. А. Томаса: «Если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям»² [22, р. 571–572; 9].

С этой точки зрения информация играет ключевую роль, определяя само «существование» предметов и явлений, т. е. действительность. Более того, введение правового регулирования и ограничений на ведение блогов вызвало к жизни интересную полемику о том, кем является блоггер, если его блог закрывается, какую социопрофессиональную идентичность и принадлежность какой социальной группе он может воплощать в своей жизни. Таким образом, не только реальная деятельность человека зависит от информации (как об этом справедливо говорил Н. Винер), но и сама социальная идентификация, т. е. признание существования личности или организации определяется тем, какие сведения присутствуют и как

¹ «Information is a name for the content of what is exchanged with the outer world as we adjust to it, and make our adjustment felt upon it. The process of receiving and of using information is the process of our adjusting to the contingencies of the outer environment and of our living effectively within that environment. ... To live effectively is to live with adequate information. Thus, communication and control belong to the essence of man's inner life, even as they belong to his life in society» [24, р. 17–18].

² «If men define situations as real, they are real in their consequences». [22, р. 571–572].

часто они обновляются в тех или иных средствах массовой коммуникации, прежде всего, в сети Интернет и разнообразных социальных сетях.

Именно этот факт приводит к необходимости признать актуальность изучения вопроса правового поля личной безопасности в информационной среде, поскольку виртуальное пространство сегодня стало признаком реальности существования самого индивида. Можно заметить, что вопрос клеветы или диффамации в сети Интернет имеет два дополнительных значения:

- 1) в силу сниженного уровня ответственности к источнику, клевета в сети Интернет всегда воспринимается получателем информации (читателем) с тем же уровнем доверия, как и печатные источники, что, впрочем, никак не отменяет моральных страданий, которые она может причинить индивиду, и более того, опровержение клеветы вызывает еще меньшее доверие и практически не вызывает никакого интереса;
- 2) скорость и легкость распространения в сети вызывает, как правило, полемику, т. е. ложная информация сталкивается с комментариями, в которых она опровергается, и одновременно, ложь может обрастать правдоподобными подробностями, что усугубляет ситуацию. Если для индивида вред заключается, прежде всего, в распространении порочащей информации, которая может причинять страдания или ущерб деловой репутации, то для организации вопрос корпоративной информационной безопасности связан как с защитой деловой репутации, выраженной в форме одного из нематериальных активов, так и, прежде всего, в потенциальном отказе партнеров от разнообразных сделок (контрактов, договоренностей) инвестиционного характера, долгосрочных отношений с клиентами и т. п., т. е. потенциально упущенной прибыли.

Целесообразно, таким образом, различать два аспекта правового поля, регулирующего вопросы личной и корпоративной информационной безопасности: с одной стороны, обеспечение сохранности данных, технологий и промышленных образцов, моделей и концепт-продуктов, коммерческой тайны и производственных секретов, а с другой стороны, вопрос возмещения вреда в случае «порчи» информации не только как ресурса эффективного производства товаров или оказания услуг, но и как ключевого элемента жизнедеятельности индивидуального или ассоциативного субъекта.

Так, защита авторского права на художественное произведение, интеллектуальный продукт, результат научных достижений или инженерное, производственное решение, управленческий метод (включая специфическую процессную организацию осуществления деятельности или, например, методику обучения, которая не является объектом охраны авторского права¹), разработанную технологию оказания услуги или продажи опирается на принцип справедливой компенсации усилий, затраченных человеком или компанией на создание новшества. Как указывалось выше, вопрос адекватного вознаграждения труда автора (или затрат компании) включает как экономический аспект мотивирования субъектов на дальнейшие усилия, творчество и исследования (проведение фундаментальных и прикладных научных работ, совершенствование и рационализацию технологий и конструкторских решений и т. п.), так и социальный, отражая традиционные (универсальные) принципы справедливости — как с точки зрения справедливого выражения благодарности и признания значимости автора для человечества, так и с точки зрения широкого (всеобщего) доступа к его результатам и плодам творчества. С этой точки зрения, глобальное общество знания в условиях когнитивной экономики может рассматриваться как

¹ Не охраняются авторским правом идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты — п. 4 ст. 6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» (в ред. федеральных законов от 19 июля 1995 г. № 110-ФЗ и от 20 июля 2004 г. № 72-ФЗ).

единая креативная команда, которая осуществляет непрерывный «мозговой штурм» в пределах земного шара, вне национальных или региональных границ.

Таким образом, экономический и социальный аспекты оказываются переплетены наиболее тесным образом, более того, опыт правоприменения достаточно строгого правового регулирования промышленной интеллектуальной собственности в Европейском Союзе в 1990–2000-е гг. поставил регулирующие структуры Союза перед дилеммой — как выяснилось, ужесточение контроля за использованием интеллектуальной собственности привело к парадоксальному снижению эффективности европейской экономики в целом и, прежде всего, высокотехнологичных отраслей, поскольку оказалось, что ограничение доступа к новейшим технологиям (на основе взимания высокой платы за доступ к разработкам) привело к отказу европейских компаний от таких приобретений и, соответственно, отставанию от южно- и восточноазиатских компаний, среди которых «пиратский» доступ к инновационным результатам оказался более свободным.

Данный вопрос затрагивает, прежде всего, ту грань правового поля информационной безопасности (личной, авторской, и корпоративной, в области интеллектуальной собственности и патентной защиты, разработки новых технологий, промышленного шпионажа и т. п.), которая регулирует ситуации сохранности данных. Но в то же время, лидерство в технологиях оказывает существенное влияние и на деловую репутацию, бренд, марку компании-разработчика. В связи с этим все большее число создателей или правообладателей информации (новостных порталов, баз данных научных статей и публикаций, и т. п.), например, разрешает бесплатное использование информационных материалов при условии обязательного упоминания источника.

Диалектика развития технологий и каналов удовлетворения потребностей в ответ на гуманистические установки общества эпохи пре-модерна привела как к расширению человеческих возможностей, так и к возникновению новых точек уязвимости, новых пространств риска.

Субъектность реализации интересов в информационном обществе приобрела новое содержание. Если ранее социальный институт определялся как система социальных отношений, обеспечивающих регулярное выполнение некоторой функции (например, воспроизводство человеческого ресурса в семье, социокультурная регуляция через церковь, трансмиссия культуры посредством художественного искусства или передача знаний в рамках образовательных учреждений), то сегодня прозрачность виртуальной среды позволяет говорить о переносе институционализации в информационное пространство (например, социализация осуществляется посредством социальных сетей, а трансфер знаний — через дистанционные формы обучения и переработку сведений Википедии и аналогичных сетевых источников, включая фундаментальную теоретическую и практико-ориентированную профессиональную подготовку). В связи с этим высокий уровень прозрачности самой организации функционирования социального института системно позволяет формировать более легитимное, но и более сложное, дифференцированное правовое поле.

В ситуации, когда базовые ключевые потребности и ценностные модели человека остались традиционными, в то время как инструменты достижения целей и реализации ценностей изменяются, можно говорить о возникновении когнитивной экономики [23] (экономики знаний, «the Economics of Knowledge» [13], как отрасли научного знания о функционировании хозяйства, основанного на знаниях — «the knowledge-based economy»), в которой принципиальную роль в создании ценности играет уникальная человеческая способность давать оценочное суждение и формировать критериальные модели. Поскольку в скором времени ожидается создание устройств, с помощью которых можно будет переносить часть сознания человека

в компьютер¹, инструментальные функции, вероятно, будут переданы компьютерной технике (hardware) и программному обеспечению (software), в то же время только человек может устанавливать ценностную шкалу, фиксирующую приоритеты и регуляторы поведения.

Таким образом, актуален вопрос создания и адаптации социальных механизмов, в частности, правового поля, которые способны обеспечивать безопасность индивида, гражданина и воспроизводство системы социальных отношений в рамках материального мира, дающего принципиально новые возможности для удовлетворения потребностей личностного развития и социокультурного воспроизводства общества. В результате средства массовой коммуникации получают дополнительную социальную функцию, обучающую, распространяющую и рекомендуемую те или иные поведенческие модели.

Правовое поле защиты частной и корпоративной информации определяет возможности противостоять негативному воздействию на информацию со стороны средств массовой коммуникации, которое может включать в себя следующие виды информации: критическую, искаженную, фальсифицированную, клеветническую.

Критическая информация раскрывает объективно существующие недостатки в деятельности или свойствах индивида или организации, ее особенностью является достоверность в репродукции (изложении) фактов, событий, явлений, которые действительно имели место. Если общественная и профессиональная жизнь индивида может становиться предметом критики, что с точки зрения социума должно привести к его личностному росту и к повышению эффективности его сосуществования с физической и социальной реальностью, то персонификация критики свойств и качеств физических лиц подразумевает, что объектом критики могут стать также их действия, проступки, высказывания, ошибки, факты несоблюдения социальных, моральных или правовых норм, просчеты и т. д.

В отношении критической информации невозможно принятие правовых мер, поскольку наличие критических фактов подтверждено и доказано. Наиболее адекватным и эффективным методом в восстановлении репутации является надлежащее реагирование на критику с целью локализации и нейтрализации негативных последствий для имиджа индивида или организации в результате критической информации. Для этого следует подготовить ответ в редакцию СМИ, обнародовавшую критический материал в адрес индивида или организации, включающий признание высказанных в критической информации недостатков или вины (в этом случае желательны извинения) и перечень конкретных мер по устранению недостатков, высказанных в критической информации СМИ.

В случае искаженной информации отдельные факты, события, явления, сведения, цитаты недостоверны и не соответствуют действительности, что искажает смысл всей информации и вводит в заблуждение. С искаженной информацией чаще всего сталкиваются корпоративные акторы, организации, их руководители, публичные лица.

Практика реагирования юридических и физических лиц на искаженную информацию в СМИ заключается в требовании к редакции, допустившей публикацию искаженной информации, поправки.

Поправка отражает коррекцию неверно изложенного фрагмента информации в последующих выпусках того издания или канала, которое допустило данное искажение (искажения) в вышедшем материале. Поправка искаженного фрагмента информации восстанавливает верный смысл всей информации. Эффект поправки

¹ См. : Апгрейд собственного мозга и скачивание с него информации на ПК станут возможными в недалеком будущем // Электронный журнал «Санхоум» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sunhome.ru/journal/120637.html> (дата обращения: 24.09.2009).

не снимает полностью нанесенного ущерба имиджу, но остается оптимальным вариантом адекватного реагирования на появление в СМИ искаженной информации.

В случае фальсифицированной информации наряду с достоверными фактами, событиями, сведениями в опубликованном и распространенном сообщении содержатся недостоверные, которые сознательно, умышленно вносятся в материал. Фальсифицированная информация всегда строится на определенной дозировке достоверной и надуманной информации. Степень подобной дозированной бывает различной, и все зависит от конкретной ситуации и конкретных целей в каждом случае.

Причиной появления фальсифицированной информации, как правило, является целенаправленный злонамеренный умысел с определенной целью причинения вреда (нанесения ущерба) имиджу или репутации индивида или организации в связи с конкуренцией, неприязненными отношениями, корыстью, в целях шантажа и т. п. Опираясь реальными и вымышленными фактами в конструкции материала, можно создать окончательную убедительную картину для непосвященного читателя (зрителя), не знакомого со спецификой и нюансами деятельности.

Эффективность противодействия фальсифицированной информации зависит от оперативности реагирования. Схема организации противодействия фальсифицированной информации включает в себя требования:

- опровержения (ст. 43, 44 Закона «О средствах массовой информации»; п. 2 ст. 152 Гражданского кодекса РФ);
- ответа (ст. 46 Закона «О средствах массовой информации»; п. 3 ст. 152 Гражданского кодекса РФ);
- опровержения и возмещения убытков и компенсации морального вреда (п. 5 ст. 152 Гражданского кодекса РФ).

Требование возмещения убытков относится к юридическому лицу, в то время как требование компенсации морального вреда – только к физическому. Рассмотрим целесообразность и эффективность мер противодействия фальсифицированной информации исходя из имеющейся практики.

Опровержение. В российском законодательстве предусмотрены нормы, дающие права юридическим и физическим лицам добиваться опровержения негативной информации в свой адрес. Следует признать, что эффективность опровержения зависит от конкретной ситуации. Во многих случаях ожидаемый эффект от публикации опровержения не срабатывает. Суть здесь заключается в том, что порядок опровержения, согласно ст. 44 Закона «О средствах массовой информации» носит достаточно общий характер и не соответствует зачастую интересам и желанию организации (физического лица) восстановить свое честное имя. Уклончиво определение о том, что опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемое сообщение или материал¹. Словесная конструкция «как правило» лишает приведенную норму императива, сообщая ей рекомендательный характер. Редакция СМИ, если сочтет нужным, может обойти это «правило», сославшись на ряд логических обстоятельств, почему опровержение размещено не на той полосе, озвучено не в той программе. Тем самым значительно снижается эффект опровержения. Сторонний потребитель информации, ознакомившийся с фальсифицированной информацией, может и не отыскать или не услышать само опровержение.

¹ См. ст. 44. Закона РФ «О средствах массовой информации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.medialaw.ru> (дата обращения 14.01.2014).

Если в материале размещен всего один фальсифицированный фрагмент, тогда опровержение будет понятно и доступно для аудитории. Если же таких фрагментов несколько, тогда предстоит опровергать каждый из них по очереди, постоянно вводя аудиторию в курс того, что было изложено в фальшивке и что подлежит опровержению. Таким путем можно запутать читателя, особенно не посвященного в суть вышедшей в свет фальсифицированной информации. Эффект будет сомнительным.

Наконец, законодатель, предусмотрев нормы и алгоритм порядка опровержения, не указал четкой формы его размещения. На деле же это означает, что, формально соблюдая закон, редакция СМИ может разместить опровержение, как ей заблагорассудится.

Таким образом, опровержение не всегда является оптимальной мерой противодействия фальсифицированной информации. Она эффективна там, где речь идет о разовом фальсифицированном фрагменте в материале или если степень фальсификации несущественно сказалась на репутации субъекта. И весьма неэффективно использование опровержения, если против организации (физического лица) организована спланированная кампания фальсифицированных материалов, если вызван существенный общественный резонанс.

В таком случае в качестве меры противодействия наиболее действенным будет требование ответа.

Ответ на размещенную в СМИ информацию, затрагивающую интересы организации (физического лица), включая, разумеется, и негативную в виде фальсифицированной или заведомо искаженной, подразумевает куда больше, в отличие от опровержения, возможностей для ущемленной стороны выразить свое мнение. Ответ дает легитимную возможность полноценного по формату и по существу публичного высказывания. Если организации (физическому лицу) есть что сказать, возразить в отношении направленной против нее информации, то это *необходимо* сделать. Ответ может и должен содержать в себе не только опровергающие фальсификацию эпизоды, но и рассуждения, оценки, выводы, даже, возможно, гипотезы и предположения авторов ответа в контексте их размышлений по поводу публичной фальсификации в свой адрес. При этом следует учитывать, что редакция СМИ вправе рядом с ответом разместить свой комментарий по нему, и сделает это обязательно, чтобы еще раз заявить свою позицию или хотя бы оправдаться, и она внимательно будет искать слабые места, чтобы прокомментировать их. Цель очевидна — потребитель информации (аудитория) сравнит и материал редакции СМИ, и ответ на него, и склонится на сторону того, кто сумеет убедить аудиторию в своей правоте.

Чаще всего необходимость ответа случается тогда, когда против организации (физического лица) возникает спланированная информационная атака или кампания. И эта кампания вызывает значительный общественный резонанс. Общество вполне может отрицательно быть настроено против организации (физического лица) вследствие таковой кампании, и потому ответ организации (физического лица) во время информационной атаки данной кампании способен существенно снизить накал страстей, а то и вовсе свести на нет умысел в развязывании кампании публичных фальшивок. В этом плане эффективность и действенность ответа несомненна.

Так как фальсифицированная информация умышленно направлена на имидж организации (физического лица) и, соответственно, негативно сказывается на его чести, достоинстве и репутации, право на честь, достоинство и деловую репутацию должно быть защищено законом. Обозначенные понятия — честь, достоинство, репутация (в т. ч. и деловая) — относятся к нематериальным благам. Честь, достоинство, деловая репутация являются нравственными категориями. Честь и до-

стоинство отражают объективную оценку субъекта окружающими и его самооценку, т. е. субъективные представления субъекта о себе. Деловая репутация — это оценка профессиональных качеств субъекта. Эти категории подлежат защите на основании ст. 152 Гражданского кодекса РФ.

В клеветнической информации все публично излагаемые факты, события, сведения и явления являются недостоверными. В клеветнической, как и в фальсифицированной, информации заведомая недостоверность в материале — не что иное, как результат злонамеренного, т. е. осознанного, умысла нанести ущерб имиджу (репутации) конкретной организации (физического лица).

Чаще всего клеветническая информация (особенно в 90-е гг. прошлого века) использовалась в политических предвыборных кампаниях и являлась одной из разновидностей «черных» PR-технологий с использованием СМИ. Применение клеветы чревато тем, что она легко определяется и опровергается, а значит, грозит санкциями в отношении ее изготовителей и распространителей. В политике, в экономике, в социальной сфере современная практика СМИ основывается на разумном прагматическом подходе к использованию негативной информации в отношении конкретных субъектов, и в этом плане как раз клеветническая информация, как наиболее одиозная и грозящая, в том числе, падением рейтинга и самой редакции СМИ, использующей измышления в своих материалах, весьма редка. Тем не менее, таблоиды могут ставить клевету на поток как одно из средств своего выживания, существования и процветания.

В российском уголовном праве не предусмотрено уголовного преследования за клевету в отношении организаций (юридических лиц), включая и государственные структуры. Появление клеветнической информации в СМИ обусловлено для ее инициатора тем, что ему нужен моментальный эффект, выгода от сиюминутного ее появления.

Имидж более подвержен атаке фальсифицированной информацией, которая готовится и преподносится более тщательно и качественно, выглядит достовернее, нежели клеветническая. Вместе с тем, учитывая предусмотренную законодателем в рамках уголовного кодекса ответственность за клевету в отношении физических лиц, целесообразно также иметь в виду существующие санкции за публичную клевету. Публичное оскорбление хотя и не является публичной клеветой по форме тождественности преступного деяния, тем не менее, по сути, способно адекватно, как и публичная клевета, нанести определенный ущерб репутации и имиджу субъекта. Поэтому представляется верным в формате мер противодействия клеветнической информации добавить и действия организации (физического лица) в рамках действующего уголовного законодательства, защищающего ее (его) интересы и права применительно к ответственности за публичную клевету и публичное оскорбление, изложенные в ч. 2 ст. 129 и ч. 2 ст. 130 Уголовного кодекса РФ.

От клеветы необходимо отличать так называемую диффамацию, т. е. публичное распространение порочащих сведений, независимо от того, соответствуют ли они действительности. В дореволюционном уголовном праве России диффамация наказывалась как самостоятельное преступление. В уголовном праве советского периода диффамация не была предусмотрена, чему давалось определенное идеологическое обоснование. Считалось, что в социалистическом обществе личная жизнь каждого должна быть открыта для критики и самокритики. Само понятие «неприкосновенность частной жизни» отвергалось. Закрепленное в Конституции право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23)¹ вызвало к жизни вопрос о восстановлении правового понятия диффамации. Таким

¹ См. : Конституция Российской Федерации // Российская газета. 25.12.1993.

образом, представленная технология, на наш взгляд, позволяет выстроить эффективную защиту от информационных угроз и атак СМИ в адрес субъекта. Она проста и доступна для использования, и может служить практическим пособием для руководителей и сотрудников организации, занимающихся управлением процессами формирования информационной безопасности.

Подводя итог, можно констатировать, что охарактеризованные выше технологии, направленные на эффективность управления процессами формирования информационной безопасности общества, имеют выраженную социальную направленность. В отличие от технических процессов формирования информационной безопасности, социальные, социокультурные и психоэмоциональные процессы являются более сложными при разработке и использовании соответствующих технологий, эти технологии связаны с деонтологическими, культурно-духовными и социально сформированными принципами и ценностями человека и общества. Реализация таких технологий также осложняется и возникающими противоречиями осуществления данных технологий и существующих информационных прав и свобод, особенно когда собственники и владельцы информационных ресурсов и ИКТ трактуют в своих интересах букву норм этих прав и свобод, пренебрегая их духом.

Тем не менее, разумное использование технологий, направленных на защиту духовных, этических и морально-нравственных ценностей общества способно снизить уровень информационных угроз и их источников на интересы социума в информационной сфере.

Литература

1. *Аюшеев Д. Н.* Электронная презентация по дисциплине «Основы государственного и муниципального управления» [Электронный ресурс] // MyShared Inc. База готовых презентаций. URL: <http://www.myshared.ru/slide/793169/> (дата обращения: 12.11.2014).
2. *Беркли Дж.* Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Сочинения. М. : Наука, 1978. С. 152–247.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения : пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 808 с. С. 44–271.
4. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра : соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с. С. 5–237.
5. *Полани М.* Личностное знание: на пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985. 343 с.
6. *Поланы К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS. 1933. Т. 1. Вып. 2. С. 10–17.
7. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2007. 588 с.
8. *Хабермас Ю.* Расколдовывание религиозно-метафизических картин мира и возникновение современных структур сознания // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 27–52.
9. *Хаустов, Д. С.* Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации / Д. С. Хаустов // Социс. 2012. № 7. С. 29–37.
10. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992. 572 с.
11. *Becker G. S.* Economic Analysis and Human Behavior // L. Green and I. Kagel (eds.). Advances in Behavioral Sciences. Norwood (N. J.) : Ablex Publ. Corp., 1987. V. 1. P. 3–17.
12. *Coleman J. S.* Foundations of Social Theory. Cambridge (Mass.) ; L. : Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
13. *Foray D.* Economics of Knowledge. MIT Press, 2004.
14. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton ; N. J. : Princeton University Press, 1962.
15. *Mansell R.* The information society. Critical concepts in sociology. Routledge, London, UK, 2009. [Electronic resource] // The London School of Economics and Political Science (LSE) Research Online supports. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/23743/>

16. *Parsons T.* Some Reflections on "The Nature and Significance of Economics" // *Quarterly Journal of Economics.* 1934. Vol. 48. N 3. P. 511–45.
17. *Polanyi K.* *La Grande Transformation. Aux origines politiques et économiques des notre temps.* Paris : Gallimard, 1983.
18. *Polanyi M.* *Science, Faith, and Society.* London : Oxford University Press, 1946.
19. *Robbins L. Ch.* *Essay on the Nature and Significance of Economic Science.* London : McMillan, 1932. P. 15.
20. *Rokeach M.* The role of values in public opinion research // *The Public Opinion Quarterly.* Winter, 1968–1969. Vol. 32. N 4. P. 547–559.
21. *Souter R.* *Prolegomena to Relativity Economics: An Elementary Study in the Mechanics and Organics of an Expanding Economic Universe.* New York : Columbia University Press, 1933.
22. *Thomas W. I., Thomas D. S.* *The child in America: Behavior problems and programs.* New York : Knopf, 1928. P. 571–572.
23. *Walliser B.* *Cognitive Economics.* Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008.
24. *Wiener N.* *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society.* New York: Doubleday & Company Inc., 1956.

References

1. Ayusheev D. N. *Discipline: Bases of the public and municipal administration* [Distsiplina: Osnovy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya] [An electronic resource] // MyShared Inc. Base of ready presentations. URL: <http://www.myshared.ru/slide/793169/> (date of the address: 12.11.2014).
2. Berkeley J. *A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge* [Traktat o printsipakh chelovecheskogo znaniya] // Berkeley J. *Compositions.* M. : Science [Nauka], 1978. P. 152–247.
3. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* [Protestantskaya etika i dukh kapitalizma] // *Chosen works: Translation from German.* M. : Progress, 1990. 808 p. P. 44–271.
4. Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra* [Tak govoril Zaratustra] // *Composition in 2 volumes.* Vol 2. M. : Thought [Mysl'], 1990. 829 p. P. 5–237.
5. Polanyi M. *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy* [Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoj filosofii]. M. : Progress, 1985. 343 p.
6. Polanyi K. *The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money* [Samoreguliruyushchiysya rynek i fiktivnye tovary: trud, zemlya i den'gi] // *THESIS.* 1933. V. 1–2. P. 10–17.
7. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man* [Konets istorii i poslednii chelovek] / Translation from English M. B. Levin. M. : AST, 2007. 588 p.
8. Habermas J. *Unspelling of religious and metaphysical pictures of the world and emergence of modern structures of consciousness* [Raskoldovyvanie religiozno-metafizicheskikh kartin mira i voznikновение sovremennykh struktur soznaniya] // *Sociological review* [Sotsiologicheskoe obozrenie]. 2010. Vol 9. N 1. P. 27–52.
9. Haustov D. S. *Thomas's theorem and features of designing of social reality through mass communications* [Teorema Tomasa i osobennosti konstruirovaniya sotsial'noi real'nosti cherez massovye kommunikatsii] / D. S. Haustov // *Sociological researches* [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2012. N 7. P. 29–37.
10. Schweitzer A. *Reverence for Life* [Blagogovenie pered zhizn'yu]. M. : Progress, 1992. 572 p.
11. Becker G. S. *Economic Analysis and Human Behavior* // L. Green and I. Kagel (eds.). *Advances in Behavioral Sciences.* Norwood (N. J.): Ablex Publ Corp., 1987. Vol. 1. P. 3–17.
12. Coleman J. S. *Foundations of Social Theory.* Cambridge (Mass.) ; L. : Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
13. Foray D. *Economics of Knowledge.* MIT Press, 2004.
14. Machlup F. *The Production and Distribution of Knowledge in the United States.* Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1962.
15. Mansell R. *The information society. Critical concepts in sociology.* Routledge, London, UK, 2009 [Электронный ресурс] // The London School of Economics and Political Science (LSE) Research Online supports. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/23743/>

16. Parsons T. *Some Reflections on "The Nature and Significance of Economics"* // Quarterly Journal of Economics. 1934. Vol 48. N 3. P. 511–45.
17. Polanyi K. *La Grande Transformation. Aux origines politiques et économiques des notre temps.* Paris : Gallimard, 1983.
18. Polanyi M. *Science, Faith, and Society.* London : Oxford University Press, 1946.
19. Robbins L. Ch. *Essay on the Nature and Significance of Economic Science.* London : McMillan, 1932. P. 15.
20. Rokeach M. *The role of values in public opinion research* // The Public Opinion Quarterly. Winter, 1968–1969. Vol. 32. N 4. P. 547–559.
21. Souter R. *Prolegomena to Relativity Economics: an Elementary Study in the Mechanics and Organics of an Expanding Economic Universe.* New York : Columbia University Press, 1933.
22. Thomas W. I., Thomas D. S. *The child in America: Behavior problems and programs.* N. Y. : Knopf, 1928. P. 571–572.
23. Walliser B. *Cognitive Economics.* Berlin ; Heidelberg : Springer, 2008.
24. Wiener N. *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society.* N. Y. : Doubleday & Company Inc., 1956.

Особенности предоставления таможенных и налоговых льгот в рамках международного культурного сотрудничества

Лабоськин Михаил Алексеевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры таможенного дела и управления рисками
 Кандидат юридических наук
 laboskin07@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются заключенные Российской Федерацией международные соглашения об условиях функционирования культурных центров иностранных государств на территории Российской Федерации и порядок предоставления культурным центрам и их сотрудникам таможенных и налоговых льгот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурный центр, таможенные пошлины, налоги, льготы, соглашение

Laboskin M. A.

Features of Granting Customs and Tax Privileges within the International Cultural Cooperation

Laboskin Mikhail Alekseevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Customs Affairs and Risk Management
 PhD in jurisprudence
 laboskin07@rambler.ru

ABSTRACT

The article analyzes the prisoners of the Russian Federation, international agreements on the functioning of the cultural centers of foreign States on the territory of the Russian Federation and the provision of cultural centers and their employees of the customs and tax benefits.

KEYWORDS

cultural centre, customs duties, taxes, benefits, agreement

Сотрудничество в сфере культуры относится к важным направлениям деятельности государств на международной арене, в основе которого лежат такие международно-правовые акты, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларация принципов международного культурного сотрудничества от 4 ноября 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г., Парижская хартия для новой Европы от 21 ноября 1990 г.

Одним из проявлений такого сотрудничества является деятельность культурных (культурно-информационных) центров.

В 50–80-е гг. прошлого века в рамках международного культурного сотрудничества СССР была создана сеть советских культурных (культурно-информационных) центров и домов советской науки и культуры, действовавших в 40 странах Европы, Азии и Африки, в том числе в Австрии, Вьетнаме, Индии, Люксембурге, Тунисе, Танзании, ФРГ, Франции и др.

Российская Федерация продолжила активное взаимодействие с иностранными государствами в области культуры, заключив за период с 1992 по 2014 г. около 100 межправительственных и межведомственных международных соглашений о культурном сотрудничестве.

На основании Указа Президента РФ от 21 мая 1993 г. № 726 «О российских центрах науки и культуры за рубежом»¹ бывшие советские культурные центры и дома советской науки и культуры за рубежом были преобразованы в российские центры науки и культуры за рубежом.

При этом в соответствии с Указом Президента РФ от 5 февраля 2002 г. № 146 «О Российском центре международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации»² российские центры науки и культуры за рубежом приобретали статус представительств Центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД России (Росзарубежцентра).

Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества»³ Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при МИД России (Росзарубежцентр) был упразднен, и его функции переданы Федеральному агентству по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

В соответствии с п. 6 Указа Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 Россотрудничеству разрешалось по согласованию с МИД России иметь свои представительства за рубежом.

Принимая во внимание, что Россотрудничество является правопреемником Росзарубежцентра, российские центры науки и культуры за рубежом являются представительствами Россотрудничества за рубежом.

Порядок учреждения и условия деятельности иностранных культурных центров на территории Российской Федерации регламентируются Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 июля 1995 г. № 746⁴ (далее — Положение о центрах).

Наличие таможенных и налоговых льгот, предоставляемых центрам и их сотрудникам, является важным фактором, влияющим на принятие решения об открытии центров на территории иностранного государства. Такие льготы могут предоставляться сторонами Соглашения как на условиях взаимности, так и в одностороннем порядке.

Согласно п. 8 Положения о центрах, предоставление таможенных льгот работникам центров из числа граждан направляющего государства и освобождение от таможенных платежей товаров, ввозимых для обеспечения нормального функционирования центров, осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

¹ Указ Президента РФ от 21 мая 1993 г. № 726 «О российских центрах науки и культуры за рубежом» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 21. Ст. 1904.

² Указ Президента РФ от 5 февраля 2002 г. № 146 «О Российском центре международного научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 565.

³ Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 37. Ст. 4181.

⁴ Постановление Правительства РФ от 24 июля 1995 г. N 746 «Об утверждении Положения о порядке учреждения и условиях деятельности иностранных культурно-информационных центров на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. N 31. Ст. 3133.

При этом пунктом 7 Положения определяется, что режим налогообложения центров регулируется налоговым законодательством Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Российской Федерацией по состоянию на 1 января 2014 г. заключено 18 Соглашений об учреждении и условиях деятельности культурных центров (центров, домов науки и культуры, институтов культуры)¹ и 11 Соглашений об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров².

Также продолжают действовать Соглашение между Правительством СССР и Правительством Венгерской Народной Республики о создании и деятельности культурного, научного и информационного центра ВНР в Советском Союзе от 26 февраля 1988 г.³ и Соглашение между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о создании и деятельности Культурно-информационного центра СРВ в Советском Союзе от 27 февраля 1989 г.⁴

Кроме того, Российская Федерация в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 6 июля 1994 г. № 795⁵ присоединилась к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера от 22 ноября 1950 г.⁶, согласно которому материалы и продукция, включенные в прилагаемый к Соглашению перечень, освобождаются при ввозе от уплаты таможенных пошлин и других сборов.

Таможенные и налоговые льготы в соответствии с международными соглашениями предоставляются как непосредственно центрам в отношении ввозимых ими товаров, так и персоналу центров (директору центра, его заместителю и иным сотрудникам центров).

1. Таможенные льготы, предоставляемые сотрудникам центров.

В соответствии с п. 1 ст. 70 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее — ТК ТС) к таможенным платежам относятся ввозная и вывозная таможенные пошлины, налог на добавленную стоимость и акциз, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию Таможенного союза, таможенные сборы.

Таможенными сборами согласно ст. 123 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁷ являются обязательные платежи, взимаемые таможенными органами за совершение ими действий, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением товаров, хранением товаров.

¹ Сторонами данных соглашений выступают: Венесуэла, Греция, Израиль, Испания, Италия, Киргизия, Китай, Македония, Молдова, Никарагуа, Республика Корея, Румыния, Сирия, Словакия, Словения, Турция, Франция, Япония.

² Сторонами данных соглашений выступают: Абхазия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Лаос, Таджикистан, Украина, Узбекистан, ФРГ, Южная Осетия.

³ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Венгерской Народной Республики о создании и деятельности культурного, научного и информационного Центра ВНР в Советском Союзе от 26 февраля 1988 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 442–444.

⁴ Соглашение между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о создании и деятельности Культурно-информационного центра СРВ в Советском Союзе от 27 февраля 1989 г. // Собрание постановлений Правительства СССР. Отдел второй. 1989. N 3. Ст. 6.

⁵ Постановление Правительства РФ от 6 июля 1994 г. № 795 «О присоединении Российской Федерации к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера и Протоколу к нему» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 11. Ст. 1303.

⁶ Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера от 22 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 1999. № 3. С. 3–20.

⁷ Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010 № 48. Ст. 6252.

К таможенным сборам относятся:

- таможенные сборы за совершение действий, связанных с выпуском товаров (далее — таможенные сборы за таможенные операции);
- таможенные сборы за таможенное сопровождение;
- таможенные сборы за хранение.

Предоставление таможенных льгот предусматривается Соглашениями об учреждении культурных центров, заключенными Россией с Грецией¹, Израилем², Испанией³, Молдовой⁴, Словакией⁵, Францией⁶, и заключенными Россией с Азербайджаном⁷, Узбекистаном⁸ и Украиной⁹ Соглашениями об учреждении информационно-культурных центров.

В соглашениях по-разному определяется таможенный платеж, в отношении уплаты которого предоставляется освобождение. Так, предоставляется освобождение от уплаты:

- таможенных пошлин (соглашения с Францией, Словенией¹⁰);
- таможенных платежей (соглашения с Израилем, Китаем¹¹, Македонией¹², Республикой Корея¹³, Словакией, Турцией¹⁴);

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Греческой Республики об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 06 декабря 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2006. № 4. С. 42–46.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Государства Израиль об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 31.10.1996 // Бюллетень международных договоров. 2005. № 12. С. 21–27.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Испания о деятельности культурных центров от 15 ноября. 2001 г. // Бюллетень международных договоров. 2002. № 10. С. 47–50.

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Молдова о создании и функционировании культурных центров от 30 октября. 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 11. С. 53–57.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Словацкой Республики об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 16 декабря 1996 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 4. С. 75–78.

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Французской Республики об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 12 ноября 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 4. С. 25–29.

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 03 июля 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2004. № 11. С. 23–28.

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 06 мая 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. № 2. С. 35–39.

⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Украины об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 27 февраля 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 30 апреля 2012 г. № 18. Ст. 2133.

¹⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Словения об учреждении и условиях деятельности центров науки и культуры от 22 марта. 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 12. С. 47–51.

¹¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном учреждении культурных центров от 13 октября 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2010. № 7. С. 17–21.

¹² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Македонии об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 29 января 2013 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 4. С. 37–41.

¹³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея об учреждении и условиях деятельности культурных центров от 13 ноября 2013 г. // Документ не опубликован. Текст документа размещен в БД СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики об учреждении и деятельности культурных центров от 03 декабря 2012 г.

- таможенных платежей, предусмотренных национальным законодательством принимающей стороны (Соглашение со Словакией);
- таможенных платежей (за исключением таможенных сборов; соглашения с Азербайджаном, Арменией¹, Молдовой, Украиной);
- таможенных платежей (за исключением таможенных сборов за таможенное оформление, хранение и иные подобного рода услуги) (соглашения с Германией², Италией³, Узбекистаном);
- таможенных платежей (за исключением таможенных сборов за таможенное оформление и хранение) (Соглашение с Испанией);
- таможенной пошлины и налогов (соглашения с Лаосом⁴, Никарагуа⁵, Абхазией⁶, Южной Осетией⁷, Киргизией⁸, Таджикистаном⁹, Грецией).

Таможенные и налоговые льготы распространяются на сотрудников центров и проживающих с ними членов их семей, не являющихся гражданами принимающего государства и предоставляются при условии временного ввоза товаров на период пребывания сотрудников в принимающем государстве и обратного вывоза временно ввезенных товаров.

В Соглашении со Словенией беспошлинный ввоз личного имущества сотрудникам центров и проживающим с ними членам их семей не оговаривается условием обратного вывоза ввезенных товаров. Данным Соглашением предусматривается, что государство пребывания *может потребовать обратный вывоз* ввезенного имущества.

[Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.05.2014).

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 29 августа 1997 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 10. С. 12–17.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о деятельности культурно-информационных центров от 04 февраля 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 5. С. 137–141.

³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Итальянской Республики об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в Риме и Итальянского института культуры в Москве от 30 ноября 1998 г. // Документ не опубликован. Текст документа содержится в БД СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 27 апреля 2012 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 7. С. 93–98.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Никарагуа об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в г. Манагуа и Никарагуанского культурного института в г. Москве от 26 января 2012 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 4. С. 32 — 36.

⁶ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Абхазия об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 26 апреля 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 11. С. 92–97.

⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Южная Осетия об учреждении и условиях деятельности информационно-культурных центров от 25 апреля 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 2. С. 99–104.

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в г. Бишкеке и Киргизского дома науки и культуры в г. Москве от 28 марта 2011 г. // Документ не опубликован. Текст документа содержится в БД СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об учреждении и условиях деятельности культурно-информационных центров от 01 февраля 2011 г. // Бюллетень международных договоров. 2013. № 9. С. 86–90.

Не предусматривают предоставления данной льготы членам семей сотрудников центров соглашения с Францией и Испанией. Соглашения с Венесуэлой¹ и Никарагуа не предоставляют освобождение от уплаты таможенных платежей ни сотрудникам центров, ни членам их семей.

Соглашениями определяется, что освобождаются от таможенных пошлин (платежей) временно ввозимые предметы, предназначенные для личного и семейного пользования, *в соответствии с законодательством государства пребывания.*

В Российской Федерации при решении вопроса о временно ввозимых иностранными лицами товарах, освобождаемых от таможенных платежей товаров, подлежит применению Перечень бывших в употреблении товаров для личного пользования, временно ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза иностранными физическими лицами с освобождением от уплаты таможенных платежей, являющийся Приложением 4 к Соглашению между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» от 18 июня 2010 г.² (далее — Соглашение).

В соответствии с соглашениями с Арменией, Азербайджаном, Грецией, Италией, Молдовой, Узбекистаном, Украиной, ФРГ сотрудники могут временно ввозить без уплаты таможенных пошлин принадлежащие им *транспортные средства* (выделено — М. Л.).

Соглашения с Израилем, Словакией, Францией от уплаты таможенных пошлин освобождаются ввозимые *автомашины* (выделено — М. Л.).

При этом в Соглашении с Грецией устанавливается, что может быть временно без уплаты таможенной пошлины ввезено не более двух транспортных средств на семью сотрудника центра.

В РФ для таможенных целей указанные объекты определяются с учетом следующих особенностей.

Согласно пп. 39 п. 1 ст. 4 ТК ТС, транспортное средство — категория товаров, включающая любое водное судно, воздушное судно, автомобильное транспортное средство, прицеп, полуприцеп.

В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 2 Соглашения под авто-, мототранспортными средствами понимаются следующие:

- автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства, предназначенные, главным образом, для перевозки людей, классифицируемые в товарной позиции 8703 Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (далее — ТН ВЭД ТС), за исключением указанных в абз. 3 настоящего;
- квадроциклы, снегоходы и иные легковые транспортные средства, классифицируемые в товарной позиции 8703 ТН ВЭД ТС, не предназначенные для движения по дорогам общего пользования;
- мотоциклы, мопеды, мотороллеры, классифицируемые в товарной позиции 8711 ТН ВЭД ТС;

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Боливарианской Республики Венесуэла об учреждении и условиях деятельности центров науки и культуры от 23 августа 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 21 октября 2013 г. № 42. Ст. 5233.

² Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» от 18 июня 2010 г.

- моторные транспортные средства для перевозки не более 12 чел., включая водителя, классифицируемые в товарной позиции 8702 ТН ВЭД ТС, моторные транспортные средства для перевозки грузов с полной массой до 5 т, классифицируемые в товарных позициях 8704 и 8703 ТН ВЭД ТС.

Льгота предоставляется в отношении движимого имущества, включая автомашины и транспортные средства, ввозимого на период срока работы сотрудников в центре, которое должно быть вывезено по истечении срока работы сотрудников. В противном случае, а также в случае отчуждения имущества с их собственника подлежат взысканию соответствующие таможенные платежи.

Следует отметить, что в соответствии с п. 2 ст. 358 ТК ТС иностранные физические лица вправе временно ввозить на таможенную территорию Таможенного союза транспортные средства для личного пользования, зарегистрированные на территории иностранных государств, на срок своего временного пребывания, но не более чем на один год, с освобождением от уплаты таможенных платежей.

Данная норма подлежит применению при временном ввозе иностранными лицами, являющимися сотрудниками центров, даже если в соглашениях транспортные средства или автомобили в качестве предметов для личного и семейного пользования не упомянуты.

Субъектами получения льгот по уплате таможенных платежей по соглашениям об учреждении и условиях деятельности культурных (информационно-культурных) центров являются сотрудники центров и членов их семей, не являющихся государства пребывания или лицами, постоянно проживающими на его территории.

Соглашения по-разному определяют момент и срок предоставления льготы при ввозе имущества сотрудниками центров:

- с момента вступления в должность (соглашения со Словакией, Францией);
- при вступлении в должность (Соглашение с Испанией);
- в течение 1 года с момента вступления в должность (Соглашение с Израилем);
- в течение 12 мес. с момента прибытия (Соглашение с Грецией);
- в течение одного года после приезда (Соглашение с Китаем);
- в период всего срока работы (соглашения с Азербайджаном, Арменией, Лаосом, Никарагуа, Республикой Корея, Румынией¹, Словенией, Турцией, Узбекистаном, Украиной).

II. Таможенные и налоговые льготы, предоставляемые центрам.

Согласно п. 6 Положения о центрах, центры могут создаваться в качестве некоммерческих организаций, не ставящих своей целью извлечение прибыли. В РФ центры пользуются правами юридического лица в соответствии с законодательством РФ.

Центрам предоставляются льготы по уплате таможенных платежей либо в отношении «товаров, необходимых центрам для осуществления своей деятельности в соответствии с Соглашением» либо в отношении конкретно перечисленных товаров (материалов, имущества, оборудования, мебели, кинофильмов, которые будут демонстрироваться, транспортных средств, необходимых для их функционирования).

Не предусматривают такой льготы соглашения с Арменией, Узбекистаном, Молдовой, Испанией.

Соглашения также неодинаково определяют, в отношении каких таможенных платежей предоставляется освобождение от уплаты при ввозе товаров, необходимых для функционирования центров.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Румынии об учреждении и условиях деятельности Российского центра науки и культуры в г. Бухаресте и Румынского культурного института в г. Москве от 09 июля 2013 г. // Бюллетень международных договоров. 2014. № 7. С. 39–44.

В соглашениях об учреждении культурных центров льготы предоставляются в отношении:

- таможенных платежей, состоящих из таможенных пошлин, налога на добавленную стоимость, налога на продажу, а также любых иных сборов или пошлин, установленных на ввоз имущества (Соглашение с Израилем);
- таможенных платежей (соглашения с Абхазией, Киргизией, Китаем, Лаосом, Македонией, Никарагуа, Республикой Корея, Румынией, Словакией, Турцией, Южной Осетией);
- таможенных платежей (за исключением таможенных сборов) (соглашения с Азербайджаном, Украиной);
- таможенных пошлин и сборов (Соглашение с Францией);
- таможенных платежей, за исключением сборов за таможенное оформление, хранение и иные подобного рода услуги (Соглашение с ФРГ);
- национальных налогов и таможенных сборов (Соглашение с Венесуэлой);
- таможенных платежей (за исключением сборов за таможенное оформление вне определенных для этого мест или вне времени работы таможенных органов и сборов за хранение) (Соглашение с Италией);
- таможенных пошлин и налогов (Соглашение с Грецией);
- беспошлинный ввоз (соглашения со Словенией и Таджикистаном).

Все соглашения, содержащие норму об освобождении центров от уплаты таможенных платежей, за исключением Соглашения с Грецией, обуславливают предоставление льготы на основе взаимности.

III. Льготы в отношении прямых и косвенных налогов, предоставляемые центрам и их сотрудникам.

Во всех соглашениях, за исключением Соглашения с Венесуэлой, в котором положение о налогообложении центров отсутствует, устанавливается, что налоговый режим для центров и их персонала определяется законодательством государства пребывания. При этом в соглашениях с Абхазией, Азербайджаном, Молдовой, Узбекистаном, Украиной, Южной Осетией определено, что налоговый режим для центров и их персонала определяется законодательством государства пребывания с учетом принципа взаимности.

В соглашениях с Израилем, Испанией, Италией, Киргизией, Китаем, Македонией, Республикой Корея, Румынией, Словакией, Таджикистаном, Турцией, ФРГ, Францией установлено, что налоговый режим определяется законодательством государства пребывания с учетом положений действующих между договаривающимися сторонами соглашений об избежании двойного налогообложения.

В настоящее время действуют соглашения об избежании двойного налогообложения, заключенные между Российской Федерацией и Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грецией, Казахстаном, Молдовой, Словенией, Узбекистаном, Украиной. Поэтому при решении вопросов о налогообложении центров и их сотрудников необходимо учитывать положения действующих соглашений об избежании двойного налогообложения.

IV. Статус директора центра и его заместителя.

Соглашениями об учреждении и условиях деятельности культурных центров предусматривается, что директор и заместитель, *могут являться* (выделено — М. Л.) членами дипломатического персонала посольств (дипломатического представительства) направляющего государства (такая формулировка содержится в соглашениях с Азербайджаном, Арменией, Казахстаном, Молдовой, Узбекистаном, Украиной, Израилем, Словенией, Румынией, Францией) или *могут иметь* (выделено — М. Л.) дипломатический статус или дипломатические привилегии и иммунитеты,

предусмотренные Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.¹

При этом дипломатический статус распространяется только на директора (соглашения с Беларусью, Китаем).

В соглашениях с Китаем и Израилем конкретно указывается, что директор культурного центра является сотрудником дипломатического представительства своего государства.

В соглашениях с Вьетнамом и Венгрией устанавливается, что директор и его заместители имеют дипломатический статус.

Привилегии в отношении налогов и таможенных пошлин дипломатическим агентам устанавливаются Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

Согласно пп. в ч. 2 ст. 36 Венской конвенции о дипломатических сношениях, государство пребывания, в соответствии с принятыми законами и правилами, разрешает ввозить и освобождает от всех таможенных пошлин, налогов и связанных с этим сборов, за исключением сборов за хранение, перевозку и подобного рода услуги: предметы, предназначенные для личного пользования дипломатического агента или членов его семьи, живущих вместе с ним, включая предметы, предназначенные для его обзаведения.

Таким образом, анализ соглашений об учреждении и условиях деятельности культурных центров позволяет сделать вывод о том, что при заключении соглашений отсутствует единообразный подход к определению:

- статуса директора центра и его заместителя;
- таможенных платежей, в отношении уплаты которых предоставляется освобождение;
- объектов налогообложения, в отношении которых предоставляется освобождение от уплаты;
- момента и срока предоставления льгот при ввозе и вывозе личного имущества сотрудников центров и собственно центров;
- перечня личного имущества, освобождаемого от уплаты таможенных пошлин и налогов, ввозимого сотрудниками центров на период их работы.

Данное обстоятельство порождает проблемы, связанные с применением соглашений. Устранение проблем возможно на основании типового соглашения об учреждении и условиях деятельности культурных центров либо модельного соглашения, разработанного для государств — участников Содружества Независимых Государств.

¹ Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

Роль «глобальных городов» в современной системе международных отношений

Попов Дмитрий Геннадьевич

Санкт-Петербургский политехнический университет
Доцент кафедры «Социально-политические технологии»
Кандидат философских наук, доцент
klacik_p2@list.ru

Фокина Вероника Викторовна

Санкт-Петербургский политехнический университет
Доцент кафедры «Социально-политические технологии»
Кандидат политических наук, доцент
vfv.spb@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается роль «глобальных городов» как особого пространства международных отношений, геоэкономических и геокультурных процессов в современном мире, одной из отличительных черт которых является активная роль в формировании и социализации властвующих элит.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальные города, международные отношения, геоэкономика, геокультура, глобализация, элиты

Popov D. G., Fokina V. V.

The Role of «Global Cities» in the Modern System of International Relations

Popov Dmitry Gennadievich

Saint-Petersburg Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Social and Political Technologies
PhD in Philosophy, Associate Professor
klacik_p2@list.ru

Fokina Veronica Viktorovna

Saint-Petersburg Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Social and Political Technologies
PhD in Political Science, Associate Professor
vfv.spb@mail.ru

ABSTRACT

This work is a review of global cities' role as the specific space of international relations, geo-economical and geocultural processes in the modern world.

KEYWORDS

global cities, international relations, geo-economics, geoculture, globalization, elite

Процессы глобальной трансформации мировой политической и экономической системы в условиях современного финансового и ценностного кризиса затрагивают всех участников международных отношений. Государственные акторы мировой политики соперничают за признание своих принципов, ценностей и геополитических идей в качестве главенствующих для участников глобального и регионального взаимодействия.

В то же время современная система международных отношений, международное право и международные организации во главе с ООН не позволяют обеспечить

полного военного и политического контроля государствам и институтам «центра» над государствами и негосударственными участниками «периферии». Прямой контроль заменяют практики «мягкой» и «умной» силы, а также концепты элитарного управления на основе кооперации, консенсуса и региональной интеграции.

В условиях возрастания конкурентной борьбы за материальные и нематериальные ресурсы перед властвующими элитами остро стоит проблема лидерства в представлении интересов региона на уровне отношений центр — регионы, регион — регионы, регион — глобальный мир. Особой средой формирования политической, экономической и социальной элит в регионах в настоящее время стали глобальные города. В этой связи представляется интересным проанализировать роль «глобальных городов» (global cities) [6] в системе глобального управления и формирования глобальной элиты.

Глобальный город (используются также термины «мировой город» и альфа-город) — это город, считающийся важным элементом мировой экономической системы. Термин «глобальный город» подразумевает урбанизированный регион, оказывающий глобальное воздействие на основе следующих направлений.

1. Город выступает в качестве центра повышения качества территориального управления, точки роста для страны и региона, выступая на международной арене в форме «ворот» в глобальный мир.
2. Город выступает в качестве важного элемента региональной и мировой экономической сетевой структуры, повышая конкурентоспособность национальной и региональной экономик.
3. Город оказывает значительное влияние не только на регионы своего местоположения, но также на макрорегионы планеты, на цивилизацию в целом, так как современный концепт западной цивилизации был основан на базе городской сети средневековья.
4. В современном мире города выступают в качестве региональных коммуникационных центров, центров престижного потребления и взаимодействия элит глобального, регионального и локального (территориального) уровня.
5. Современные глобальные города являются центрами воспроизводства знаний и обучения новых специалистов благодаря развитой и высококомобильной образовательной среде.

Глобальный город — это постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику. Среди основных критериев глобального города, по нашему мнению, следует выделить следующие.

1. Уровень деловой активности — интенсивность коммуникационного взаимодействия элит, возможности по формированию групп интересов и групп давления на основе отраслевых и региональных интересов. Количество отраслевых и экономических конференций, которые проходят в городе и напрямую влияют на уровень требований, предъявляемых к подготовке и знаниям региональных элит, и вопросы регионального и глобального лидерства.
2. Человеческий капитал — количество научно-образовательных кластеров, высших образовательных учреждений входящих в число ведущих «центров знания» мира; число иностранных студентов, аспирантов, обучающихся в вузах; количество НИЦ и научных школ мирового уровня.
3. Информационный капитал — объем международных новостей в ведущих местных СМИ; информационная и коммуникационная инфраструктура, включая Интернет, количество корреспондентских пунктов СМИ глобального значения, базирующихся в данном городе.
4. Культурный капитал — количественный и качественный показатель туристической привлекательности; музейных и выставочных площадок, а также других культурных учреждений мирового уровня; участие в международном олимпийском дви-

жении, проведение специальных мероприятий в области спорта и специальных событий в сфере культуры и искусств.

5. Политический вес — степень участия и значимость города в международной политической деятельности, например, число иностранных посольств, консульств, представительств международных организаций; уровень международных конференций, проводимых в городе; количество центров политических и международных исследований.
6. Инновационный потенциал — количество заимствованных практик города другими городами и регионами, количество прорывных открытий, технологий, патентов, доказавших свою эффективность на международном уровне.
7. Инвестиционный капитал — объем инвестиций, количество офисов иностранных компаний, число заключенных контрактов и договоров при участии иностранного капитала.

Удовлетворяющие вышеизложенным критериям города замкнуты в единую сеть геополитических центров, пояс городов «центра». Именно в них концентрируется подавляющая часть штаб-квартир межправительственных, а также неправительственных организаций. Исходя из критериев, предъявляемых к номинантам на звание глобальных городов, в РФ на данную роль подходят Москва и Санкт-Петербург.

Проблема становления новых властных групп в условиях глобализации привела к переосмыслению роли глобальных городов, как пространства не только для краткосрочных представительских, деловых, научных и иных контактов элит, но и основы для обучения представителей элитарных групп наднационального уровня и базы для интеграционных процессов. Новые глобальные элиты представляют собой лиц, занимающих наиболее значимые позиции в важнейших глобальных институтах, которые принимают стратегические решения относительно функционирования отдельных регионов, используя при этом ресурсы, предоставляемые глобальными городами: социальные, экономические, политические, административные, географические, информационные, что означает их влияние на важнейшие процессы современности.

Нельзя не учитывать, что критерием эффективности современных региональных интеграционных образований принято считать качественные и количественные показатели активности в рамках экономических, социальных, правовых, административно-силовых и культурно-информационных интеграционных институтов межправительственных и неправительственных организаций, а центрами и символами такого регионального взаимодействия выступают «узлы» — «глобальные города» [1]. Нельзя также забывать и о «регионах — воротах в глобальный мир» [3], под которыми, в первую очередь, по нашему мнению, могут подразумеваться крупнейшие городские агломерации развивающихся стран. По мнению одного из ведущих специалистов в данной области Н. А. Служи, «центрами нового мирового сообщества стали глобальные города. Агломерации, наделенные колоссальными финансовыми, управленческими, информационными и политическими функциями. Ни одна страна мира не может быть в числе лидеров, если не имеет хотя бы одного глобального города» [4].

Особенную роль играют глобальные города для формирования властвующих элит, функционирования ТНК, в них сосредоточено управление, анализ, обмен и доступ к экономическим, природным, информационным, трудовым и политическим ресурсам. Согласно списку Global-500¹, в совокупности на них приходится более четверти всех штаб-квартир транснациональных корпораций (ТНК) из числа 500 крупнейших в мире, а с учетом роли региональных представительств, лоббистских и дочерних структур именно глобальные города являются основным пространством жизнедеятельности корпораций и элит.

¹ Fortune. Global 500 [Электронный ресурс]. URL: <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/>

Глобальные города обладают особой геокультурной ролью в современном мире. Являясь частью глобальной коммуникационной сети, глобальные города выступают как центры или проводники «зон культурного престижа» [5] ведущих экономических, политических, культурных акторов. В них стремятся представители стран третьего мира в поисках лучшей жизни и представители первого мира с целью получения прибыли, образования и признания. Глобальные города располагают научно-образовательными центрами, замкнутыми в единую систему академической мобильности.

Глобальные города становятся ориентирами для потребления, качества жизни и идентификации. В них происходит научно-культурное развитие, взаимодействие науки, бизнеса и государства, а также формирование информационной повестки глобального человечества. «Сегодня города стали местом столкновения представителей разных социальных слоев, людей с разным происхождением, и нет четких правил, по которым они должны взаимодействовать. Это пространство неясности, открытое для интерпретации. Это и было важным свойством фронтиров тогда, когда они находились на окраинах империй. А сегодня это свойство больших городов. Такое пространство трудно контролировать, но оно заставляет людей задуматься о том, кто они есть, по каким правилам они хотят существовать» [2].

Не менее интересен тот факт, что глобальные города по многим критериям соответствуют экономическим и регионоведческим понятиям регионов-локомотивов и регионов-государств. Обладая прямыми связями с глобальной экономикой и населением, обладающим особыми качествами, глобальные города под давлением стандартов транснационального бизнеса все более утрачивают национальную культурную самобытность и связи с окружающими территориями. Они становятся центрами новой культуры глобального уровня, разделяющими общие экономические и потребительские интересы от Нью-Йорка до Шанхая.

Глобальные города выполняют также функцию канала распространения юридических кодексов, алфавита, религии, требований граждан, союзнических отношений и т. д., тем самым становясь ядром и движущей силой истории, во многом определяющими территориальное деление и структуру современного мира.

В современных международных отношениях в качестве субъектов геоэкономического взаимодействия могут выступать не только национальные государства, но и «глобальные города» и «новые регионы», наднациональные элиты, международные организации, ТНК, сетевые финансовые и производственные группы и коалиции и т. д. Спецификой геоэкономической и геостратегической ситуации в современном мире является наличие сильных, конкурирующих за разнообразные ресурсы участников региональных и мировых процессов — крупнейших городов-регионов современного мира с их глобализированными элитами. Образуя наднациональные сети и выступая в качестве центров геокультурных и геоэкономических пространств и «витрин», глобальные города и их представители продвигают универсальные на данный момент ценности в регионах ядра и на периферийных территориях.

Литература

1. *Глобальный город: теория и реальность* / под ред. Н. А. Служи. М. : Аванглион, 2007. 243 с.
2. *Сассен С.* Город никто не может контролировать [Электронный ресурс] // Огонек. № 25(5285). 01.07.2013 // Коммерсант.ru URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2218969/print>
3. *Сергеев В.* Ворота в глобальный мир [Электронный ресурс] // Русский Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/megatrend/gates/>
4. *Слука Н.* Глобальные города [Электронный ресурс] // Эксперт онлайн // URL: http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/

5. *Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. 2002. Vol. 16(3).*
6. *Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 2001.*

References

1. *The Global City: The Theory and Reality [Global'nyi gorod: teoriya i real'nost'] / ed. by N. A. Sluki. M. : Avanglion. 2007. 243 c.*
2. *Sassen S. Nobody can control the city [Gorod nikto ne mozhnet kontrolirovat'] [An electronic resource] // Ogonek. № 25(5285). 01.07.2013 // Коммерсант.ru: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2218969/print>*
3. *Sergeev V. Gateways to the Global World [Vorota v global'nyi mir] // [An electronic resource]. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/megatrend/gates/>*
4. *Sluka N. The Global Cities [Global'nye goroda] [An electronic resource]. URL: http://expert.ru/expert/2008/15/globalnue_goroda/*
5. *Collins R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact // International Sociology. 2002. Vol. 16(3).*
6. *Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 2001.*

Наумов В. Н., Буров С. А.

Прогнозирование валютных курсов на основе сравнительного анализа динамики временных рядов

Наумов Владимир Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой бизнес-информатики, математических и статистических методов
Доктор военных наук, профессор
naumov122@list.ru

Буров Сергей Александрович

Военный учебно-научный центр ВМФ (Санкт-Петербург)
Адъюнкт
burov_spb@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены средства сравнительного анализа динамики нескольких временных рядов на примере динамики курсов основных валют по их отношению к рублю. Приведены результаты такого анализа для различных периодов времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

временной ряд, курсы валют, регрессионная модель, проверка статистических гипотез, критерий Стьюдента, ошибка первого рода, стационарность временного ряда, критерий Льюинга-Бокса

Naumov V. N., Burov S. A.

Comparative Analysis of Dynamics of Time Series

Naumov Vladimir Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Business Informatics, Mathematics and Statistical Methods
Doctor of Science (Military Science), Professor
naumov122@list.ru

Burov Sergey Aleksandrovich

Military Educational-and-Research Centre Naval Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Adjunct
burov_spb@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the means of comparative analysis of the dynamics of multiple time series on the example of the major currencies in their relation to the ruble. The results of this analysis for different time periods.

KEYWORDS

Time series, exchange rates, regression model, statistical hypothesis testing, t-test, the error of the first kind, stationary time series, Luying — Boxing criterion

Изучение зависимости между временными рядами, сравнительный анализ их динамики являются одними из наиболее сложных задач эконометрики. Для их решения используются, например, методы корреляционно-регрессионного анализа, при использовании которых происходит построение регрессионных моделей,

связывающих между собой исследуемые временные ряды. При этом возникают серьезные проблемы, связанные с корреляцией каждой переменной со случайной составляющей, наличием в моделях фактора времени и др. Для борьбы с такими проблемами используются методы последовательных разностей, исключения тенденции, включения в модель времени и др. Даже в случае успешного решения указанных задач вопрос сравнительного анализа полученных трендов остается открытым [1; 2].

В статье рассмотрена задача проверки статистической гипотезы о совпадении динамики временных рядов на примере рядов, содержащих курсы основных валют по сравнению с курсом рубля. Данные для решения такой задачи взяты из официальных источников, представляемых Центробанком России¹. В качестве примера рассмотрены три основные валюты: доллар (USD), евро (EUR) и юань (CYN). Решены задачи для двух временных интервалов: краткосрочного, общей продолжительностью в шесть месяцев, и долгосрочного — общей продолжительностью пять лет.

Диаграммы уровней указанных временных рядов приведены на рис. 1 и 2. Графическое представление данных временных рядов позволяет сформулировать гипотезу о совпадении их динамики.

Корреляционная матрица для краткосрочного периода, приведенная на рис. 3, показывает наличие парной корреляции между анализируемыми временными рядами. Поэтому можно предложить гипотезу о незначимом отличии динамики данных временных рядов.

Сформулируем такую задачу в общем виде. Проверку подобных гипотез заменим проверкой статистической гипотезы о стационарности временного ряда, полученного как разность анализируемых пар временных рядов, например, пар рядов рассматриваемых валют. Допущение того, что временные ряды анализируются в одинаковых условиях наблюдений (один и тот же временной период, одни и те же виды тенденций, одинаковые условия наблюдений), позволяет предположить, что каждый из временных рядов относится к классу TS -рядов, и при исключении тренда ряд становится стационарным [1].

Таким образом, при рассмотрении пар временных рядов $y^j(t)$, $y^k(t)$ с одинаковыми трендами, ряд разностей $\Delta^{jk} = y^j(t) - y^k(t)$ должен быть стационарным. Следовательно, проверка гипотезы о совпадении динамики временных рядов заменяется проверкой гипотезы о стационарности разностного ряда. Для проверки такой гипотезы могут быть использованы известные статистические критерии проверки стационарности, например, критерий Льюинга-Бокса, а также графические средства анализа, например, корреллограммы.

В случае если в результате проверки подобной гипотезы выявлен факт нестационарности разностного ряда, то целесообразно выявить причины такой стационарности. Предлагается данную задачу решать путем проверки значимости отличий параметров моделей временных рядов. Предположим, что рассматриваются несколько временных рядов, и модели трендов каждого из временных рядов относятся к полиномиальным (любую непрерывную функцию можно представить полиномом). Также предположим, что модели имеют одинаковый порядок полинома n . Теоретические регрессионные модели будут иметь вид:

$$y^j = \omega_0^j + \omega_1^j t + \dots + \omega_n^j t^n,$$

где ω_i^j — i -й коэффициент j -й регрессионной модели.

¹ Динамика курсов валют по курсу ЦБ с информационного финансового портала Банка.ру: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banki.ru/products/currency>. (Дата обращения: 26.10.2014).

Рис. 1. Графики курсов валют в период с апреля по сентябрь 2014 г .

Рис. 2. Графики курсов валют в период с 2009 по 2013 г.

Correlations (Spreadsheet1)					
Marked correlations are significant at p < ,05000					
Variable	Means	Std.Dev.	USD	EURO	CYN
USD	35.80	1.51	1.00	0.77	0.99
EURO	48.05	1.19	0.77	1.00	0.74
CYN	5.77	0.28	0.99	0.74	1.00

Рис. 3. Корреляционная матрица для краткосрочного периода

Выборочные регрессионные модели имеют вид:

$$y^j = w_0^j + w_1^j t + \dots + w_n^j t^n,$$

где w_i^j — оценка i -го коэффициента j -й регрессионной модели.

Такую ситуацию можно обеспечить, если порядок полинома всех моделей определить старшим порядком моделей. В этом случае можно для каждой пары сравниваемых моделей сформулировать нулевую гипотезу на выбранном уровне значимости о том, что их параметры (коэффициенты полиномиальных моделей регрессии) совпадают. Тогда сложная статистическая гипотеза распадается на n простых гипотез, имеющих вид: $\omega_i^j = \omega_i^k$, где ω_i^j, ω_i^k — значения i -х параметров тренда j -й и k -й моделей соответственно, $i = \overline{0, n}$.

Как правило, при решении задачи проверки статистических гипотез используется статистический критерий Стьюдента (t -критерий) [2]. Наблюдаемое значение t -критерия при допущении о том, что дисперсии неравны и неизвестны, вычисляется с помощью соотношения:

$$t_i^{jk} = \frac{w_i^j - w_i^k}{\sqrt{\frac{\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2}{N_j} + \frac{\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2}{N_k}}}, \quad (1)$$

где $\sqrt{\frac{\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2}{N_j} + \frac{\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2}{N_k}}$ — ошибка оценки разности $\omega_i^j - \omega_i^k$; $\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2, \widehat{\sigma}_{w_i^k}^2$ — оценки дисперсии w_i^j, w_i^k соответственно; N_j, N_k — число наблюдений (размер выборки).

Для определения критического значения параметра Стьюдента число степеней свободы может быть оценено с помощью соотношения:

$$v \approx \frac{\left(\frac{\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2}{N_j} + \frac{\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2}{N_k}\right)^2}{\frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2 / N_j\right)^2}{N_j - 1} + \frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2 / N_k\right)^2}{N_k - 1}}. \quad (2)$$

Результаты регрессионного анализа позволяют оценить ошибки оценки каждого параметра модели:

$$\begin{aligned} S_{w_0} &= S_{\text{ост}} \sqrt{\left((X^T X)^{-1}\right)_{11}}, \\ S_{w_i} &= S_{\text{ост}} \sqrt{\left((X^T X)^{-1}\right)_{i+1, i+1}}; \end{aligned} \quad (3)$$

где $S_{\text{ост}}$ — дисперсия остатка; n — число параметров модели регрессии; X — матрица наблюдений.

С учетом сравнительно большого размера выборки принимаем:

$$\begin{aligned} \frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2 / N_j\right)^2}{N_j - 1} &\approx \frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2 / N_j\right)^2}{N_j} \approx \frac{\widehat{\sigma}_{w_i^j}^2}{N_j} = S_{w_i^j}^2; \\ \frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2 / N_k\right)^2}{N_k - 1} &\approx \frac{\left(\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2 / N_k\right)^2}{N_k} \approx \frac{\widehat{\sigma}_{w_i^k}^2}{N_k} = S_{w_i^k}^2. \end{aligned} \quad (4)$$

Такое допущение приводит к тому, что число степеней свободы незначительно увеличивается, что может привести к небольшому увеличению порогового значения и незначительному увеличению уровня значимости α . Следовательно, число степеней свободы будет вычисляться с помощью соотношения:

$$v \approx \frac{\left(\frac{\widehat{\sigma}_{w_j}^2}{N_j} + \frac{\widehat{\sigma}_{w_k}^2}{N_k} \right)^2}{\frac{\widehat{\sigma}_{w_j}^2}{N_j} + \frac{\widehat{\sigma}_{w_k}^2}{N_k}}. \quad (5)$$

Таким образом, если выполняются все n нулевых гипотез о незначимом отличии выборочных коэффициентов сравниваемых моделей трендов (о совпадении значений соответствующих коэффициентов теоретических моделей), можно сделать вывод о совпадении трендов моделей, и, следовательно, об одинаковой динамике сравниваемых признаков (сравниваемых валют).

В другой постановке, проверяя статистические гипотезы, можно определить вероятности ошибки первого рода α_i при принятии решения о справедливости нулевой гипотезы для каждой пары коэффициентов ω_i^j, ω_i^k соответственно. Зная значения данных вероятностей, можно найти вероятность того, что все коэффициенты моделей тренда совпадают и, следовательно, вероятность события A_{jk} , состоящего в том, что сравниваемые временные ряды (признаки, валюты) ведут себя одинаково. Такая вероятность определяется с помощью соотношения $\alpha^{jk} = \max\{\alpha_i^{jk}\}$, где α_i^{jk} — рассчитанные значения уровня значимости, соответствующие наблюдаемым значениям критерия Стьюдента t_i^{jk} .

Для проверки достоверности предложенного подхода проведем анализ динамики основных курсов валют по отношению к курсу рубля. В связи с тем, что изначальная стоимость валют различна (см. рис. 1, 2), необходимо привести курсы валют к одной шкале. С этой целью следует стандартизировать все значения уровней временных рядов за указанные периоды: $y_{st}^j(t) = (y^j(t) - \bar{y}^j) / S^j$, где \bar{y}^j — среднее уровней j -го временного ряда; S^j — оценка стандартного отклонения. В результате стандартизации математические ожидания $M(y_{st}^j(t)) = 0$.

На рис. 4–5 приведены графики динамики изменений стандартизированных значений курсов трех основных валют для краткосрочного и долгосрочного периодов.

На рис. 6 приведены коррелограммы разностных рядов трех пар валют для краткосрочного периода, построенных в пакете STATISTICA: доллар-евро; доллар-юань; евро-юань.

Форма коррелограмм (превышение или не превышение ее уровней столбцов, указывающих на значение нормированной автокорреляционной функции для разных значений временного лага границ доверительного интервала «белого шума») указывает на то, что для первой и третьей пар валют имеются такие превышения, а для второй их нет. Поэтому, а также по наблюдаемому значению критерия Льюинга-Бокса (столбец справа от графика с именем Q) можно сделать вывод, что доллар и юань имеют одинаковую динамику, а у евро динамика, отличная от них.

Следует отметить, что для долгосрочного периода все разностные ряды не являются стационарными, что требует дополнительного исследования случайных составляющих ряда, так как за пять лет наблюдений анализируемая ситуация изменилась. За этот период произошли не только количественные, но и качественные изменения (в том числе мировой кризис). Поэтому возможно, что нестационарность определена нестационарностью случайной составляющей, и предположение о TS -стационарности временных рядов, сделанное раньше, не выполняется.

Рис. 4. Динамика стандартизированного курса основных валют за краткосрочный период

Рис. 5. Динамика нормированного курса основных валют за долгосрочный период

Для выявления причин отсутствия стационарности, а также для проверки работоспособности предлагаемого подхода выполнена проверка пар статистических гипотез для краткосрочного и долгосрочного периодов. С этой целью в табл. 1 приведены модели трендов каждого стандартизованного временного ряда. В силу того, что ряды стандартизованы, $M(y_{st}^j(t)) = 0$, для каждого из них в модели отсутствует коэффициент ω_0^j .

Отметим, что для долгосрочного периода по сравнению с краткосрочным модели оказались более сложными. При этом порядок полинома подбирался по значению коэффициента детерминации или индекса корреляции, значения которого приведены в табл. 2.

Полученные индексы корреляции близки по значению к единице, что подтверждает достоверность полученных регрессионных моделей.

Наблюдаемые значения критерия Стьюдента для различных пар значений коэффициентов модели для моделей краткосрочного и долгосрочного периодов приведены в табл. 3 и 4.

Применительно к рассматриваемым временным рядам критическое значение t -критерия для уровня значимости $\alpha = 0,05$ равно 2,09. Таким образом, для первой и третьей пар валют параметры моделей значимо отличаются. Для первой пары причиной отличий являются разные скорости роста курса валюты. Разностный ряд имеет линейную тенденцию. Коэффициент роста постоянен. Для третьей пары различны как скорость, так и ускорение. Разностный ряд имеет нелинейную тенденцию. Коэффициент роста переменный.

Применительно к рассматриваемым временным рядам критическое значение критерия для уровня значимости $\alpha = 0,05$ равно 2,00. Таким образом, для первой и третьей пар параметров моделей значимо отличаются. Для первой пары причиной отличий являются разные скорости, ускорение и ускорение скорости роста валюты. Для третьей пары различно только ускорение. Для второй пары отличий нет. Поэтому еще раз подтверждается допущение о том, что случайная составляющая, определяющая общее состояние рынка, изменилась и нестационарность разностного ряда, которая была выявлена путем построения коррелограмм, не определяются только трендом. Разностный ряд, возможно, не является TS-рядом.

В табл. 5 приведены значения уровня значимости (допустимая вероятность ошибки принятия решения), который следует задать, чтобы принять решение о значимости различий.

Минимальная вероятность ошибки, которую можно задать для принятия гипотезы о значимости отличий трех пар валют, равна $\alpha^{jk} = \max\{\alpha_i^{j,k}\} = 0,68$.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

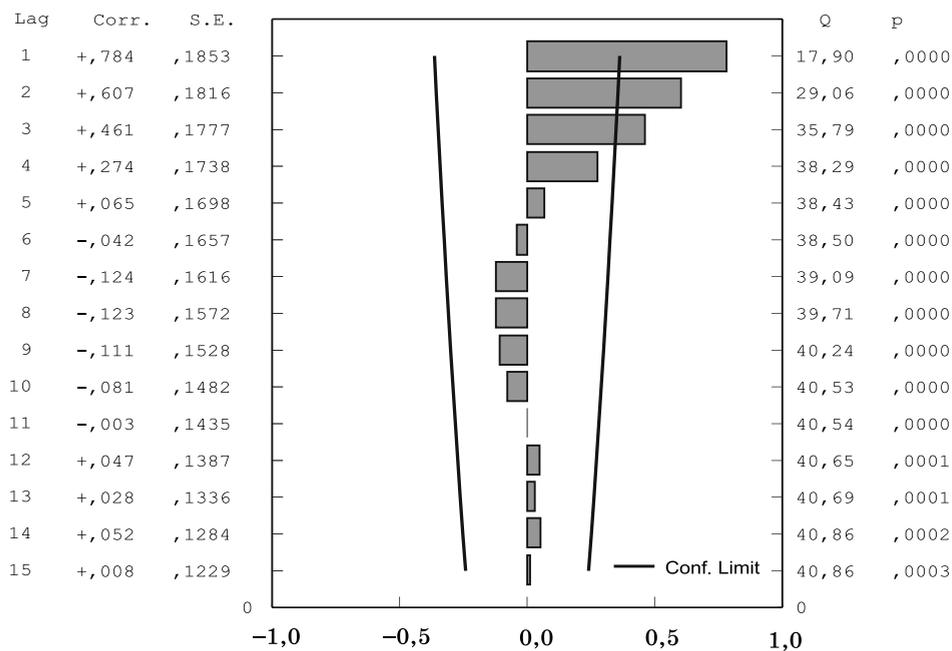
1. Для различных периодов времени и различных пар сравниваемых валют справедливы различные статистические гипотезы о динамике основных курсов валют. Таким образом, валюты ведут себя по-разному.

Таблица 5

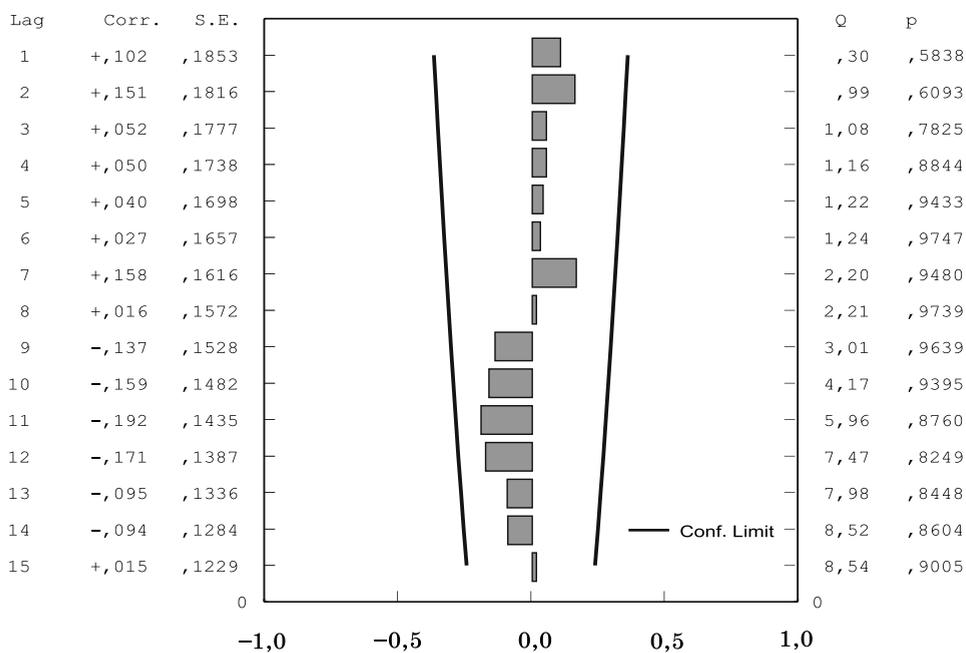
Значения уровней значимости для принятия гипотезы об отличии значений коэффициентов моделей при рассмотрении краткосрочного периода

Коэффициент	Пары сравниваемых валют		
	USD-EURO	USD-SYN	EURO-CYN
ω_1	0,01	0,56	0,003
ω_2	0,11	0,68	0,000

а) Автокорреляционная функция сравнение доллар-евро
(Standard errors are white-noise estimates)

б) Автокорреляционная функция сравнение доллар-юань
(Standard errors are white-noise estimates)

в) Автокорреляционная функция сравнение евро-юань
(Standard errors are white-noise estimates)

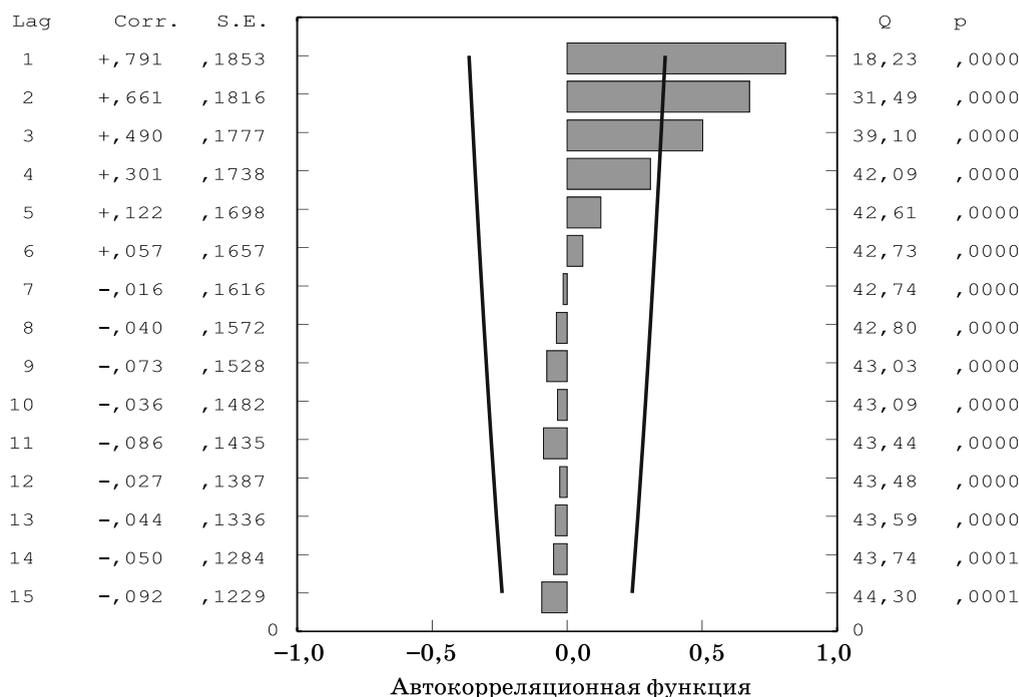

Рис. 6. Коррелограммы автокорреляционных функций для пар анализируемых валют:
а) доллар-евро; б) доллар-юань; в) евро-юань

- Динамика изменения доллара за краткосрочный период совпадает с динамикой юаня, что свидетельствует о наличии общих тенденций у этих валют, о сильной связи экономик соответствующих стран и зависимости их валют. Это определяется ролью экономик США и Китая и их влиянии на мировую экономику. Такая ясная экономическая интерпретация подтверждает достоверность предложенного подхода.
- Динамика евро по отношению к рублю существенно отличается от динамики двух остальных валют, как для краткосрочного, так и для долгосрочного периода. Видимо, это можно объяснить большей интеграцией российской экономики и

Таблица 1

Модели трендов анализируемых временных рядов

Валюта	Краткосрочный период	Долгосрочный период
Доллар	$\hat{y} = -0,03t + 0,0027t^2$	$\hat{y} = -0,31t + 0,009t^2 - 0,00007t^3$
Евро	$\hat{y} = -0,058t + 0,0003t^2$	$\hat{y} = -0,16t + 0,002t^2 + 0,000006t^3$
Юань	$\hat{y} = -0,032t + 0,0003t^2$	$\hat{y} = -0,23t + 0,0080t^2 - 0,00007t^3$

Таблица 2

**Значения индекса корреляции для построенных моделей
(с точностью до двух знаков после запятой)**

Валюта	Краткосрочный период	Долгосрочный период
Доллар	0,96	0,76
Евро	0,87	0,76
Юань	0,98	0,87

Таблица 3

**Значения критерия Стьюдента пар сравниваемых валют
для краткосрочного периода**

Коэффициент	Пары сравниваемых валют		
	USD-EURO	USD-SYN	EURO-CYN
ω_1	2,80	0,60	3,36
ω_2	1,63	0,42	8,57

Таблица 4

**Значения критерия Стьюдента пар сравниваемых валют
для долгосрочного периода**

Коэффициент	Пары сравниваемых валют		
	USD-EURO	USD-SYN	EURO-CYN
ω_1	2,02	1,20	1,09
ω_2	2,45	0,42	1,11
ω_3	2,53	0,20	2,67

экономик европейских государств. Наиболее существенными являются отличия в скорости изменения курса, что свидетельствует о разных линейных тенденциях в изменении курса валют.

Таким образом, приведенные результаты говорят об инструментальной возможности сравнительного анализа динамики временных рядов, описывающих подобные процессы, об актуальности решения подобных задач с целью прогнозирования валютных курсов, выявления и управления рисками и др.

Литература

1. Курзенов В. А., Клебанова Т. С., Наумов В. Н., Гурьянова Л. С. Методы и модели прогнозирования социально-экономических процессов. СПб. : Изд. СЗИУ РАНХиГС, 2012. 564 с.
2. Айвазян С. А. Прикладная статистика. Основы эконометрики. Т. 2. М. : ЮНИТИ, 2001. 432 с.

References

1. Kurzenov V. A., Klebanova T. S., Naumov V. N., Guryanova L. S. *Methods and models of forecasting of social and economic processes* [Metody i modeli prognozirovaniya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov]. SPb. : NWIM of RANEPА Publishing House [Izd. SZIU RANKhiGS], 2012. 564 p.
2. Ayvazyan S. A. *Applied statistics. Fundamentals of econometrics* [Prikladnaya statistika. Osnovy ekonometriki]. V. 2. M. : Unity [Yuniti], 2001. 432 p.

Куклина Е. А., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Дияо Линлин

Ресурсные налоги в России и Китае: pro et contra*

Куклина Евгения Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой макроэкономического регулирования
Профессор кафедры макроэкономического регулирования
Доктор экономических наук, доцент
jeakuklina@mail.ru

Чжу Сяоцин

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Заведующий кафедрой экономики
Доктор экономики, профессор

Сунь Юйсю

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Доцент кафедры менеджмента промышленности и торговли
Доктор экономики

Дияо Линлин

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Лектор кафедры экономики
Доктор экономики

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается ресурсный потенциал России и Китая. Описываются «ловушки» ресурсной экономики. Оценивается роль и значение налогов за пользование ресурсами в России и Китае. Приводится динамика налогов от добычи минерально-сырьевых ресурсов. Описаны направления совершенствования системы налогов и платежей за недра в России и Китае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

природные ресурсы, минерально-сырьевые ресурсы, ресурсная экономика, ресурсный режим, ресурсный налог, платежи за недра, институты

Kuklina E. A., Zhu Xiaoging, Sun Yuxiu, Diyao Linlin

Resource Taxes in Russia and China: Pro et Contra

Kuklina Evgenia Anatolievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Macroeconomic Regulation
Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
Doctor of Science (Economy), Associate Professor
jeakuklina@mail.ru

Zhu Xiaoging

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Head of the Chair of Economy
Doctor of Economy, Professor

* В статье изложены результаты совместных исследований по научному проекту «Сопоставительный анализ системы налогообложения недропользования в РФ и КНР», реализованному в 2014 г. СЗИУ РАНХиГС (кафедра макроэкономического регулирования) и Пекинским административным институтом (кафедра экономики).

Sun Yuxiu

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Associate Professor of the Chair of Management, Industry and Trade
Doctor of Economy

Diyao Linlin

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Lecturer of the Chair of Economics
Doctor of Economy

ABSTRACT

The article discusses the resource potential in the context of national security. The authors describe 'traps' of a resource economy. There are assessed the role and importance of natural resource taxation in Russia and China. The dynamics of tax income from mineral resources is given. There are substantiated the main directions of improving taxes and payments for mineral in Russia and China.

KEYWORDS

natural resources, mineral resources, resource economy, resource mode, resource taxation, payments for minerals, institutions

Введение

Природные ресурсы оказывают огромное влияние на благосостояние нации, что обусловлено, прежде всего, их редкостью и истощаемостью. Непродуманная государственная политика в области использования природных ресурсов угрожает благополучию будущих поколений. Природные ресурсы в большей степени, чем другие ресурсы, затрагивают государственные интересы и играют большую политическую роль, поэтому стратегическое управление природопользованием является одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности.

Сам факт наличия или отсутствия природных ресурсов в стране генерирует два вида угроз национальной безопасности:

- внешние, обусловленные возможной агрессией со стороны других стран, в силу сложившихся причин естественного характера, не обладающих природно-ресурсным потенциалом и пытающихся завоевать ресурсы посредством силового воздействия;
- внутренние, обусловленные естественным конкурентным преимуществом — наличием природных ресурсов, которое в реальности может превратиться в так называемое «сырьевое проклятие». Идея «сырьевого проклятия» появилась в середине 60-х гг. XX в. с легкой руки Дж. Сакса и Э. Уоррена [9], по мнению которых избыток природных активов может быть тормозом экономического развития страны, так как избыток доходов от добычи сырья не стимулирует поиск альтернатив развития.

Гипотеза о «сырьевом проклятии» или «проклятии ресурсов» в ее традиционном понимании состоит в том, что страны, обладающие значительным потенциалом природных ресурсов, как правило, развиваются медленнее, чем близкие им по характеристикам, но менее богатые природными ресурсами экономики. Однако современные исследования показывают, что в регрессиях влияние природного богатства на рост либо незначимо, либо положительно. Таким образом, более обоснованной, по нашему мнению, является следующая версия гипотезы о «проклятии»: большинство стран, богатых природными ресурсами, используют их менее эффективно, нежели другие виды капитала.

Неоднозначность влияния ресурсного изобилия на экономический рост делает весьма правдоподобной гипотезу так называемого «условного проклятия», соглас-

но которой избыток ресурсов может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на рост в зависимости от качества созданных институтов [6]. Анализ особенностей формирования, становления и развития системы институтов, связанных с освоением и использованием природных ресурсов, выполнен в классической теоретической работе О. Янга [7]. По его мнению, совокупность институтов, связанных с освоением и использованием природных ресурсов, формирует так называемый «ресурсный режим», который является социальным институтом, предназначенным для определения шагов и направленности действий тех, кто заинтересован в использовании природных ресурсов.

Ценность и стратегическая значимость такого подхода, по нашему мнению, заключается в формировании целостной структуры «ресурсного режима» как единой и взаимосвязанной системы прав, правил и процедур, позволяющей рационально и эффективно использовать природно-ресурсный потенциал страны, основываясь на принципах устойчивого развития.

Известно, что между институтами, природными активами и экономическим ростом существует связь, которую обосновали Ф. Лейн и А. Торнелл на основе двухсекционной модели «формальная экономика — теневая экономика» [8]. Получая неожиданно огромные доходы, генерируемые природными ресурсами, государство, менее связанное строгими правилами бюджетного регулирования, гораздо менее способно отказать претендентам на фискальные ресурсы, запросы которых возрастают. Ресурсная экономика в большинстве случаев не только сталкивается с текущим перерасходом средств, но и оказывается неспособной генерировать существенный экономический рост в будущем. И, если скорректировать эти затраты на фактор коррупции, то общие потери не только не балансируют объем неожиданного прироста доходов, но и, во многих случаях, даже превышают его. Именно это и является «ловушкой» ресурсной экономики.

Ресурсные налоги в Российской Федерации: цифры и факты

Общая потенциальная стоимость извлекаемых прогнозных ресурсов в недрах России составляет, по последним оценкам, 168 трлн долл. США [1].

Минеральные ресурсы нашей страны весьма разнообразны. На европейской территории и в Западной Сибири имеются богатые месторождения осадочных, прежде всего топливных полезных ископаемых; 95% топливных ресурсов страны сосредоточены в ее азиатской части. В Кольско-Карельском районе, на Алтае и Урале, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке имеются богатые залежи рудных полезных ископаемых, золота, алмазов, химического и строительного сырья. В результате Россия занимает ведущее положение в мире по разведанным запасам многих полезных ископаемых: 18% газовых ресурсов мира, более 5% мировых запасов нефти и 18% мировых достоверных запасов угля (табл. 1).

Существенную долю доходов бюджета Российской Федерации составляют налоговые доходы, в том числе доходы, получаемые от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) (табл. 2) и вывозных (экспортных) таможенных пошлин на нефть, газ и нефтепродукты.

Доходы от налогов и пошлин, связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов, составляют почти $\frac{1}{3}$ от общей величины уровня налоговых изъятий в ВВП (табл. 3).

Налогообложение нефтегазового сектора экономики России стабильно обеспечивает около $\frac{1}{3}$ совокупных доходов государства. Так, например, в 2013 г. налоговые доходы от нефтегазового сектора составили 10,9% ВВП, от других видов деятельности — 22,4% ВВП.

Таблица 1

Рейтинг первых восьми стран мира по разведанным запасам топливных ресурсов (по состоянию на 01.01.2012 г.)

Место	Страна	Уголь, млрд т	Страна	Нефть, млрд барр.	Страна	Природный газ (трлн м ³)
1	США	237	Венесуэла	298	Иран	34
2	Россия	157	Саудовская Аравия	268	Россия	33
3	Китай	115	Канада	173	Катар	21
4	Австралия	76	Иран	155	Туркмения	17
5	Индия	61	Ирак	141	США	9
6	Германия	40	Кувейт	104	Саудовская Аравия	8
7	Украина	34	ОАЭ	98	Венесуэла	5
8	Казахстан	34	Россия	80	Нигерия	5

Источник: US Energy International Administration. International Energy Outlook, 2013.

Таблица 2

Динамика доходов расширенного правительства РФ в 2007–2013 гг. (% к ВВП)

Доходы	Годы						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего	40,21	39,17	35,04	34,62	37,48	37,91	36,11
в том числе налоговые доходы и платежи	36,49	36,04	30,88	31,12	34,54	34,99	33,31
из них НДС	3,60	4,14	2,72	3,04	3,67	3,98	3,86

Источник: ВВП — Росстат; доходы консолидированного бюджета РФ — Казначейство России.

Таблица 3

Доходы бюджета расширенного правительства Российской Федерации от налогообложения добычи нефти и экспорта нефти и нефтепродуктов в 2007–2013 гг. (% к ВВП)

Налоговые доходы	Годы						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доходы от налогов и пошлин, связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов	9,27	11,17	8,19	8,64	10,81	11,22	10,58
в том числе НДС:							
на нефть	3,22	3,81	2,41	2,74	3,32	3,45	3,28
на газ	0,29	0,24	0,21	0,20	0,26	0,43	0,49
Акцизы на нефтепродукты	0,40	0,34	0,38	0,37	0,51	0,59	0,63
Вывозные таможенные пошлины на нефть	3,46	4,32	3,10	3,61	4,19	4,03	3,50
Вывозные таможенные пошлины на газ	0,91	1,19	1,12	0,42	0,69	0,70	0,72
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты	0,99	1,27	0,98	1,30	1,68	1,83	1,81

Источники: ВВП — Росстат; доходы консолидированного бюджета РФ — Казначейство России.

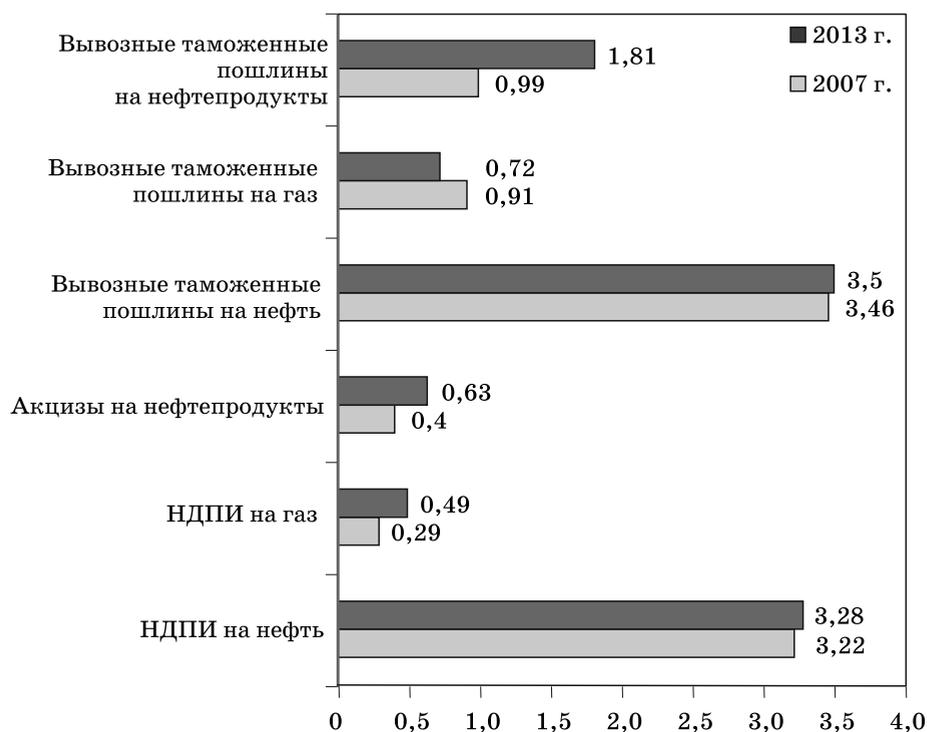

Рис. 1. Структура «нефтегазовых» доходов бюджета расширенного правительства Российской Федерации в 2007 и 2013 гг.

Структура «нефтегазовых» доходов РФ в 2007 г. и 2013 г. представлена на рис. 1.

Налоговое законодательство РФ развивается и совершенствуется, в том числе и в отношении ресурсных налогов и платежей [2]. В настоящее время Налоговый кодекс РФ дополнен положениями, согласно которым ставка НДС при добыче кондиционных руд черных металлов применяется с коэффициентом, характеризующим способ добычи кондиционных руд черных металлов¹. В 2013 г. был начат «налоговый маневр» в нефтяной сфере, заключающийся в снижении ставки вывозной таможенной пошлины на нефть сырую, а также ставки вывозной таможенной пошлины на светлые нефтепродукты (кроме бензинов) и одновременном повышении базовой ставки НДС при добыче нефти.

С 1 января 2014 г. установлен ряд налоговых преференций по основным видам налогов, в том числе НДС, а также освобождение от уплаты вывозной таможенной пошлины в отношении углеводородного сырья, добытого на морских месторождениях, для организаций, осуществляющих разработку новых морских месторождений углеводородного сырья, в том числе на Каспийском море. Установлен понижающий коэффициент к НДС, характеризующий степень сложности добычи трудноизвлекаемых запасов нефти.

С 1 июля 2014 г. исчисление величины НДС при добыче газа горючего природного и газового конденсата осуществляется на основе специальной формулы,

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nalog.ru/rn18/taxation/taxes/ndpi/>

учитывающей, в частности: условия разработки месторождений, состав газа; макроэкономические показатели; ценовую конъюнктуру на целевых рынках сбыта газа; расходы на транспортировку газа горючего природного; необходимость стимулирования разработки новых месторождений газа. Утверждены Правила подготовки предложений о применении особых формул расчета ставок вывозных таможенных пошлин на сырую нефть и проведения мониторинга обоснованности их применения, устанавливающие особый порядок установления предельной ставки вывозной таможенной пошлины на сырую нефть в зависимости от внутренней нормы доходности проекта по разработке месторождения.

По нашему мнению, совершенствование нормативно-законодательной базы является одним из важнейших, но не единственным направлением повышения эффективности недропользования в России, и для того, чтобы максимально эффективно использовать наши природные активы, необходимо совершенствовать как институты, так и политику стимулирования экономического роста. Необходимо постепенное снижение экспортного налога, с тем чтобы постепенно подтягивать внутренние цены на углеводороды к мировому уровню. Изъятие избыточных доходов нефтегазового сектора в бюджет должно во все большей степени осуществляться за счет налога на прибыль, а не за счет НДС.

Ресурсные налоги в Китайской Народной Республике: цифры и факты

В мире на протяжении последних десятилетий наблюдается глобальная перестройка экономической активности, наиболее заметная в сфере потребления энергетических и материальных ресурсов. Рост спроса на энергоресурсы, сталь и медь сдвигается из развитых стран в развивающиеся (преимущественно, азиатские). Так, по оценкам экспертов, спрос на нефть со стороны Китая и Индии за период 2003–2020 гг. увеличится почти в два раза и достигнет 15,4 барр./сут., а к концу этого периода потребление нефти азиатскими странами достигнет уровня США — самого крупного потребителя в мире [5, с. 10].

Растущий спрос на энергию и базовые материалы со стороны азиатских стран, конкурентным преимуществом которых являются низкие затраты труда, означает, что Азиатско-Тихоокеанский регион превращается в ведущего производителя металлов, химических материалов, бумаги и других материальных ресурсов. Так, например, Китай уже является ведущим мировым производителем стали и алюминия с долей более 30%.

В 1984 г. в Китае были оценены запасы четырех видов полезных ископаемых (уголь, нефть, газ, железо); в 2012 г. к ним были добавлены некоторые виды цветных металлов, неметаллических полезных ископаемых и соль. В 2014 г. запасы недр КНР были оценены уже по 23 видам полезных ископаемых. В настоящее время общая оценка минеральных ресурсов КНР составляет 244,4 трлн юаней¹ и включает запасы железа, меди, свинца, цинка, вольфрама, сурьмы, редких земель, бокситов, золота, серебра, хрома, никеля, олова, магния, молибдена, калия, лития, марганца, бора, серы, флюорита, фосфата и барита.

Ресурсный налог в Китае, который начал взиматься с 1984 г. (дата первой оценки недр), уплачивается юридическими и физическими лицами, ведущими на территории страны (включая морскую территорию КНР) добычу полезных ископаемых [4]. Первоначально ресурсный налог был введен только для угля, нефти и природного газа; с 1988 г. налог стал действовать и в отношении добытой железной

¹ Оценка на 01.10.2014 г.

руды. В настоящее время объектами налогообложения является добыча таких полезных ископаемых, как нефть, природный газ, уголь, соль (твердая и жидкая), железная руда, руды цветных металлов, неметаллические руды, редкоземельные элементы и др. Налоговой базой при добыче нефти и природного газа является стоимость добытого минерального сырья, для остальных полезных ископаемых — количество добытого сырья.

Большая часть ресурсного налога в Китае поступает в региональные бюджеты; исключением являются лишь налоговые поступления от добычи нефти и природного газа, добытого на морской территории КНР, которые являются доходами центрального бюджета.

В 2010 г. в КНР стартовала реформа налогообложения добычи полезных ископаемых, в основе которой — постепенный отказ от применения налоговых ставок налога с количества добытого полезного ископаемого и введение адвалорных ставок (взимание налога со стоимости добытого полезного ископаемого). Таким образом, если сейчас величина ресурсного налога зависит, как правило, от объема добычи, то в будущем сумма налога будет рассчитываться с дохода от реализации добытого полезного ископаемого.

В 2010 г. применение адвалорных ставок на добычу нефти и природного газа было введено в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, затем было распространено на остальные западные регионы Китая, а с 1 ноября 2011 г. — на всю территорию КНР одновременно с отменой отдельного сбора, взимаемого при разработке нефти на континентальном шельфе. В результате этого в стране значительно увеличились налоговые поступления по ресурсному налогу: более чем на 68% за первые два квартала 2012 г. по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. (рис. 2).

Динамика ресурсного налога свидетельствует о том, что фактическая налоговая нагрузка на недропользователей является низкой, этот вид налога в Китае пока еще незначителен (менее 1% налоговых доходов государства), но есть перспективы его увеличения, принимая во внимание огромный потенциал минерально-сырьевых ресурсов страны.

Одним из главных направлений совершенствования налогового законодательства КНР является улучшение общего налогового бремени и активизация усилий по налоговому контролю использования ресурсов таким образом, чтобы компенсировать недропользователям затраты по охране окружающей среды. Планируется разработать действенный механизм компенсации в целях поддержания устойчивого экономического и социального развития. Важным направлением реформы является также введение платы (налога) на отходы добывающих предприятий в целях стимулирования рационального использования ресурсов при условии учета влияния других налогов и пошлин, выплачиваемые сырьевыми компаниями, которые влияют на величину их прибыли, капитализацию и возможности инвестирования.

Одной из форм государственной поддержки недропользователей в КНР являются налоговые льготы. Так, например, сырая нефть, идущая на цели отопления, не облагается ресурсным налогом. Льготу по ресурсному налогу имеют нефтедобывающие предприятия, производящие капитальный ремонт скважин за счет собственных средств. Платежи налогоплательщика могут быть сокращены или отменены в случае стихийных бедствий, аварий или серьезных потерь. Также, по решению Госсовета КНР, с 1 апреля 2012 г. ставка ресурсного налога для совместных предприятий с иностранными инвестициями (СП) по добыче железной руды снижается на 40%, для СП по добыче руд цветных металлов — на 30%; существуют определенные льготы по ресурсному налогу для предприятий, импортирующих соль и т. д.

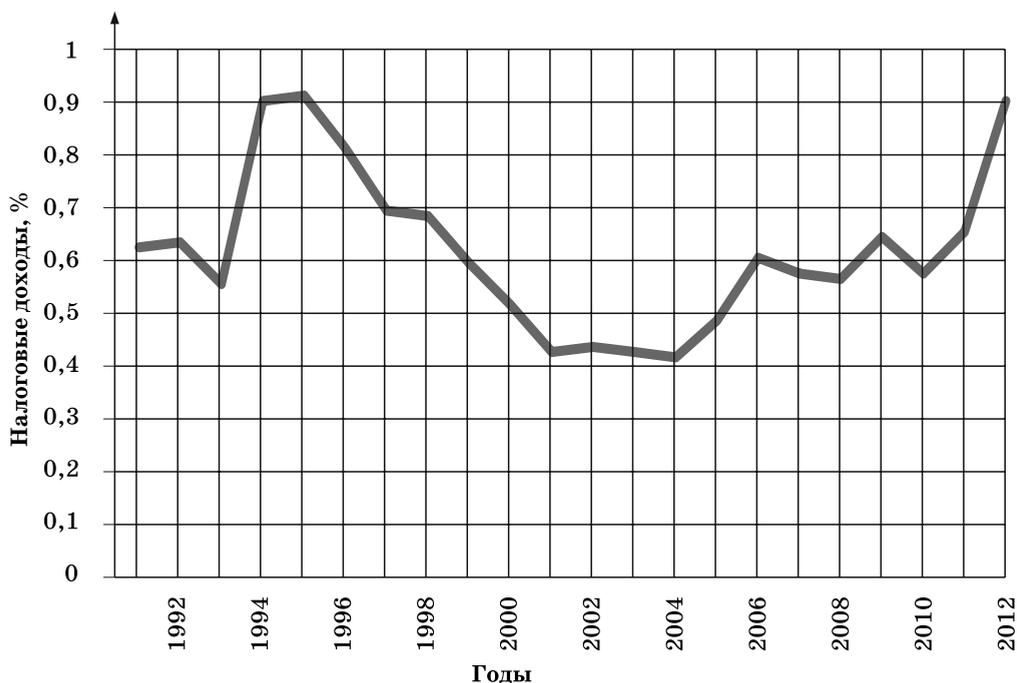

Рис. 2. Динамика ресурсного налога КНР за период 1991–2012гг.

Создание накопительных фондов: российский опыт

Экономическая политика типичной «ресурсной» страны, как правило, характеризуется профицитом бюджета, относительно низкой инфляцией, заниженными внутренними ценами на топливо и завышенным валютным курсом. Анализ, выполненный в работе [9], показал, что экономики, богатые ресурсами, сталкиваются с фундаментальным противоречием: несостоятельность рынка требует государственного вмешательства, а низкое качество институтов обуславливает его неэффективность.

Анализ социально-экономического развития стран, богатых минерально-сырьевыми ресурсами, свидетельствует, что ключевую роль в повышении национальной конкурентоспособности и уходе от «голландской болезни» играет характер проводимой государством экономической политики и создаваемые для этого институты. В таких странах, как Ботсвана, Индонезия, Норвегия удалось избежать этой болезни и достичь устойчивого экономического роста. В этих странах государственная политика носила контрциклический характер и была направлена на сглаживание государственных расходов. Консервативный характер финансовой политики способствовал накоплению значительных валютных резервов, которые использовались для осуществления конкурентной политики обменных курсов. Эти страны осуществляли эффективную инвестиционную стратегию, направляя значительные капиталовложения в производственную и социальную инфраструктуру (здравоохранение, образование), повышая эффективность использования человеческого капитала.

Наоборот, в большинстве стран, богатых минерально-сырьевыми ресурсами, проводилась финансовая политика, направляющая доходы от добычи минерально-

го сырья на финансирование разбухшего государственного сектора или неэффективных амбициозных проектов. Характерной чертой этих стран являлись неограниченные финансовые расходы и значительная задолженность вследствие масштабных заимствований на внутреннем и внешнем рынках.

Естественное конкурентное преимущество национальной экономики, наделенной огромным природно-ресурсным потенциалом, должно быть использовано во благо страны. По нашему мнению, для Российской Федерации доходная часть государственного бюджета должна формироваться преимущественно за счет налога на прибыль и платежей за природные ресурсы, выплачиваемых добывающими предприятиями. В условиях дефицита бюджетных средств в такой богатой ресурсами стране, как Россия, именно налоги и платежи за природопользование могут взять на себя фискальную функцию налоговой системы и являться источником формирования соответствующих институтов развития.

С 2004 г. за счет высоких мировых цен на углеводороды в России создается Стабилизационный фонд (табл. 4), который в 2008 г. был разделен на два фонда: Резервный и Фонд национального благосостояния (табл. 5).

В отношении целесообразности создания этих фондов ведутся многочисленные дискуссии. По нашему мнению, такие фонды нужны, но их использование должно быть направлено на повышение социально-экономического уровня жиз-

Таблица 4

**Динамика Стабилизационного фонда Российской Федерации
в 2004–2007 гг., млрд руб.**

Показатель	2004	2005	2006	2007
Всего	522	1237	2347	3849
<i>Пополнение</i>	<i>522</i>	<i>1388</i>	<i>1709</i>	<i>1896</i>
НДПИ	175	507	647	675
Вывозная пошлина	241	663	991	919
Прочие	106	217	71	302
<i>Расходование</i>	<i>0</i>	<i>673</i>	<i>605</i>	<i>334</i>
Погашение внешнего долга	0	643	605	34
Пенсионный фонд	0	30	0	0
Нанотехнологии	0	0	0	30
ВЭБ	0	0	0	180
Инвестиционный фонд	0	0	0	90

Таблица 5

**Динамика Резервного фонда и Фонда национального благосостояния
Российской Федерации за период 2008–2013 гг., млрд руб.**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Резервный фонд	3058	4028	1831	775	1907	2885
Фонд национального благосостояния	783	2584	2769	2696	2795	2691
Всего	3841	6612	4600	3471	4702	5576

ни общества, как это было сделано в Норвегии, ОАЭ, Саудовской Аравии и других странах.

Заключение

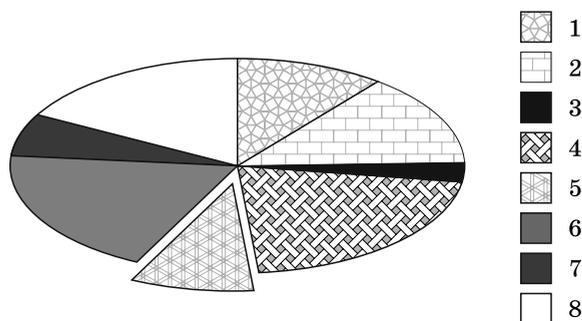
Философ А. А. Зиновьев считал, что «в мире сейчас не происходит ни одного мало-мальски крупного события, которое не было бы частичкой мировой войны. Она идет, а для маскировки ее называют глобализацией». В данном контексте нам представляется необходимым отметить знаковый факт создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), договор о создании которого вступил в силу с 1 января 2015 г. Это международное интеграционное экономическое объединение было создано в целях укрепления экономик стран-участниц и сближения друг с другом для модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке. Сотрудничество стран ЕАЭС, обмен знаниями и технологиями облегчают нахождение международного согласия, открывают участникам дополнительные возможности поступательного и устойчивого развития государств [3].

Как нам представляется, развитие экономик стран — участниц ЕАЭС, в частности, энергетической стратегии и минерально-сырьевого комплекса, нельзя рассматривать в отрыве от политической и экономической стратегии их развития. В основе политики России со странами ЕАЭС должна лежать хорошо продуманная стратегическая линия сотрудничества, отвечающая на актуальные вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня, и, естественно, на вопросы о коллективной безопасности. Обладание и разумное использование минерально-сырьевого потенциала — это залог формирования системы экономической безопасности страны, и не последнее место здесь принадлежит эффективной системе налогов и платежей в недропользовании.

По числу добываемых минералов в мировом рейтинге лидируют США, Китай и Россия, занимая соответственно 1-е, 2-е и 3-е место, и на них приходится около 41% от всей мировой добычи минерального сырья. При этом платежи за пользование природными ресурсами (в том числе недрами) в РФ составляют около 10% общих налоговых доходов (рис. 3), а в КНР — менее 1% (рис. 4).

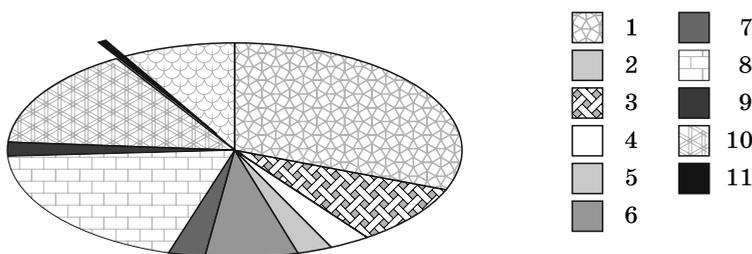
Как нам представляется, опыт России в создании системы налогов и платежей в недропользовании, а также опыт формирования накопительных фондов за счет доходов от использования минерально-сырьевых ресурсов будет полезен для разработки эффективной экономической политики Китая.

И последнее — в отношении «за» и «против». В настоящее время и в России (в большей степени) и в Китае (в меньшей) действует принцип платности недропользования, который соответствует принципам рыночной экономики, что соответственно, оценивается положительно. Но это является только первым шагом разумного и устойчивого недропользования и следующим шагом, безусловно, должен быть переход к принципу рентного недропользования [2]. Данное предложение достаточно давно было озвучено российскими специалистами, но, к сожалению, до сих пор не является реальностью. Таким образом, «против» — это наша оценка современной ситуации в контексте неизбежного перехода к реализации концепции рентного недропользования в странах, обладающих мощным минерально-сырьевым потенциалом. И есть все основания полагать, что в современных условиях значительного переосмысления политической, экономической и социальной реальности, этот переход будет стремительным.

1) 10,6% — налог на прибыль организаций; 2) 13,9% — НДФЛ; 3) 2,9% — акцизы; 4) 21,1% — таможенные пошлины; 5) 8,8% — НДСПИ; 6) 19,2% — ЕСН и страховые выплаты; 7) 6,4% — прочие налоги и сборы (налоги на совокупные доходы, налоги на имущество, налог на добычу полезных ископаемых (кроме НДСПИ) и без учета государственной пошлины) 8) 17,1 — НДС

Рис. 3. Платежи за пользование природными ресурсами и при пользовании недрами в структуре налоговых доходов РФ в 2009 г.

1) 31% — НДС; 2) 9,1% — прочие налоги; 3) 2,9% — налог на сделки; 4) 2,5% — таможенные пошлины; 5) 6,6% — индивидуальный подоходный налог (НДФЛ); 6) 2,6% — налог на ремонт и строительство в городах; 7) 19,4% — налог на прибыль организаций; 8) 2,1% — НДС и налог на потребление, взимаемые при экспорте (за вычетом экспортного возмещения); 9) 15,1% — предпринимательский налог; 10) 0,6% — ресурсный налог; 11) 8% — налог на потребление

Рис. 4. Платежи за пользование природными ресурсами и при пользовании недрами в структуре налоговых доходов в КНР в 2009 г.

Литература

1. *Богатство недр России. Минерально-сырьевой и стоимостный анализ* / ред. Б. К. Михайлов, О. В. Петров, С. А. Кимельман. Изд. 2-е. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2008. 484 с
2. *Кимельман С. А., Куклина Е. А. Система платного недропользования в России: современное состояние и перспективы развития* // *Управленческое консультирование*, № 4, 2013. С. 95–108.
3. *Куклина Е. А. «Геометрия» развития экономических систем в глобальном контексте / Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15–20 мая 2014 г.* / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2014. С. 498–500.
4. *Куклина Е. А., Федорков А. И. Анализ системы налогообложения недропользования в КНР в контексте реализации экономической стратегии государства* // *Управленческое консультирование*, № 8, 2014. С. 59–67.
5. *Минеральные ресурсы и экономическое развитие : сборник научных трудов* / отв. ред.: В. Б. Кондратьев, Ю. Л. Адно. М. : ИМЭМО РАН, 2010. 211 с.

6. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. № 6, 2007. С. 4–27.
7. Young O. *Oran Resources Regimes. Natural Resources and Social Institutions*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. 1982. 280 p.
8. Tornell A., Lane Ph. (1994) 'Are Windfalls a Curse? A Non-Representative Agent Model of the Current Account and Fiscal Policy', NBER Working Paper. N 4839.
9. Sachs J. D., Warner A. M. *Natural Resource Abundance and Economic Growth* / NBER Working Paper Series. Working Paper 5398. 1995.

References

1. *Richness of a subsoil of Russia. Mineral and raw and cost analysis* [Bogatstvo nedr Rossii. Mineral'no-syr'evoi i stoimostnyi analiz] / Edition B. K. Mikhaylov, O. V. Petrov, S. A. Kimelman. 2-nd edition. SPb. : Publishing house of Russian Geological Research Institute [Izd-vo VSEGEI], 2008. 484 p.
2. Kimelman S. A., Kuklina E. A. *System of paid subsurface use in Russia: current state and prospects of development* [Sistema platnogo nedropol'zovaniya v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie], N 4, 2013. P. 95–108.
3. Kuklina E.A. "Geometry" of development of economic systems in a global context [«Geometriya» razvitiya ekonomicheskikh sistem v global'nom kontekste] / Dialogue of cultures and partnership of civilizations : XIV International Likhachev scientific readings [Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: XIV Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya], on May 15–20, 2014 / scientific edition of A. S. Zapesotsky. SPb. : SPbUHSS [SPbGUP], 2014. P. 498–500.
4. Kuklina E. A., Fedorkov A. I. *The analysis of system of the taxation of subsurface use in the People's Republic of China in the context of realization of economic strategy of the state* [Analiz sistemy nalogooblozheniya nedropol'zovaniya v KNR v kontekste realizatsii ekonomicheskoi strategii gosudarstva] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie], N 8, 2014. P. 59–67.
5. *Mineral resources and economic development* [Mineral'nye resursy i ekonomicheskoe razvitie]. Collection of scientific works. Executive edition: V. B. Kondratyev, Yu. L. Adno. M. : Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences [IMEMO RAN], 2010. 211 p.
6. Polterovich V., Popov V., Tonis A. *Mechanisms of "a resource damnation" and economic policy* [Mekhanizmy «resursnogo proklyatiya» i ekonomicheskaya politika] // Economy Questions [Voprosy ekonomiki], N 6, 2007. P. 4–27.
7. Young O. *Oran Resources Regimes. Natural Resources and Social Institutions*. University of California Press, Berkeley and Los Angeles, California. 1982. 280 p.
8. Tornell A., Lane Ph. (1994) 'Are Windfalls a Curse? A Non-Representative Agent Model of the Current Account and Fiscal Policy', NBER Working Paper. N 4839.
9. Sachs J. D., Warner A. M. *Natural Resource Abundance and Economic Growth* / NBER Working Paper Series. Working Paper 5398. 1995.

Клюев А. В., Ляшко С. В., Тарасов С. В.

Оценка качества образовательного результата в учреждениях общего и профессионального образования Ленинградской области

Клюев Анатолий Владимирович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой социологии и социальной работы
Доктор философских наук, профессор
klyuev@szags.ru

Ляшко Светлана Всеволодовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры социологии и социальной работы
Кандидат социологических наук, доцент
ssr@szags.ru

Тарасов Сергей Валентинович

Комитет общего и профессионального образования Ленинградской области
Председатель
Доктор педагогических наук, профессор
office_edu@lenreg.ru

РЕФЕРАТ

В результате проведенного социологического исследования выявлены основные тенденции, происходящие в образовательном процессе в учреждениях общего среднего образования Ленинградской области, а также оценены отношение учащихся к обучению и уровень усвоения базовых компетенций. В исследовании использовались когнитивные и аксиологические подходы, позволившие определить качественные показатели и результативность образовательного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образовательный результат, учащиеся, компетенции, процесс обучения, базовые знания, мотивационная составляющая, самооценка, профессионализм, ценностные качества, познавательный интерес

Kluev A. V., Lyashko S. V., Tarasov S. V.

Assessment of Quality of Educational Result in Institutions the General and Professional Education of the Leningrad Region

Kluev Anatoly Vladimirovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Sociology and Social Work
Doctor of Philosophy, Professor
klyuev@szags.ru

Lyashko Svetlana Vsevolodovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work
PhD in sociology, Associate Professor
ssr@szags.ru

Tarasov Sergey Valentinovich

Committee of General and Professional Education of Leningrad Region (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head
Doctor of Science (Pedagogic), Professor
office_edu@lenreg.ru

ABSTRACT

As a result of sociological research are identified major trends occurring in the educational process of general secondary education in institutions of the Leningrad region. Also the attitude of students to the educational process and the level of basic skills are measured. The study used a cognitive and axiological approach that will determine the quality indicators and may impact the educational process.

KEYWORDS

educational result, pupils, skills, educational process, basic knowledge, motivational part, self-attitude, professional competence, value-quality, cognition interest

В современном обществе одной из актуальных задач общественного развития является совершенствование системы образования, что обусловлено появлением новых социальных реалий, потребностью в специалистах, активных гражданах, способных решать возникающие проблемы и отвечать на вызовы времени.

С другой стороны, становится все более актуальной проблема изменения общего образовательного пространства, вызванная новыми тенденциями, происходящими в социально-экономической сфере жизнедеятельности. Неслучайно модернизация общего образования является основой образовательной политики, поскольку она непосредственно определяет будущее России.

Несомненна значимость проблематики выбора направлений модернизации общего образования, как образования, востребованного российским социумом, необходимого для развития человеческого потенциала современной России.

Новая целевая система государственной образовательной политики в сфере общего образования ориентирована на повышение доступности качественного основного общего образования и включает в себя следующее:

- разработку и внедрение новой модели образования, адекватной вызовам XXI в. и растущим запросам россиян;
- модернизацию институтов образования как инструментов социального развития;
- формирование механизмов оценки качества и востребованности образовательных услуг с участием потребителей;
- обеспечение инновационного характера базового образования.

Современная модель общего образования означает расширение спектра индивидуальных образовательных возможностей и траекторий развития учащихся; профилизацию обучения в соответствии с интересами и ценностями личности; формирование базовых компетентностей.

Говоря о государственной политике в сфере образования, необходимо иметь в виду, что, согласно объективной закономерности децентрализации современного российского общества, значительная часть вопросов регулирования общего образования передается на региональный уровень с учетом его особенностей.

В этом отношении Ленинградская область, как один из крупных российских регионов, представляет важный объект для исследования состояния и процессов, происходящих в сфере общего образования.

Своего рода оценочным показателем результативности образовательного процесса является степень соответствия ожидаемым нормативно-заданным стандартам. Обобщающим показателем обучения выступает качество образовательного результата.

С целью выявления последнего, по заказу Комитета общего и профессионального образования Ленинградской области было проведено социологическое исследование. Ставились следующие задачи:

- охарактеризовать мотивацию учащихся к обучению;
- проанализировать мнение родителей относительно мотивационных установок обучающихся;

- рассмотреть когнитивные компетенции обучающихся;
- выделить функциональные компетенции старшеклассников.

Оценка качества образовательного результата осуществлялась по целому ряду показателей. Среди традиционных оценок образовательных результатов преобладают знания, умения, навыки учащихся.

Однако сегодня во все большей мере учитываются оценки таких результатов обучения, как мотивы учебной деятельности, способности, формируемые в процессе обучения, качество полученных знаний по критериям предметности, системности, обобщенности, умение учиться и т. д.

Весьма продуктивным представляется компетентностный подход, который выступает разноплановым и многосторонним, производным от понятий «компетенция» и «компетентность».

В компетентностной парадигме акцент делается на развитие определенных способностей личности, усвоение компетенций, необходимых для осуществления соответствующих видов профессиональной деятельности.

Следовательно, компетентностный подход позволяет в качестве главного результата образования рассматривать готовность, способность и мотивированность выпускников школ включаться в активную социальную и профессиональную жизнедеятельность и нести ответственность за свои действия.

Оценка качества образовательного результата складывается на основе как объективных показателей, так и субъективных самооценок. В этом отношении самыми заинтересованными лицами в образовательном процессе являются обучающиеся, их родители и педагоги, поэтому важно выявить отношение данных категорий к обучению в конкретной школе и гимназии.

На эмпирическом уровне наиболее распространенным методом оценки компетентности и образовательного результата является анкетирование, которое позволяет выявить ключевые результаты обучения и воспитания, достижения социального, познавательного, коммуникативного, гражданского развития обучающихся, а также ценностные ориентации, мотивацию, социальные приоритеты и т. д.

В качестве инструмента социологического исследования разработаны и использованы: анкета старшеклассника, анкета родителя, анкета педагога.

В соответствии с базовыми качествами и компетенциями, отражающими качество образовательного результата, **анкета старшеклассника** включала следующие блоки:

- оценочная шкала образовательной подготовки;
- степень удовлетворенности обучением в школе;
- профессиональные предпочтения;
- ценностные ориентации;
- степень приобретения практических навыков, необходимых для повседневной жизни, нерешенные проблемы.

Анкета родителя позволила конкретизировать и оценивать результаты обучения, а также воспитания в школе по следующим блокам:

- удовлетворенность учебным процессом;
- оценка личных качеств и способностей своих детей;
- отношение к планам и профессиональным предпочтениям детей;
- роль школы в развитии способностей и воспитании социально-нравственных качеств;
- степень влияния учителей на формирование личности ученика;
- приобретение базовых ценностей в процессе обучения.

Анкета педагога содержала вопросы о сформированности ключевых компетенций, ценностных ориентаций и поведенческих установок старшеклассников. Она включала следующие блоки:

- отношение учащихся к преподаваемым предметам;
- оценка степени ответственности старшеклассников;

- удовлетворенность деятельностью учеников по овладению знаниями и их мотивацией к учебе;
- включенность учеников в общественную работу;
- оценка качества знаний старшеклассников;
- эффективность воспитательной и профилактической работы в школе;
- применение инновационных методик в образовательном процессе.

Сравнительный анализ полученных результатов опроса и систематизация ответов позволили выявить порой полярные представления о мнимых и подлинных ценностях старшеклассников и учителей, различие отношения учеников к одним и тем же процессам, происходящим в школе.

Выборочную совокупность составили учащиеся — выпускники образовательных учреждений общего среднего образования Ленинградской области — 428 чел.; родители — 274 чел.; педагоги — 262 чел.

Мотивация старшеклассников к обучению

Наиболее профессиональная и объективная оценка ответственности, мотивации к учебе, уровня познавательного интереса, качества знаний учащихся содержится в ответах преподавателей на вопросы анкеты.

Преподавательский состав Ленинградской области, согласно характеристике выборочной совокупности по опыту преподавания и профессионализму, выступает в качестве экспертов и осуществляет самооценку своей образовательной деятельности, дает основание для социологического исследования качества образовательного результата.

Анализ результатов статистической обработки данных позволяет сделать вывод о том, что ответы преподавателей, касающиеся отношения учащихся к преподаваемым предметам, носят дифференцированный характер в зависимости от ценностных ориентаций и мотивации учащихся. Соответственно, напрашивается вывод о трех группах учащихся:

- 1) имеющие высокий познавательный уровень;
- 2) имеющие средний уровень;
- 3) те, кто избирательно относится к преподаваемым предметам.

В наглядной форме данные представлены в табл. 1.

Такая группировка вполне объективна, она еще не дает достаточных оснований для оценки когнитивных компетенций.

В общественном сознании бытует мнение о снижении ответственности учащихся за результаты обучения, но если судить по ответам преподавателей, то, наоборот, наблюдается тенденция к повышению ответственного отношения учеников к учебе и в обобщенном виде составляет 72,1% (табл. 2). Можно высказать гипотезу, что, возможно, это связано с необходимостью сдачи ЕГЭ с целью поступления в вуз.

Положительная оценка удовлетворенности учителей деятельностью учеников по овладению знаниями составляет 75,9% (табл. 3), что практически совпадает с показателями ответственности (72,1%); а количество учеников, у которых не растет ответственность (22,5%), совпадает с количеством учеников, не стремящихся к овладению знаниями (23,3%).

В то же время исследование зафиксировало некоторую противоречивую тенденцию снижения мотивации к учебе у обучающихся (табл. 4). Так считают 57,6% учителей; не видят такой тенденции 41,2%.

Не удалось выявить единого мнения учителей по вопросу о динамике успеваемости учащихся. Примерно половина (49,2%) преподавателей отмечают, что успеваемость снижается, и практически такое же количество респондентов считает, что

снижения не наблюдается — 49,7%. По всей вероятности, это отражает реальное состояние заинтересованности учащихся к учебе.

Познавательный интерес в значительной степени наблюдается у 44,3% учащихся, а в меньшей — у 48,5%. Он является одной из важных мотиваций к обучению и может быть выражен в стремлении познания одного или ряда предметов. Поскольку развитие познавательного интереса в большей степени происходит в школе, то он выступает одним из показателей результативности учебного процесса. Его фиксирование у 44,3% учащихся можно оценить как удовлетворительный показатель образовательного результата.

Творческий подход к обучению обусловлен в определенной мере познавательной мотивацией и является высшим уровнем ее проявления. Однако познавательный интерес не всегда приводит к творческому процессу обучения. В этом отношении

Таблица 1

**Обобщенные данные ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете в целом отношение учащихся
к преподаваемым предметам?»**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Высоко	51	19,5
Средне	86	32,8
Избирательно	119	45,4
Низко	6	2,3
Всего	262	100,0

Таблица 2

**Обобщенные данные ответов на вопрос
«Повышается ли сегодня ответственность учащихся
за результаты обучения?»**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Да, повышается	70	26,7
Скорее да, чем нет	119	45,4
Скорее нет, чем да	59	22,5
Нет	8	3,1
Затрудняюсь ответить	6	2,3
Всего	262	100,0

Таблица 3

**Обобщенные данные ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста,
Вашу удовлетворенность деятельностью учеников
по овладению знаниями»**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Полностью удовлетворен	32	12,2
Частично удовлетворен	167	63,7
Далеко не в полной мере	50	19,1
Не удовлетворен	11	4,2
Затрудняюсь ответить	2	0,8
Всего	262	100,0

Таблица 4

Обобщенные данные ответов на вопрос «Как Вы считаете, наблюдается ли сегодня у Ваших учеников снижение мотивации к учебе?»

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Да	44	16,8
Скорее да, чем нет	107	40,8
Скорее нет, чем да	86	32,8
Нет	22	8,4
Затрудняюсь ответить	3	1,1
Всего	262	100,0

Таблица 5

Обобщенные данные ответов на вопрос «В какой степени, по Вашему мнению, наблюдается творческий подход к обучению?»

Вариант ответа	Количество ответивших	%
В значительной степени	76	29,0
Не в значительной степени	134	51,1
Совсем в незначительной степени	44	16,8
Затрудняюсь ответить	8	3,1
Всего	262	100,0

показатель 29,0% творческого отношения учащихся к обучению можно считать приемлемым. В наглядной форме данные представлены в табл. 5.

Была выражена достаточно высокая оценка качества знаний учеников со стороны педагогов, которая составляет 55,7%, но, вместе с тем, удовлетворительно осваивают базовые знания 37,0%, что свидетельствует о весьма среднем оценочном показателе у значительной части учащихся.

Таким образом, при сложных и порой неоднозначных результатах реформирования общего образования, общие показатели успеваемости, мотивация к обучению, проявление ответственности учеников и т. д. оцениваются преподавательским составом как достаточно положительные. Но педагоги более критично относятся к оценке сформированности когнитивных компетенций у выпускников. Только 19,5% педагогов высоко оценивают отношение учащихся к преподаваемым дисциплинам и еще меньшее количество педагогов удовлетворено отношением старшеклассников к овладению знаниями, таких всего 12,2%. Наличие познавательного интереса у учащихся отмечают 44,3% педагогов, участвовавших в опросе. Но, как известно, познавательный интерес зависит от качества преподавания, умения заинтересовать ученика. Конечно, здесь необходим обоюдный интерес, но если рассматривать личность преподавателя как фактор, побуждающий, развивающий интерес, то, судя по ответам учащихся, они высказали некоторую неудовлетворенность, в той или иной степени, преподаванием конкретных предметов: математики — 17,7%; русского языка — 16,5%; химии — 28,3%; иностранного языка — 15,2% и т. д. Это может быть обусловлено либо необходимостью глубокого освоения знаний, либо другими, порой субъективными причинами. Но, в любом случае, при оценке образовательного результата необходимо учитывать все причины, влияющие на его качество.

Важной представляется оценка основных компетенций выпускников в аспекте оценки качества образовательного результата.

Оценка основных компетенций и ценностных установок выпускников

Под основными компетенциями нами подразумеваются наиболее универсальные по своему характеру и степени применимости компетенции. Их формирование осуществляется в рамках каждого учебного предмета, по сути, они — надпредметны.

К основным компетенциям обучающихся мы отнесли когнитивные, функциональные, социальные, коммуникативные, информационные компетенции, а также ценностные ориентации, выступающие в качестве метакомпетенций. С позиций оценки сформированности когнитивных компетенций выпускников были проанализированы ответы на вопросы обучающихся, их педагогов и родителей относительно образовательной подготовки и целей учащихся в процессе обучения. Обобщенные данные ответов на вопросы представлены в табл. 6 и 7.

Как видим, старшеклассники весьма положительно оценивают свою образовательную подготовку (табл. 6). В частности, 94,6% опрошенных высоко или, по крайней мере, средне удовлетворены полученными знаниями в школе. Дополнительным показателем оценки образовательной подготовки являются целевые установки старшеклассников получения знаний, которые нашли свое отражение в табл. 7.

Как видно из табл. 7, целевые установки школьников на процесс обучения разноплановы по своей направленности в силу разной мотивации. Большая часть

Таблица 6

Обобщенные данные ответов учеников на вопрос «Как бы Вы в целом оценили свою образовательную подготовку на момент опроса?»

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Высоко	157	36,9
Средне	247	57,7
Низко	14	3,3
Крайне низко	4	0,9
Затрудняюсь ответить	5	1,2
Всего	428	100,0

Таблица 7

Обобщенные данные ответов на вопрос «Ваша цель в процессе обучения?»

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Стремление быть образованным человеком	283	66,0
Получать отличные и хорошие оценки	18	4,2
Получать необходимые знания для подготовки к ЕГЭ	103	24,1
Отсутствии конкретной цели	9	2,1
Другое	15	3,5
Всего	428	100,0

старшеклассников (66,0%) выражает стремление стать образованными людьми, 24,1% — получить необходимые знания для подготовки к ЕГЭ, а 4,2% просто хотят иметь отличные и хорошие оценки.

Если даже сомневаться в искренности ответов, то все равно полученные данные отражают общую тенденцию превалирования в современных условиях инструментальных ценностей над терминальными. В нашем исследовании все-таки доминируют терминальные ценности, выражающие важные смысловые цели.

Весьма высока оценка удовлетворенности родителей уровнем преподавания в школе, составляющая в целом 76,8%; и только 9,1% из них выражают низкую удовлетворенность (табл. 8).

Позитивная оценка преподавания родителями коррелируется с мнением учеников, приведенным выше.

Однако показательным в плане реальной самооценки полноты получаемых знаний в школе является ответ о необходимости дополнительных занятий с репетитором для поступления в вуз.

Оказывается, что в репетиторстве нуждаются 63,9%, а могут обойтись без него 23,7%. Это в определенной мере согласуется с предыдущими ответами, в которых 36,9% оценили свою образовательную подготовку высоко, 57,7% средне и 4,2% низко. С другой стороны, данную тенденцию можно назвать как «подстраховочное поведение».

Важным показателем образовательного результата является функциональная компетентность учащихся, которая связана с умением оперировать полученными знаниями и реализовать их в практической деятельности и социальном поведении. Вполне понятно, что это одна из проблемных задач образования.

Для получения необходимых данных по выявлению общей функциональной компетентности в анкете старшеклассника содержались вопросы, позволяющие ее оценить.

На закрытый вопрос о перспективах и возможностях добиваться жизненных и профессиональных результатов 62,1% старшеклассников ответили положительно и «скорее да» — 28,3%. Данные показатели в большей мере отражают не столько мотивированную ориентацию на достижение цели, а скорее юношеский эмоциональный оптимизм. Но это тоже можно отнести к положительному показателю.

На открытый вопрос о том, какие события в школьной жизни запомнились больше всего (табл. 9), получены эмоционально-ситуативные ответы типа: школьные праздники и мероприятия, последний звонок — 13,8%. Более содержательные ответы связаны с участием в олимпиадах, конкурсах — 4,8%, школьной общественной деятельностью — 8,5%. Все это свидетельствует о том, что значительная часть старшеклассников оценивает события школьной жизни весьма ситуативно, что свойственно юношескому восприятию.

Таблица 8

**Обобщенные данные ответов на вопрос
«Удовлетворены ли Вы уровнем преподавания
в вашей школе?» (родители)**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Да	133	48,5
Скорее да	105	38,3
Скорее нет	16	5,8
Нет	9	3,3
Затрудняюсь ответить	11	4,0
Всего	274	100,0

Таблица 9

Обобщенные данные ответов на вопрос «Какое событие в Вашей школьной жизни Вам запомнилось больше всего?»

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Нет ответа	91	13,5
Школьные праздники и мероприятия	176	46,6
Участие в олимпиадах, конкурсах, соревнованиях	18	4,8
Школьная (общественная) деятельность	32	8,5
Учебная деятельность	18	4,8
Выпускной/последний звонок	52	13,8
Школьные поездки и походы	18	4,8
Взаимоотношения с одноклассниками/ровесниками	11	2,9
Затрудняюсь ответить	12	3,2
Всего	428	100

В ходе исследования был обнаружен большой разброс ответов на открытый вопрос о достижениях учебы в школе, к которому старшеклассники отнеслись более серьезно (табл. 10). Наиболее значимые ответы касаются успехов в учебе — 18,9; расширения кругозора — 16,9; получения наград — 10,3; приобретения важных качеств и навыков — 9,8%. Вместе с тем, 39,4% вообще не дали ответа на данный вопрос.

При определении ценностных ориентаций (табл. 11) на первое место старшеклассники среди более значимых ценностей выделяют семью — 90,8%. Значительное место отводится образованию — 83,0; здоровью — 81,6; любви, верности — 76,2; друзьям, товарищам — 71,0; духовности — 53,6%.

К менее значимым ценностям они относят патриотизм — 41,0; гражданственность — 55,0; солидарность — 48,1%; к совсем не значимым они относят религию — 35,0%.

Таблица 10

**Обобщенные данные ответов на вопрос
«Что Вы считаете своим главным достижением за годы учебы в школе?»**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Нет ответа	170	39,4
Нет достижений	8	1,9
Много достижений	8	1,9
Успехи в учебе/сдаче экзаменов	81	18,9
Получение знаний/расширение кругозора	72	16,8
Окончание школы	15	3,5
Формирование характера(личности)	18	4,2
Получение наград	44	10,3
Высокая успеваемость по некоторым предметам	8	1,9
Приобретение новых важных качеств и навыков	42	9,8
Хорошее отношение с учителями	16	3,7
Затрудняюсь ответить	9	2,1
Всего	428	100,0

**Обобщенные данные ответов на вопрос
«Какие ценности для Вас являются значимыми,
менее и совсем не значимыми?»**

Ценности	Значимые	Менее значимые	Совсем не значимые
Семья	90,8	6,4	2,8
Друзья, товарищи	71,0	26,2	2,8
Патриотизм	46,1	41,0	12,9
Гражданственность	32,9	55,5	11,6
Социальная	41,5	48,7	9,8
Солидарность	43,2	48,1	8,7
Образование	83,0	14,4	2,6
Здоровье	81,6	14,6	3,8
Любовь, верность	76,2	18,9	4,9
Духовность	53,6	37,0	9,5
Религия	20,9	44,1	35,0

Ряд социально значимых ценностей еще недостаточно осознан старшеклассниками. Между тем в Законе РФ «Об образовании» говорится, что одним из принципов государственной политики в области образования молодежи является воспитание гражданственности в духе уважения к правам и свободам человека, любви к Родине, семье.

К сожалению, события последнего времени в политике, экономике и культуре России подтверждают очевидность все более заметной утраты нашим обществом, и особенно молодежью, гражданских ценностей.

Между тем значение воспитания патриотизма и гражданственности подрастающего поколения возрастает многократно. Но, как известно, традиционное воспитание патриотизма начинается с уважения к «малой Родине». Оно должно воспитываться школой совместно с семьей.

Патриотизм — это чувство нравственное, и природа его, как и любого чувства, иррациональна. Прививая это чувство молодому поколению, ему дается возможность прикоснуться к самым памятным страницам истории Отечества, своего края, рода, семьи. Именно патриотизм — сокровенное чувство, находящееся глубоко в душе человека. О патриотизме судят не по словам, а по делам человека, поэтому его измерение требует комплексного подхода.

Таким образом, настоящим (идеальным) патриотом можно считать только человека, обладающего нравственным здоровьем, образованного и просвещенного, почитающего своих предков и воспитывающего в лучших традициях своих потомков.

Существенным оказалось влияние школы и особенно семьи на выбор профессии, хотя превалирует личное осознание своих способностей — 60,1%, побуждающее поступать в вуз (табл. 12).

Более 80% родителей удовлетворены отношениями между учениками в классе, уровнем отношений между педагогами и учениками, внедрением инновационных методов обучения, справедливой оценкой учеников и т. д.

Вполне определенные мнения высказывают родители о критериях оценки школы, в которой учатся их дети: качество результата образования, успеваемость, умения применять знания в реальной жизни, уровень знаний, позволяющих поступить в вуз.

**Кто больше всего повлиял на формирование
Вашего профессионального выбора
(отметить не более трех позиций)**

Вариант ответа	Количество ответивших	%
Семья	201	47,4
Школа	241	56,8
Друзья	121	28,5
СМИ, книги	52	12,3
Востребованность и популярность профессии	94	22,3
Личное осознание своих потребностей	255	60,1
Другое	8	1,9

Из основных социальных качеств, которые больше всего ценят дети, родители отметили духовно-нравственное развитие — 67,5% и дружелюбие — 19,4%. Однако такие качества, как развитие умственных способностей, коммуникативность, трудолюбие, профессионализм, оказались малоценными. Видимо, в фокус внимания в структуре семейных ценностей в большей мере попадают неформальные, нравственные качества.

Достаточно высокая оценка всех направлений воспитательной работы в школе, по всей вероятности, завышена родителями, поскольку она не совпадает с базовыми ценностями, отмеченными самими учениками. Например, это относится к патриотизму, который в качестве более значимого называют 46,1% старшеклассников, а 92,3% родителей оценивают уровень патриотического воспитания у них как высокий и средний. Завышение оценки воспитательного воздействия относится и к другим его направлениям.

Из всех качеств, которые считаются наиболее устоявшимися у детей, родители отмечают духовно-нравственные — 57,5%. Отсутствие негативных качеств, проявляющихся у учащихся, отмечают 38,1% родителей, а к качествам, наиболее беспокоящим их, они относят жестокость — 21,5% и безразличие — 19,9%.

Конкретизируя результаты обучения в школе, родители отмечают, что она способствовала: развитию способностей — 66,4%; социализации и адаптации — 59,1%; развитию умения общаться — 42,3; выбору профессии — 35,4; преодолению трудностей в жизни — 26,3%.

Таким образом, следует отметить, что образовательный процесс обусловлен воздействием со стороны школьной системы преподавательского состава, влиянием родителей, семьи и ценностными ориентациями, мотивационной составляющей самих старшеклассников.

Наряду с позитивными показателями компетентностной, образовательной и воспитательной подготовки старшеклассников Ленинградской области результаты исследования фиксируют тенденцию снижения позитивных жизненных ориентаций учащихся. Наблюдаются признаки утраты интереса к творческой образовательной подготовке, размыванию смысла патриотизма.

Стремление старшеклассников к получению высшего образования можно оценить позитивно. В нашем исследовании, как уже отмечалось, 91,1% старшеклассников желают поступать в вузы. Однако ценность образования связывается сегодня, прежде всего, с его статусной функцией и в гораздо меньшей степени с ценностью знания.

В данном исследовании основной целью обучения старшеклассники считают стремление быть образованными людьми, но вместе с тем, мотивация к обучению

имеет тенденцию к снижению. Высокий познавательный интерес выражен только у 44,3% учащихся.

Значителен процент старшеклассников (37,0%), которые лишь удовлетворительно осваивают базовые знания.

Имеет место завышенная оценка родителями основных направлений воспитания и снижение своей ответственности в формировании гражданских и патриотических ценностей.

Следовательно, наряду с позитивными оценочными характеристиками со стороны педагогов, родителей и самих старшеклассников существует много проблем, связанных с компетентностной подготовкой и повышением качества образования и воспитания.

Проведенное социологическое исследование на тему «Качество образовательного результата» в образовательных учреждениях общего среднего образования Ленинградской области позволило выявить основные тенденции, происходящие в образовательном и воспитательном процессе, а также отношение учащихся к обучению, уровень усвоения базовых компетенций и т. д.

Естественно, что полученные эмпирические данные не дают абсолютного и полного представления о происходящих образовательных процессах, но их анализ в режиме мониторинга позволяет определить основные образовательные тренды и оценить отношение старшеклассников к обучению и качественному уровню преподавания.

Измерить качество образовательного результата в математических показателях представляется достаточно сложным. Судить о нем только по результатам успеваемости, оценкам, конечно, необходимо, но при этом не будет учитываться вся социальная, социально-ценностная палитра, мотивационная составляющая и глубина получаемых знаний. Поэтому в нашем исследовании мы использовали когнитивный и аксиологический подходы, которые позволили выявить качественные аспекты обучения.

Основные полученные результаты исследования

Во-первых, выявлены позитивные результаты в сфере общего среднего образования. Общеобразовательная подготовка старшеклассников, по их самооценке, а также оценке преподавателей и родителей, в целом достаточно высокая, что отражено в представленных таблицах сопряженности.

Во-вторых, весьма однозначно выражено мнение преподавателей о стремлении старшеклассников овладеть знаниями (72,2%). У большинства учащихся определенно прослеживается целевая установка — учиться, чтобы быть образованным человеком, получить необходимые знания для подготовки к ЕГЭ. Осознанные цели на этапе обучения в школе закладывают хорошие основания для последующей активной жизнедеятельности. При этом, как отмечают родители, у старшеклассников выражен интерес к конкретным областям знаний (гуманитарным — 54,2; естественным — 26,9; математическим — 22,5%).

Можно также отметить, что на формирование профессиональных ориентаций старшеклассников, помимо родителей, оказала влияние школа.

Следующим аргументом, подтверждающим сложившуюся целевую установку на продолжение образования и получения знаний, является полная осмысленность выбора будущей профессии — 53,3% и частичная — 38,7%.

В-третьих, качественными показателями обучения в школе являются выраженные духовно-нравственные ценности старшеклассников, о которых можно судить по следующим оценкам родителей: по удовлетворенности отношениями между учениками в классе, приобретению базовых ценностей, присущих опрашиваемым старшеклассникам — честность, верность, духовность, уважение семейных ценностей.

Данные качества в современных условиях недостаточно широко распространены, поэтому их значимость в воспитательном процессе значительно возрастает.

В-четвертых, отмечая в целом сформированность социальных компетенций, следует обратить внимание на менее выраженную функциональную компетентность, что проявляется в недостаточной практической реализации некоторых социальных качеств.

Так, старшеклассники воспринимают зачастую функциональные компетенции на декларативном уровне. Это даже прослеживается в ответах на вопрос: «Какие практические навыки и умения, необходимые для повседневной жизни, Вы приобрели в школе?». Так, 42,3% не ответили вообще на данный вопрос, 4,8% считают, что нет таких навыков. Коммуникативные навыки приобрели 8,6%; хотя 91,1% нацелены на поступление в вузы, но только 2,5% считают себя целеустремленными. Общественная активность сводится к выполнению непонятных общественных поручений (61,2%), но вот участие в волонтерском движении, как наиболее конкретной форме благотворительной деятельности, оказалось на последнем месте.

Таким образом, в данном исследовании выявлены лишь некоторые аспекты качественных результатов образования. Для всестороннего анализа необходимы дальнейшие мониторинговые исследования с замерами на основе использования широких индикаторов и применения дополнительных методик.

Психологическая помощь в социальном и правовом аспектах

Воронцов Алексей Васильевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
И. о. декана факультета социальных наук, заведующий кафедрой социологии
Доктор философских наук, профессор
Заслуженный работник высшей школы РФ
vorontsov@herzen.spb.ru

Богачев Алексей Михайлович

Психолог-консультант, специалист в области психологии личности и социальных процессов (Санкт-Петербург)
amb1976@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изучению социальных и социально-психологических предпосылок, относящихся к сферам демографического развития, социализации детей и молодежи, психологической безопасности граждан и т. д., для совершенствования нормативно-правовой базы оказания психологической и социально-психологической помощи населению в России, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Изучены мнения экспертов и рассмотрена международная законодательная практика в данной сфере, а также соответствующий опыт г. Москвы и проект Федерального закона РФ № 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации». На основании проведенного исследования проблемы представлен анализ разработанного под руководством одного из авторов статьи проекта регионального закона «О государственной системе психологической помощи в Санкт-Петербурге». Представлена развернутая аргументация необходимости принятия данного закона в целях улучшения социально-психологического климата в Санкт-Петербурге в соответствии с концепцией опережающего законоотворчества, а также дано обоснование необходимости принятия в нашей стране федерального закона о психологической помощи с учетом опыта Республики Беларусь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социально-психологический климат, управление социальными процессами, социальная защита, стабильность, психологическая помощь, демографическая ситуация, социализация, социально-психологическая безопасность, закон о психологической помощи, система психологической помощи, стандарт психологической помощи, профессиональные требования к психологам, правовая база

Vorontsov A. V., Bogachev A. M.

Psychological Protection of Population in Social and Legal Aspects

Vorontsov Alexey Vasilyevich

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Acting Dean of Faculty of Social Sciences
Head of the Chair of Sociology
Doctor of Science (Philosophy), professor
Honored Worker of Higher Education of Russia
vorontsov@herzen.spb.ru

Bogachev Alexey Michaylovich

Psychologist, consultant, specialist in personality psychology and psychology of social processes (Saint-Petersburg, Russian Federation)
amb1976@mail.ru

ABSTRACT

The article deals with social and socio-psychological preconditions (which refer to the spheres of demographical development, socialization of children and young people, psychological safety of citizens and so on), for the perfection of normative and legal basis of psychological and socio-psychological assistance to the population of Russia on federal and regional levels. The opinions of experts, the

international legal practice in this sphere and also the corresponding experience of Moscow and the project of the Federal Law of the Russian Federation «About the psychological assistance to the population of the Russian Federation» are studied. On the basis of the analysis of this problem the analysis of the project of the regional law «About the state system of psychological assistance in Saint-Petersburg», worked out by one of the authors of this article, was presented. Detailed argumentation of the necessity to pass this law in order to improve socio-psychological climate in Saint-Petersburg in correspondence with the conception of the forestalling law creation is presented and also the grounding of the necessity to pass the Federal Law of the Russian Federation about the psychological assistance taking into account the experience of Belorussia is given.

KEYWORDS

socially-psychological climate, management of social processes, social protection, stability, psychological support, demographic situation, socialization, socially-psychological safety, law of psychological support, the system of psychological support, the standard of psychological support, professional requirements for psychologists, legal basis

В современном глобальном обществе, управление которым осуществляется прежде всего через сетевые образно-информационные потоки, психологическая помощь, поддержка и защита населения, а также регулирование такой помощи являются не просто чрезвычайно важными и актуальными государственными функциями, но и ключевыми задачами с точки зрения обеспечения национальной безопасности.

Эту проблему с различных позиций исследуют российские и зарубежные философы, психологи, социологи и представители других социальных наук [2; 6; 7; 9; 11]. Как пишет доцент кафедры психологии КГУКИ Р. Р. Гарифулин: «Есть такие виды безопасности, которые практически не входят в структуру национальной безопасности. Особое место среди них занимает выдвигаемая нами *российская психологическая безопасность*. <...> именно она на современном этапе развития нашего общества выступает в качестве стержня, обеспечивающего национальную и государственную безопасность государства» [5, с. 3].

В настоящей статье сделана попытка осмысления некоторых теоретических и практических аспектов данной проблемы с конкретными предложениями по совершенствованию федерального и регионального законодательства РФ в области психологической помощи населению и повышения психологической культуры.

В числе основных проблем, от которых, на наш взгляд, зависит решение данных задач, назовем следующие (рассматривая некоторые, критически важные для жизнедеятельности социального организма, области приложения социально-психологической помощи населению и контроля над такой помощью со стороны государства):

- улучшение демографической ситуации и помощь молодым семьям;
- созидательная социализация детей и молодежи;
- защита граждан от манипуляций сознанием, как со стороны индивидуально действующих мошенников и шарлатанов, выдающих себя за психологов, так и со стороны организованных структур, таких как корпорации или сети иностранных агентов, в том числе от «мягкой силы» иных цивилизаций и государств, а также актуализация в обществе созидательных ценностей, соответствующих основам отечественной цивилизации:

В современной России эти, да и многие другие задачи пока не решены.

Рассмотрим эти положения подробнее.

1. **Демографическая ситуация и помощь молодым семьям.** Несмотря на то, что, по данным Министерства труда и социальной защиты¹, в России в 2014 г. за-

¹ Минтруд: в 2014 г. Россия поставила рекорд рождаемости [Электронный ресурс] // Специальный проект Клопс. ru. URL: <http://klops.ru/news/obschestvo/103733-mintrud-v-2014-godu-rossiya-postavila-rekord-rozhdaemosti> (дата обращения: 05.02.2015).

фиксировано существенное повышение рождаемости и некоторый прирост населения (33 тыс. чел.), данная цифра во многом обусловлена миграционными процессами. Рост численности населения мог бы быть гораздо более высоким, если бы не ряд социально-экономических факторов, одним из которых является массовый отказ от деторождения. Поэтому, как справедливо отмечает Президент РФ В. В. Путин, «вопрос создания условий для роста рождаемости, охрана материнства и детства, укрепление института семьи — это приоритетные социальные задачи в России»¹.

Сейчас же, согласно данным академика РАН В. Жукова, в России совершается 3–4 млн абортс ежегодно, и более половины семей распадаются. Академик показывает, что депопуляция коренного населения России остается серьезнейшей угрозой нашему будущему². Ситуация с этой проблемой является крайне серьезной, что показано одним из соавторов в предыдущих работах [3; 4].

2. Ситуация с созидательной социализацией детей и молодежи. Россия находится на первом месте среди европейских стран по числу детских и подростковых самоубийств³. «Подростковые суициды в России становятся уже тревожной тенденцией. Профессор Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ А. Иванова отмечает, что если в развитых западных странах от депрессии страдают не более 5% подростков, то в России таких около 20%. Мысли о самоубийстве появляются у 45% российских девушек и у 27% юношей»⁴. Важно подчеркнуть, что такого рода цифры заставляют говорить не столько о *психотических*, сколько о специфически *психологических* причинах данного феномена.

Косвенным свидетельством достоверности приведенной выше информации являются следующие данные, относительно недавно приведенные журналистом И. Власовой в газете «Наша версия»: «Россия лидирует в Европе по количеству самоубийств среди детей и подростков. На днях эти ужасающие статистические данные привел Роспотребнадзор. У нас в стране порядка 19–20 случаев самоубийств на каждые 100 тыс. подростков, а это втрое больше среднего показателя юношеских суицидов в мире. Кроме того, в подростковом возрасте на каждый смертельный случай приходится еще до 200 суицидальных попыток. В последние годы количество детских и молодежных суицидов и попыток самоубийств в России не сократилось, а, напротив, увеличилось более чем на треть... специалисты прогнозируют, что к 2020 г. количество самоубийств, в том числе детских и подростковых, в России может возрасти в полтора раза. Таков неутешительный прогноз. Причем Роспотребнадзор предупредил, что официальная статистика регистрирует только явные случаи суицидов»⁵. Более того, в современной России особую значимость приобрела проблема деструктивной подростковой субкультуры как реакции на отсутствие системы созидательной социа-

¹ Владимир Путин: Главный приоритет государства — сохранение семьи [Электронный ресурс] // Официальный сайт движения Народный собор. URL : <http://www.narodsobor.ru/events/politics/19461-vladimir-putin-glavnyj-prioritet-gosudarstva--soxranenie-semi> (дата обращения: 05.02.2015).

² В России совершается 3–4 млн. абортс ежегодно, и более половины супругов разводятся [Электронный ресурс] // Интернет-портал Интерфакс. py: URL : <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=4129> (дата обращения: 05.02.2015).

³ Россия — лидер по количеству самоубийств среди детей и подростков [Электронный ресурс] // Портал ПравдаЖизни. ком: URL : <http://www.pravdazhizni.com/1238.html> (дата обращения: 05.02.2015).

⁴ Подростков убивает мегаполис [Электронный ресурс] // Газета.py: <http://www.gazeta.ru/social/2011/11/30/3852546.shtml> (дата обращения: 05.02.2015).

⁵ Власова И. Покойная юность [Электронный ресурс] // Наша Версия. <https://versia.ru/lisn-10-percentov-samoubijc-podrostkov-na-samom-dele-hotyat-pokonchit-s-soboj> (дата обращения: 05.02.2015).

лизации, дающей возможность подлинно позитивного общения и интериоризации жизнеутверждающей системы смыслов [1; 8].

3. Защита граждан от манипуляций сознанием и актуализация в обществе созидательных ценностей, соответствующих основам отечественной цивилизации. В современной России граждане практически не защищены от злокачественных манипуляций сознанием на «тонком» психологическом уровне. Такие манипуляции в полной мере задействуются во время «цветных революций», когда брат идет на брата.

Все это происходит в сетевом, многозначном режиме и осуществляется через различные НКО [2].

Выше мы уже отметили в качестве одной из важнейших проблем деятельность различного рода мошенников и шарлатанов, выдающих себя за психологов (данная проблема стала действительно массовой, однако, отметим, забегая вперед, что решить ее крайне сложно, так как психологическая деятельность в РФ не регулируется специальным федеральным законом).

Приведенные нами данные говорят о существовании серьезных угроз национальной безопасности России и требуют ряда неотложных управленческих мер со стороны государства.

При этом имеющиеся в открытом доступе данные говорят о высокой эффективности психологической помощи в контексте решения обозначенных выше проблем. Так, например, по данным центра «Семья», как минимум, 25% женщин отказываются от аборта при получении психологической помощи¹.

В Москве, где действует закон о психологической помощи, более 10 лет назад создана и эффективно работает городская служба психологической помощи населению, функционирует «Телефон неотложной психологической помощи», работают территориальные и участковые психологические службы, позволяющие обеспечить для граждан «шаговую доступность» своевременной профессиональной психологической помощи (включая профилактику и преодоление семейных кризисов). За 10 первых лет работы службы к психологам за помощью обратилось 380 тыс. москвичей. За январь-февраль 2011 г. специалистами службы в Центральном округе было проведено уже 382 консультации².

В Санкт-Петербурге (и в ряде других городов) ведут качественную деятельность психолого-медико-психологические центры (далее ППМС-центры), однако отсутствие внятной государственной стратегии их развития и, наоборот, существующая практика сокращений, «вымывания» из них главной — психологической — компоненты, низкие зарплаты и другие негативные факторы во многом снижают возможный КПД работы этих центров.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о необходимости формирования как на федеральном, так и на региональном уровнях четкой государственной системы психологической помощи населению и информационно-психологической защиты населения с фильтрами от мошенников и самозванцев, а также создания законодательной базы для работы этой системы.

Декан психологического факультета МГУ Ю. П. Зинченко отмечает: «В России, к сожалению, не существует нормативной базы, регулирующей психологическую практику. Есть закон о психиатрической помощи, который был принят еще в 1993 го-

¹ О психологической помощи населению в городе Москве: Закон г. Москвы № 43 от 7 октября 2009 г. [Электронный ресурс] // MosOpen: Электронная Москва. URL: http://mosopen.ru/document/43_zk_2009-10-07 (дата обращения: 05.02.2015).

² В ЦАО открылась Московская служба психологической помощи населению [Электронный ресурс] // Портал Управления Департамента молодежной и семейной политики города Москвы в Центральной административном округе. URL: <http://www.dsmpcao.ru/2155.html> (дата обращения: 05.02.2015).

ду. К сожалению, ни при одном созыве Госдумы психологи не смогли продвинуться дальше нулевого чтения закона о психологической помощи <...> В европейских странах, в Америке и в Канаде это регулируется достаточно четко. Там существует система общественного и государственного контроля за психологической практикой <...> Закон о психологической помощи необходим не столько самим психологам, сколько гражданам — для защиты от шарлатанов. <...> Пока нет такого закона, я могу на любом заборе повесить объявление — там и психоанализ, и "приворожу", и психотерапия, и все в одном флаконе. И, самое главное, меня никто за руку не может схватить — разве что за порчу забора <...> Пока не будет стандартных методик, закрепленных профессиональным сообществом, психология будет использоваться в качестве ширмы для решения каких-то моментов. Вопрос о том, в каких условиях какие выводы могут в суде рассматриваться, требует уточнения <...> И, самое главное, нужно определить, кто может себя называть психологом»¹.

Отдельно отметим серьезную необходимость введения законодательно закрепленной практики экспертного регулирования рекламной (или любой другой, направленной на массовое восприятие) продукции с точки зрения психологии. В этой связи крайне важным является законодательное регулирование рекламной и иной продукции, правовое обеспечение таких органов, как общественно-экспертные советы по вопросам культуры и рекламы.

При этом очевидно, что такой закон крайне необходим с точки зрения и обеспечения прав граждан на психологическую помощь и психологическую безопасность, и необходимости регулирования и стандартизации психологической помощи в России, и утверждения статуса психологов.

Подобного рода законы есть в ряде зарубежных стран, а также в Москве. Останемся на этом подробнее. В Беларуси действует полноценный закон об оказании психологической помощи². В нем четко определены:

- а) цели и основные понятия закона;
- б) требования к психологу;
- в) виды, принципы, формы, способы, порядок и условия психологической помощи;
- г) правила конфиденциальности психологической помощи;
- д) особенности государственного регулирования психологической помощи;
- е) права и обязанности психологов и получателей психологической помощи.

В США существует закон, согласно которому в государственном департаменте образования должна функционировать служба практической психологии [10].

Аналогичные правовые акты действуют и в ряде европейских стран.

Наконец, на региональном уровне в России пример опережающего законодательства дает Москва, где в 2010 г. был принят закон «О психологической помощи населению в г. Москве»³.

Итак, мы видим, что Россия может опереться на уже существующий зарубежный опыт правового определения закрепления основ психологической помощи населению, а также на опыт Москвы.

Однако на федеральном уровне в России на данный момент отсутствует целостный системный закон, регулирующий отношения в сфере оказания психологической

¹ Профессионалы против мошенников [Электронный ресурс] // Портал Исоконсалтинг. URL: <http://www.isoconsulting.ru/professionaly-protiv-moshennikov-psihologam-nuzhny-standarty.htm> (дата обращения: 05.02.2015).

² Об оказании психологической помощи: . Закон Республики Беларусь от 1 июля 2010 года № 153-З. [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: http://bel-kodeksy.com/ob_okazanii_psihologicheskoi_pomowi.htm (дата обращения: 05.02.2015).

³ 25 процентов женщин, обратившихся в центр «Семья», отказались от абортот. [Электронный ресурс] // Портал «Медиа73». URL: <http://media73.ru/2014/52787-25-procentov-zhenshshin-obrativshixya-v-centr-semya-otkazalis-ot-abortov> (дата обращения: 05.02.2015).

помощи населению (правовое регулирование указанных отношений проведено на уровне отраслевых федеральных законов и носит «фрагментарный» характер).

Так, в Федеральном законе «Об образовании в РФ»¹ прописано обязательное существование ППМС-центров, однако данный закон, «определив назначение и роль ППМС-центров, не создал правовой основы их деятельности в отношении статуса, места в системе образования, характера деятельности, реализуемых программ и услуг. Это привело к возникновению дополнительных препятствий, ограничений и рисков, существенно ухудшило их положение в сравнении с прежним — постепенно складывавшимся в отношении ППМС-центров за 20 лет их существования и эффективной деятельности, закрепленным в типовом положении. В соответствии с новым законом ППМС-центры перестают быть образовательными организациями, их деятельность и программы не признаются образовательными, их деятельность не может быть перелицензирована как образовательная, а специалисты не могут считаться педагогическими работниками — при том, что сфера деятельности ППМС-центров в системе образования определена законом достаточно четко. Такое противоречие создает крайне ненормальную диспропорцию в положении специалистов (педагогов-психологов, коррекционных педагогов, социальных педагогов) ППМС-центров и их коллег, работающих в образовательных организациях всех прочих типов»².

При изучении правовых особенностей психологической помощи в различных регионах России следует констатировать, что и в количественных (объем), и в качественных (понятийный аппарат) ее характеристиках единообразие практически отсутствует — более того, различные субъекты Федерации ставят перед психологами различные задачи. Особенно важно, что при декларируемом праве на психологическую помощь в реальности в большинстве регионов РФ ставки психологов сокращаются, отсутствует целостная система психологической помощи, которая в лучшем случае оказывается во «фрагментированном» режиме. Можно говорить и о повсеместном отсутствии кадровой защищенности специалистов-психологов, что приводит и к понижению общего профессионального уровня психологов, и к дефициту качественной бесплатной психологической помощи населению.

Поэтому крайне важным и актуальным являлся факт внесения в Государственную Думу РФ проекта Федерального закона № 553338-6 «О психологической помощи населению в Российской Федерации». К сожалению, решением Совета Государственной Думы данный проект закона был возвращен субъектам законодательной инициативы в связи с отсутствием заключения Правительства РФ³.

На наш взгляд, исходя из вышеизложенного, проект Федерального закона № 553338-6 целесообразно было принять в первом чтении и вместе с тем отметить, что он нуждается в существенной доработке во втором чтении (у данного проекта действительно был выявлен ряд недостатков), для осуществления которой целесообразно создать согласительную комиссию по подготовке поправок, в которую следует включить как представителей академического психологического сообщества, так и экспертов Правительства РФ. С нашей точки зрения, доработка проекта закона должна осуществляться на основе рассмотренного выше Закона Республики Беларусь. Неслучайно в Беларуси более

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ: URL: <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz3S1sUbWjV> (дата обращения: 05.02.2015).

² Положение ППМС-центров в новых условиях. [Электронный ресурс] // Сайт ООО «Право ребенка». URL: <http://right-child.ru/235-ppms.html> (дата обращения: 05.02.2015).

³ Портал автоматизированной системы обеспечения деятельности ГД РФ. [Электронный ресурс] // URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=553338](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=553338) (дата обращения: 05.02.2015).

стабильно, чем в России, растет рождаемость¹, и в целом республика характеризуется благоприятным социально-психологическим климатом.

Одновременно необходимо в рамках опережающего законотворчества по примеру Москвы разрабатывать и принимать региональные законы о психологической помощи населению.

В Петербурге такой закон разработан группой ученых на базе СПбГУ и РГПУ им. А. И. Герцена и дорабатывается экспертной группой под руководством авторов данной статьи.

Основной идеей этого законопроекта является установление системного правового регулирования порядка оказания психологической помощи населению в Санкт-Петербурге в рамках государственной системы психологической помощи.

Актуальность и своевременность разработки и принятия закона о психологической помощи именно в Петербурге (и вообще в больших городах) обусловлена: а) функционированием в Петербурге большого количества разрозненных различных психологических служб, которым остро необходима координация «сверху» и регламентация их деятельности; б) потребностью подверженного множеству стрессогенных факторов населения мегаполиса в целостной системе психологической помощи; в) потребностью специалистов-психологов в социальной защите и официальном статусе и г) большим числом и высокой активностью тех, кто оказывает «психологические услуги», не имея профессионального образования и маскируя таким образом занятия «магией», «колдовством» и пр.

Целями законопроекта являются обеспечение социальной защищенности и психологического благополучия населения Санкт-Петербурга и обеспечение доступа граждан к квалифицированной психологической помощи.

Предметом законопроекта является регулирование порядка в сфере оказания психологической помощи населению в Санкт-Петербурге.

Психологическую помощь, согласно предложенному нами определению, можно рассматривать как систему профессиональных мер поддержки и содействия человеку, семье со стороны лиц, оказывающих психологическую помощь, в разрешении трудных жизненных и кризисных ситуаций и их последствий, которые нарушают его нормальную жизнедеятельность и не могут быть преодолены им самостоятельно, способствующих поддержанию психического и соматического здоровья, оптимизации психического развития, социальной адаптации, саморазвитию, самореализации и повышению качества жизни.

Принятие данного законопроекта на региональном уровне обеспечит в Петербурге:

- создание и реализацию единой стратегии по оказанию доступной и высокопрофессиональной психологической помощи населению;
- законодательное закрепление государственных гарантий и основных прав граждан в сфере оказания психологической помощи, форм и видов психологической помощи, оснований и порядка ее оказания;
- последовательное повышение уровня психологического благополучия и здоровья населения;
- создание условий для повышения качества и уровня жизни семей с детьми, обеспечение профилактики семейного неблагополучия, принятие мер по защите прав детей;
- содействие в обеспечении социально-психологической стабильности общества путем оказания профессиональной квалифицированной психологической помощи;

¹ Официально: в Беларуси существенно повысилась рождаемость [Электронный ресурс] // MOGU. by. URL http://mogu.by/news/news/oficialno:_v_bielarusi_suschestvenno_povisilas_rozhdaemost.html (дата обращения: 05.02.2015).

- предотвращение негативных последствий чрезвычайных ситуаций различного происхождения посредством оказания эффективной психологической помощи в экстремальных ситуациях;
- формирование дифференцированной системы оказания психологической помощи и повышение результативности деятельности организаций и специалистов, оказывающих психологическую помощь;
- укрепление взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и психологов в решении психологических проблем населения;
- повышение качества психологических услуг;
- совершенствование контроля и государственного надзора за оказанием психологической помощи.

Резюмируя, можно утверждать, что закон Санкт-Петербурга «О психологической помощи населению» позволит:

- сформировать единый понятийный аппарат для законодательства Санкт-Петербурга в сфере психологической помощи;
- создать единый центр координации и стратегического планирования государственной психологической помощи населению в Санкт-Петербурге;
- определить статус психолога;
- определить единые требования к доступности и качеству оказания психологической помощи;
- отсечь от сферы психологической помощи различного рода шарлатанов;
- придать новый импульс развитию психологической помощи в Санкт-Петербурге.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод об актуальности и своевременности принятия единого, целостного, системообразующего, хорошо структурированного закона в рамках опережающего законодательства, а в случае его принятия он станет примером исполнения федерального законодательства.

Таким образом, закон, фактически не требуя денежных средств, позволит сделать долгосрочные инвестиции в развитие Санкт-Петербурга как интеллектуальной и культурной столицы России, идущей вперед по принципу опережающего развития.

Итак, следует констатировать, что управляемость социальными процессами в России в целом и в отдельных ее субъектах, в частности, а также созидательный (или, наоборот, деструктивный) характер этих процессов в существенной степени зависят от принятия полноценной базы законодательных актов (федерального и региональных), регламентирующих порядок психологической помощи населению нашей страны, причем на данном этапе особенно актуальными становятся механизмы опережающего законодательства субъектов РФ в данной сфере.

Конкретно в Петербурге принятие предложенного нами проекта закона о психологической помощи позволит, с нашей точки зрения, улучшить социально-психологический климат в мегаполисе.

Литература

1. *Богачев А. М.* Социально-психологическая безопасность российского общества: анализ «сообщений», исходящих из подростковой субкультуры // Глобальные вызовы современности и социальная стратегия российской системы образования : материалы международной научной конференции 17–18 декабря 2013 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 255–264.
2. *Богачев А. М., Лагутин М. М.* Мягкая сила, сетевые войны и национальная безопасность России. СПб. : Вектор, 2014. 198 с.
3. *Воронцов А. В.* Демографическая безопасность России // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. / Межрегион. С.-Петерб. и Ленингр. обл. обществ. орг. Вольного экон. общ-ва России. СПб., 2011. Вып. 15. С. 303–323.

4. Воронцов А. В. Некоторые теоретические аспекты демографии // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения : труды шестой Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 24–26 нояб. 2011 г. СПб., 2011. С. 11–17.
5. Гарифуллин Р. Р. Концепция российской психологической безопасности. Казань, 2001.
6. Дугин А. Г. Обществоведение для граждан новой России. М. : Новая Евразия, 2007. 493 с.
7. Левикова С. И. Молодежная субкультура учеб. пособие. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 608 с.
8. Панарин И. Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1997. 39 с.,
9. Психология XXI века : учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина. М. : ПЕР СЭ, 2003. 803 с.
10. Щедрина Е. В. Американская психологическая ассоциация // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 116–121.
11. Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politic.* N. Y. : PublicAffairs, 2004. 208 p.

References

1. Bogachev A. M. *Socially-psychological safety of Russian society: analysis of messages from adolescent subculture* [Sotsial'no-psikhologicheskaya bezopasnost' rossiiskogo obshchestva: analiz «soobshchenii», iskhodyashchikh iz podrostkovoi subkul'tury] // Proceedings of the International Scientific Conference "Global challenges of modernity and social strategy of the Russian system of education" [Global'nye vyzovy sovremennosti i sotsial'naya strategiya rossiiskoi sistemy obrazovaniya]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia [Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena], 2013. P. 255–264.
2. Bogachev A. M., Lagutin M. M. *Soft power, Network-centric wars and national safety of Russia* [Myagkaya sila, seteotsentrichnye voyny i natsional'naya bezopasnost' Rossii]. St. Petersburg : Vector, 2014. 198 p.
3. Vorontsov A. V. *Demographic safety of Russia* [Demograficheskaya bezopasnost' Rossii] // Modern economical and social development: problems and perspectives [Sovremennoe ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie: problemy i perspektivy]. Digest of Free interregional Economical Association, St. Petersburg, 2011. 15 ed. P. 303–323.
4. Vorontsov A. V. *Some theoretical aspects of demography* [Nekotorye teoreticheskie aspekty demografii] // Health as the base of human potential: problems and the ways of their solutions [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya]. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, 24–26 November 2011, St. Petersburg, 2011. P. 11–17.
5. Garifullin R. R. *The conception of Russian psychological safety* [Kontseptsiya Rossiiskoi psikhologicheskoi bezopasnosti] / Kazan, 2001.
6. Dugin A. G. *Social sciences foe citizens of New Russia* [Obshchestvovedenie dlya grazhdan novoi Rossii]. Moscow : New Evrasia [Novaya Evraziya], 2007. 493 p.
7. Levnikova S. I. *Youth subculture* [Molodezhnaya subkul'tura]: Guide Tutorial for higher school / Levnikova S. I., Moscow : FAIR-PRESS, 2004. 608 p.
8. Panarin I. N. *Informational and psychological procuring of the national safety of Russia* [Informatsionno-psikhologicheskoe obespechenie natsional'noi bezopasnosti Rossii] : Dissertation abstract. Moscow, 1997. 37 p.
9. *Psychology of XXI century* [Psikhologiya XXI veka] : textbook for higher school edited by Dryuginin V. N. 6 Moscow 2003. 803 p.
10. Shedrina E. V. *American psychological association* [Amerikanskaya psikhologicheskaya assotsiatsiya] // Questions of psychology [Voprosy psikhologii], 1993, № 2. P. 116–121.
11. Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politics.* N. Y. : PublicAffairs, 2004. 208 p.

Алесковский В. В., Павлова Т. А., Яновский В. В.

Концепция дистанционного обучения в вузе — проектная организация и управление

Алесковский Владимир Валентинович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры общего менеджмента и логистики
aleskovsky_vv@mail.ru

Павлова Татьяна Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры бизнес-информатики, математических и статистических методов
Кандидат физико-математических наук
pavlova@szags.ru

Яновский Валерий Витальевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель заведующего, профессор кафедры местного самоуправления
Доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор
ianovski@mail.ru

РЕФЕРАТ

Одним из необходимых условий становления и развития единого открытого образовательного пространства является совершенствование системы дистанционных образовательных технологий. В работе проанализированы базовые понятия и особенности дистанционного обучения как самостоятельной формы организации обучения, в которой информационные технологии являются ведущим средством, его позитивные и негативные стороны. Также рассмотрены основные подходы к электронному обучению, особенности российской практики применения различных форм дистанционного обучения, выделены минимальные требования к содержанию электронного курса дисциплины. Показано, что достоинства дистанционного обучения весомее его недостатков, а это делает такую форму обучения весьма перспективной для нашей страны с ее необъятными просторами и не всегда удобной и дешевой транспортной инфраструктурой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образовательный процесс, удаленное обучение, франчайзинг, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии

Aleskovskiy V. V., Pavlova T. A., Yanovskiy V. V.

Concept of Distance Learning In University — Project Organization and Management

Aleskovskiy Vladimir Valentinovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of General Management and Logistics
aleskovsky_wv@mail.ru

Pavlova Tatiana Anatolievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Business-Informatics, Mathematic and Statistic Methods
PhD in Physics and Mathematics
pavlova@szags.ru

Yanovskiy Valery Vitalyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Deputy Head, Professor of the Chair of Local Government

Doctor of Science (Economics), PhD in Physics and Mathematics, Professor
ianovski@mail.ru

ABSTRACT

One of the necessary conditions for formation and development of a unified open educational space is the improving the system of distance learning. This paper analyzes the basic concepts and features of distance learning as a form of self-organization of learning on IT basis, its different aspects. Also, the basic approaches to e-learning, especially in the Russian practice of distance education, the minimum requirements for the content of e-learning discipline are considered. It is shown that the benefits of distance learning outweighed his shortcomings, and therefore this form of learning are very useful for our country where transport infrastructure are not comfortable in generally.

KEYWORDS

educational process, distance learning, franchising, e-learning, distance learning technologies

Содержание и качество образования, его доступность, соответствие потребностям конкретной личности в решающей степени определяют состояние интеллектуального потенциала современного общества. В условиях усилившейся динамики изменений в окружающей среде, глобальной информатизации, постоянного развития и усложнения информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) возрастает значимость удаленного образования. Ориентация процесса обучения, его содержания, методов, средств и организационных форм на индивидуальные особенности и потребности учащихся становится более эффективной при активном использовании инновационных технологий (далее — ИТ) обучения, основанных на методически обоснованном использовании ИКТ: от аудиторных занятий с использованием электронных образовательных ресурсов до реализации индивидуализированного обучения с применением дистанционных образовательных технологий (далее — ДОТ). Вследствие этого интенсивное развитие сферы образования на основе ИКТ становится важнейшим национальным приоритетом. Одним из необходимых условий становления и развития единого открытого образовательного пространства является совершенствование системы электронного обучения, которое в условиях России является особенно актуальным, поскольку удаленность отдельных регионов от центра затрудняет своевременное следование основным тенденциям развития систем образования всех уровней.

Понятие и принципы ДОТ и электронного обучения

В настоящее время электронное обучение как синтетический, интегральный, гуманистический процесс обучения внедряется в системы при реализации образовательных программ во всех стран мира практически на всех уровнях образования [4; 5]. Например, «Национальный центр дистанционного обучения» во Франции оказывает образовательные услуги 35 000 пользователей в 120 странах мира. В подготовке 2500 учебных курсов принимают участие 5000 преподавателей [3]. Особое место занимают и активно развиваются корпоративные системы дистанционного обучения, предназначенные для подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала на промышленных предприятиях и фирмах.

В России элементы дистанционного обучения стали активно внедряться с начала 1991 г. Количество образовательных учреждений, ведущих образовательную деятельность с использованием этих технологий, на начало 1997 г. составило более 100, с различной степенью использования технологий дистанционного обучения: от экспериментального варианта до полноценного образовательного процесса.

Дистанционное обучение — это самостоятельная форма организации обучения, в которой информационные технологии являются ведущим средством. Согласно закону «Об образовании в Российской Федерации» под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку ИТ, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников¹. Таким образом, основными элементами электронного обучения являются:

- базы данных (вернее, информация, используемая при реализации образовательных программ);
- технологии, технические средства и ИКТ, обеспечивающие обработку информации, передачу ее по линиям связи и взаимодействие обучающихся и преподавателей.

При реализации образовательных программ в России используются различные образовательные технологии. Закон² также установил, что при реализации образовательных программ, независимо от форм получения образования, могут применяться электронное обучение, дистанционные образовательные технологии в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования. Узловыми моментами в определении удаленного обучения можно считать положение о независимости субъектов и объектов обучения относительно расстояния, времени и конкретного образовательного учреждения и сбалансированном использовании традиционных и новых ИТ.

Закон определяет и условия, которые должны быть созданы при реализации образовательных программ с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий в организации, осуществляющей образовательную деятельность³. Эти условия касаются функционирования электронной информационно-образовательной среды (включающей электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупности ИКТ, соответствующих технологических средств), обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения.

В экспериментальном порядке уже успешно апробирована структура удаленного обучения с применением ДОТ, базирующаяся на (методологии) принципах франчайзинга [1; 2]. В общем случае процесс (дистанционного) электронного обучения состоит из чередующихся интервалов контактного и неконтактного периодов обучения. Во всех случаях превалирует по времени последний, а контактный период может вообще отсутствовать.

Реализация в вузе образовательных программ с применением электронного обучения и ДОТ требует пересмотра системы организации учебного процесса, структуры учебной нагрузки, принципов оплаты труда преподавателей, стоимости опла-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.

² Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2012 г. № 11-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» в части применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/02/elektronnoe-obuchenie-dok.html>

³ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598.

ты образовательных услуг, планомерного повышения квалификации педагогических и других работников организации, а также развития электронной информационной образовательной среды. Организации вправе самостоятельно определять объем аудиторной нагрузки и соотношение объема занятий, проводимых путем виртуального и аудиторного взаимодействия преподавателей с обучающимся¹. Кроме того, допускается проведение только электронных занятий.

В соответствии с идеологией электронного обучения во всех образовательных учреждениях к слушателю-обучающемуся прикрепляется преподаватель-консультант по направлению или дисциплине. Преподаватель по дисциплине выступает в качестве автора учебного (электронного) курса по дисциплине и сопровождает процесс обучения. Он разрабатывает график обучения, проводит консультации (в том числе дистанционно), фиксирует итоги проведения текущего контроля. Начисляет баллы в процессе обучения, публикует ежемесячный рейтинг студентов, записанных на курс. Тьютор — соединяет в себе качества консультанта и менеджера, он консультант в период формирования учебного плана обучающегося на семестр (триместр), в выборе им дисциплин для изучения. Сформированная индивидуальная траектория обучения позволяет студенту выполнить учебный план по выбранному направлению (специальности) и обеспечивает условия для самореализации обучающегося. Общение обучающихся между собой, с преподавателем, тьютором проводится как очно, так и дистанционно с помощью современных технических ИТ, таких как электронная почта, форум, чат, социальные сети, Skype, мобильные приложения — в зависимости от технического обеспечения процесса дистанционного обучения и возможностей обучающегося. К особенностям электронного обучения можно отнести гибкость, модульность, параллельность, охват и многие другие. Основные принципы электронного обучения представлены на рисунке.

Теоретическое осмысление основ дистанционного обучения показывает, что для него присущи, так же как и для традиционного учебного процесса, пять дидактических методов обучения. Они охватывают всю совокупность педагогических актов взаимодействия преподавателей и обучающихся как при контактной работе в аудитории, так и при интерактивном взаимодействии при использовании средств ИТ. Это следующие акты взаимодействия:

- информационно-рецептивный;
- репродуктивный;
- проблемный;
- эвристический;
- исследовательский.

Дидактические средства дистанционного обучения, в которых сосредоточено педагогически обработанное содержание обучения, целесообразно классифицировать следующим образом:

- печатные издания (например, учебники, рекомендованные в качестве дополнительной информации);
- электронные образовательные ресурсы;
- электронные издания;
- компьютерные обучающие программы;
- аудио- и видеоматериалы;
- сетевые базы данных.

¹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 9 января 2014 г. № 3 г. Москва «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158376/

Основные принципы электронного обучения

При создании и производстве средств обучения для дистанционного обучения возможны следующие пути: непосредственная разработка силами вуза, заказ их изготовления в специализированных организациях, приобретение готовых с возможной последующей адаптацией или без нее.

В настоящее время для дистанционного обучения широко используются традиционные регламентированные формы обучения: интерактивные лекции и семинары, консультации (в том числе с использованием информационных и телекоммуникационных технологий), экзамены, самостоятельная работа и т. д. Специфика применения этих форм дистанционного обучения проявляется в частоте включения их в учебный процесс и преимущественном использовании средств новых ИТ. Образовательная организация самостоятельно устанавливает минимальный объем контактной работы обучающихся с преподавателем, максимальный объем занятий лекционного и семинарского типов при организации образовательного процесса, в том числе с применением электронного обучения и ДОО¹. Объемы конкретных видов занятий зависят от многих параметров — уровня оснащенности вуза технологическими средствами и современными ИКТ, количества разработанных или приобретенных электронных образовательных ресурсов, а также уровня подготовки педагогов и работников организации.

В российской практике дистанционного обучения наиболее часто используются информационно-рецептивный и репродуктивный методы обучения, а среди средств обучения — электронные образовательные ресурсы и аудио- и видеоматериалы. Электронный курс дисциплины должен содержать как минимум:

- метаданные установленного образца;
- рабочую программу дисциплины, поддерживаемой электронным курсом;

¹ «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры», утвержден Приказом Минобрнауки РФ от 19 декабря 2013 г. № 1367.

- материалы, анонсирующие электронный курс: «Содержание курса» и видеоматериал обращения автора курса к слушателям;
- электронный конспект лекций по дисциплине;
- практикум или практическое пособие по дисциплине;
- глоссарий;
- видеоматериалы содержания дисциплины;
- средства интерактивного контроля знаний обучаемых;
- материалы (темы, вопросы, задания) для проведения мероприятий с применением информационных средств общения студентов с преподавателем и друг с другом в процессе обучения (форумы, чаты, вебинары и т. п.);
- информационные ресурсы, включая список литературы, ссылки на открытые отечественные и зарубежные электронные образовательные ресурсы;
- электронные копии печатных учебников, учебных пособий;
- рекомендации по самостоятельному изучению дисциплины.

В целом, обучение по таким электронным пособиям должно обеспечивать студентам минимум обращения к дополнительной литературе [1; 2].

К основным достоинствам дистанционного обучения относят следующие¹.

I. Соотношение цены и качества.

Как правило, дистанционное обучение гораздо дешевле обычного — студент не тратит деньги на поездки до института, канцтовары, учебники, проживание (если обучение проходит в другом городе), снижаются расходы на организацию курсов дистанционного обучения (не надо платить за аренду помещения) и т. д.

II. Индивидуализация.

Студент может возвращаться к темам, которые были ему непонятны, можно пропустить те разделы, которыми слушатель хорошо владеет. Студент не зазубривает материал перед сессией, а изучает его в процессе обучения — отсюда большой процент остаточных знаний. Слушатель становится самостоятельным, мобильным, ответственным, повышаются навыки самообразования. При сдаче экзамена нет субъективной оценки, нет психологической нервозности. Есть прекрасная возможность индивидуальной адаптации как слушателя, так и преподавателя. Всегда можно организовать различные профессиональные сообщества, и общаться не только со слушателями, но и с преподавателями — отсюда снижение страха перед ними.

III. Технологичность.

Возможность использования современных программ и технических средств. В результате вся визуальная информация становится яркой, запоминающейся, студенту интересно принимать активное участие в учебном процессе. Дистанционное обучение может быть очень интересно благодаря мультимедийным технологиям, общение с преподавателем может идти как через видеотрансляцию, так и через двустороннее интерактивное видео.

Развитие сетей скоростного доступа в интернет, использование мультимедиа технологий делает курсы дистанционного обучения полноценными. Например, образовательные учреждения США предлагают дистанционные курсы на следующей технической базе:

- двустороннее интерактивное видео (two way interactive video) — 57%;
- видеокассеты (one way prerecorded video) — 52%;
- интернет — 36%;
- одностороннее видео, двустороннее аудио (one way video, two way audio) — 24%;

¹ Преимущества удаленного обучения [Электронный ресурс]. URL: <http://lechebnaya-glina.ru/news/27/preimuschestva-udalennogo-obucheniya--52831>; Достоинства и недостатки дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: http://www.obrazovanie-ufa.ru/Vuz/Dostoinstva_i_nedostatki_distantsionnogo_obucheniya.htm?print

- двустороннее взаимодействие (two way online interactions) — 14%;
- аудиоконференции (two way audio) — 11%;
- аудиокассеты (one way audio) — 10%;
- видеотрансляция (one way live video) — 9%;
- аудиографика (audio-graphic) — 3%.

IV. Гибкость обучения, широкий доступ к хорошему образованию.

Можно выбирать те курсы, которые интересны студенту. Можно учиться на нескольких курсах, можно получать образование в лучших университетах мира. Речь идет об обучении в форме самообразования — оно осуществляется с правом последующего прохождения промежуточной и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (экстернат). Можно выбрать индивидуальный график занятий и совмещать учебу с работой.

V. Удаленный доступ.

Можно учиться в любом уголке земного шара и при этом не покидать свой дом или офис. Это прекрасная возможность не жертвовать работой во имя учебы или наоборот, так как совмещать два этих вида деятельности очень просто. К сожалению, в настоящее время законодательством в сфере образования РФ не предусмотрена возможность зачета изученных курсов при обучении по программам высшего образования. Изучив курс или несколько, обучающийся может быть зачислен в образовательную организацию для прохождения промежуточной аттестации экстерном. Если он спланировал свою образовательную траекторию в рамках некоторого направления или специальности, то, пройдя промежуточную аттестацию по всем дисциплинам и практикам, он может пройти экстерном (в аккредитованном вузе) и государственную итоговую аттестацию для получения искомой квалификации и получения диплома. В этом случае тем более необходим тьютор, который поможет сформировать индивидуальную траекторию обучения для возможности самостоятельного изучения программы бакалавриата и/или специалитета, магистратуры, которые регламентированы действующим ФГОС.

Среди основных недостатков дистанционного обучения выделим следующие:

- отсутствие прямого очного общения между обучающимися и преподавателем. Ведь когда рядом нет человека, который мог бы эмоционально окрасить знания — это значительный минус для процесса обучения. Сложно создать творческую атмосферу в группе виртуальных обучающихся;
- необходимость в персональном компьютере и точке доступа в Web. Это объясняется потребностью в постоянном доступе к источникам информации. Нужна хорошая техническая оснащенность, но не все желающие учиться имеют компьютер и выход в интернет, нужна техническая готовность к использованию средств дистанционного обучения.
- высокие требования к задачам обучения, администрирования процесса и мотивации слушателей;
- одна из ключевых проблем — проблема аутентификации пользователя при проверке знаний. Поскольку до сих пор не предложено оптимальных технологических решений, большинство дистанционных программ по-прежнему предполагает очную экзаменационную сессию: невозможно сказать, кто на другом конце провода. В ряде случаев это является проблемой и требует специальных мер, приемов и навыков у преподавателей — тьюторов. Отчасти эта проблема решается установкой видеокamer на стороне обучающего и соответствующего программного обеспечения;
- необходимость наличия целого ряда индивидуально-психологических условий. Для дистанционного обучения необходима жесткая самодисциплина, а его результат напрямую зависит от самостоятельности и сознательности учащегося;

- как правило, обучающиеся ощущают недостаток практических занятий. Отсутствует постоянный контроль, который для российского менталитета является мощным побудительным стимулом;
- высокая стоимость построения системы дистанционного обучения на начальном этапе создания системы: велики расходы на создание системы дистанционного обучения, самих курсов и покупку технического обеспечения;
- высокая трудоемкость разработки курсов дистанционного обучения. Создание 1 ч интерактивного мультимедийного взаимодействия требует около 1000 ч работы профессионалов. Один из путей решения этой проблемы — поиск и использование существующих видео- и аудиофайлов, методов постепенного усложнения дистанционных курсов. Например, Google предлагает сервис поиска видео и закачивания видеофрагментов¹.

Однако, в конечном счете, перечисленные достоинства перекрывают указанные недостатки организации образовательного процесса с применением электронного обучения и ДОТ, который является наиболее перспективным во всем мире.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Андреев А. А. Введение в дистанционное обучение : учебно-метод. пособие. М. : ВУ, 1997. 85 с.
2. Андреев А. А. Дидактические основы дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: www.twirpx.com/file/31473/ (дата обращения: 24.07.14).
3. Митин В. С., Мануйлов В. Ф. Инженерное образование на пороге XXI века. М. : ИД Русанова, 1996.
4. Педагогика : учебник / Л. П. Крившенко, М. Е. Вайндорф-Сысоева [и др.] ; под ред. Л. П. Крившенко. М. : ТК Велби ; Проспект, 2004.
5. Снегурова В. И. Методическая система дистанционного обучения математике учащихся общеобразовательных школ : автореф. дис. ... д-ра педаг. наук. СПб., 2010.

References

1. Andreev A. A. *Introduction to distance learning* [Vvedenie v distantsionnoe obuchenie] : Tutorial. M., 1997, 85 p.
2. Andreev A. A. *Didactic bases of distance learning* [Didakticheskie osnovy distantsionnogo obucheniya] [An electronic resource]. URL: www.twirpx.com/file/31473/ (date of the address 24.07.14).
3. Mitin V. S., Manuylov V. F. *Engineering education on a threshold of the XXI century* [Inzhenernoe obrazovanie na poroge XXI veka]. M. : Rusanov Publishing house [Izd. dom Rusanova], 1996.
4. *Pedagogics* [Pedagogika] : Textbook / L. P. Krivshenko, M. E. Vayndorf-Sysoyeva [etc.] ; ed. L. P. Krivshenko. M. : Velbi ; Prospectus [TK Velbi, Prospekt], 2004.
5. Snegurova V. I. *Methodical system of distance learning to mathematics of pupils of comprehensive schools* [Metodicheskaya sistema distantsionnogo obucheniya matematike uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol] : Doctoral Dissertation Abstract. SPb., 2010.

¹ Достоинства и недостатки дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: http://www.obrazovanie-ufa.ru/Vuz/Dostoinstva_i_nedostatki_distantsionnogo_obucheniya.htm?print

«Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум)

Акопов Сергей Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
Доцент департамента прикладной политологии
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

РЕФЕРАТ

Задачей данной статьи является обзор и анализ критики мирового гражданства через призму политической философии коммунитаризма, неомарксистского мир-системного анализа, либерального национализма и традиционализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

космополитизм, мировое гражданство, критика, патриотизм

Akopov S. V.

“World Nationality” by Eyes of it’s Critics (Five Arguments against “Saturated” Cosmopolitanism of M. Nussbaum)

Akopov Sergey Vladimirovich

National Research University “Higher School of Economics” (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Department of Applied Political Science
PhD in Political Sciences, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

ABSTRACT

The objective of this article is the review and critique of the analysis of global citizenship through the lens of political philosophy of communitarianism, neo-Marxist world-system analysis, liberal nationalism and traditionalism.

KEYWORDS

cosmopolitanism, world citizenship, criticism, patriotism

Задачей данной статьи является обзор и анализ критики мирового гражданства в версии философа Марты Нуссбаум через призму политической философии коммунитаризма, неомарксистского мир-системного анализа, либерального национализма и традиционализма. Следует отметить, что философ Д. Хелд выделяет так называемый «насыщенный» и «разряженный» (thin & thick) космополитизм [10, p. 78]. Два этих вида космополитизма характеризуют разное соотношение индивида с политическими *пространствами глобального и локального*. «Насыщенный» космополитизм явно тяготеет к первому, а «разряженный» — к последнему. К теоретикам «насыщенного» космополитизма Хелд, в частности, относит профессора чикагского университета Марту Нуссбаум. Так, М. Нуссбаум считает, что только космополитическая, а не национальная, идентификация способна преодолеть преграды между людьми и позволять им быть доброжелательными ко всем без исключения [3, с. 114]. С ее точки зрения, каждый из нас на самом деле живет в двух сообществах: в местном, где мы родились, и в сообществе человеческих суждений и стремлений, которое «является по-настоящему великим и общим, где мы не мыкаемся из угла в угол, а отмеряем границы нашего народа»

солнцем»¹ [3, с. 114]. С точки зрения «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум, именно глобальное политическое пространство должно представлять собой источник наших моральных обязательств: «Место рождения всегда случайно, — пишет она. — Любой человек может родиться в любой нации... нам не следует позволять национальным, классовым, этическим или гендерным различиям становиться препятствиями между нами и другими людьми» [3, с. 115].

Взгляды М. Нуссбаум послужили поводом для интересных критических аргументов со стороны ее коллег, которые в данной статье мы объединили в пять разделов. Во-первых, космополитическую версию идентификации М. Нуссбаум критикуют с позиции традиционализма за излишнюю веру в «универсальный разум». Например, экс-президент Американской философской ассоциации Х. Патнэм отказывается принимать вольтеровскую концепцию Просвещения [4, с. 124]. Согласно Патнэму, добродетельная жизнь не возникает из рациональных озарений. Для развития, например, разных форм живописи, музыки или литературы требуются столетия экспериментов и инноваций. Поэтому Х. Патнэм считает абсурдным утверждение, что для оценки хорошей музыки не нужно знакомство с предшествующей музыкальной традицией, но достаточно лишь универсального разума. В итоге представление об универсальном разуме как о чем-то независимом от традиций делает для Х. Патнэма концепцию космополитизма М. Нуссбаум малопривлекательной. Патнэм признает, что как и большинство своих современников, унаследовал или приобрел больше одной «идентичности». «Однако не было ни одного случая, — признается мыслитель, — чтобы я сказал, что я — „гражданин мира“» [4, с. 123].

«То, что кто-то является таким же человеком, „бредущим одной со мною дорогой к могиле“, имеет моральный вес для меня, — подчеркивает Патнэм, — а „гражданин мира“ — нет» [4, с. 124]. На взгляд Патнэма, обращение к представлению о том, что мы созданы по образу и подобию Господа, или к сочувствию всем остальным людям также является обращением к потенциалу, который поистине универсален и глубоко укоренен в традициях. Поэтому вместо отвлеченных размышлений об «универсальном разуме» в тиши философского кабинета Х. Патнэм предлагает критическое воспитание на опыте. «Я не релятивист. — признается Патнэм. — Как и Марта Нуссбаум, я считаю рассуждения о моральных проблемах вполне обоснованным занятием... Безусловно, члены различных традиций могут вести обсуждение и спорить между собой. Но, как подчеркивал Дьюи, в таком обсуждении нам приходится пересматривать наше понимание самого разума. Поскольку разум требует такого постоянного пересмотра, он не может служить нейтральным источником ценностей для „граждан мира“ [Там же]. Таким образом, Патнэм полагает, что мы должны жить с нашим особым наследием и судить внутри этого наследия, но оставляя его открытым для рассмотрения и критики извне. Поэтому, по мнению Х. Патнэма, патриотизм в своих лучших проявлениях — верность лучшему в унаследованных, в том числе и национальных и этнических, традициях — незаменим [Там же].

Соответственно, во-вторых, космополитический вариант идентификации критикуют за принижение феномена патриотизма. М. Уолцер обвиняет М. Нуссбаум в самонадеянности, что та «слишком быстро распознала» шовинистический потенциал и «очевидную опасность» патриотизма в версии философа Р. Рорти. «Не следует ли ее читателям, — критикует Нуссбаум М. Уолцер, — выразить обеспокоенность тем, что она не предлагает ничего для того, чтобы справиться с очевидными опасностями космополитизма? Преступления в XX веке совершались как извращенными патриотами, так и извращенными космополитами. И если фашизм представляет первое из этих извращений, то коммунизм, в его ленинистской и ма-

¹ Цит.: Сенека «О досуге».

оистской версиях, представляет второе» [6, с. 129]. Уолцер обращает внимание, что репрессивный коммунизм мог быть порожден именно универсализацией эпохи Просвещения. Ведь такой коммунизм, как и космополитизм Нуссбаум, тоже учил антинационалистической этике, правда, в плане объединения всех пролетариев под эгидой Интернационала. Соответственно, спор необходимо вести, на взгляд Уолцера, в иных терминах: «Разве я не могу быть космополитичным американцем (наряду со всеми остальными моими идентичностями)?» [Там же.]. Уолцер признается, что у него есть привязанности, которые не ограничиваются гражданами США, например к другим социал-демократам во всем мире или к людям, находящимся в сложном положении в других странах. Однако такие привязанности по своей природе не являются гражданскими.

«Складывается впечатление, — пишет уже Ч. Тэйлор. — что Нуссбаум предлагает космополитическую идентичность в качестве альтернативы патриотизму. Если это так, то она ошибается, потому что в современном мире нельзя обойтись без патриотизма» [5, с. 130]. Канадский философ предлагает аргументы с позиций *солидаризма*. Свободные и демократические общества требуют сильной идентификации со стороны своих граждан и нуждаются в чувстве привязанности. Без патриотизма, полагает Тэйлор, современные «либеральные» общества, в которых придается особое значение негативной свободе и правам личности, может распасться на части. Значит, гражданская демократия может работать только в том случае, если большинство ее членов убеждено в том, что их политическое общество — «это важное общее дело»: «Гражданская демократия особенно уязвима к отчуждению, которое является результатом глубокого неравенства, и ощущению заброшенности и безразличия, которое легко возникает у забытых меньшинств» [Там же]. Борьба с отчуждением требует политики перераспределения, которая может проводиться только на основе чувства глубокой взаимной гражданской привязанности. Например, широкое неприятие даже самых умеренных предложений относительно реформы здравоохранения в США свидетельствует, по мнению Тэйлора, о том, что современные американцы «не страдают от слишком сильной взаимной привязанности» [Там же]. «Итак, я хочу сказать, что у нас нет иного выбора, кроме как быть одновременно космополитами и патриотами. Это означает необходимость борьбы за патриотизм, открытый для универсальных солидарностей, против другого, более закрытого», — делает вывод лауреат Киотской премии [5, с. 129].

Также за размывание гражданского патриотизма критикует космополитизм оксфордский профессор Д. Миллер. Он поддерживает указанное выше разделение космополитизма на политический и моральный. Однако он считает «надуманной» идею, что некое мировое правительство будет заниматься общим законодательством, невзирая на все разнообразие и культурную самобытность отдельных сообществ. Ведь именно в рамках последних, подчеркивает Миллер, только и смогут уникальным образом раскрыться различные формы человеческого совершенствования. Даже на примере мультикультурных государств видно, насколько трудно создать условия для того, чтобы разные коммуны чувствовали себя одинаково дома и одинаково хорошо представленными в общей публичной сфере. Это с трудом сейчас удастся и Европейскому Союзу. Более того, как отмечает Миллер, непонятными остаются механизмы демократического контроля над подобным мировым правительством.

Национальные государства, практикующие, по выражению Д. Миллера, демократию в «разжиженном» виде, все же используют для этого периодически проводимые выборы, устанавливая обратную связь между правительством и изменениями общественного мнения. Но даже такой уровень демократии подразумевает наличие активной публичной сферы, говорящей на одном, максимум двух, языках,

с единой системой СМИ, формирующей партии и т. д. Отсутствие всего этого на уровне ЕС не позволяет говорить о нем как о демократическом союзе, но, скорее, как о федерации или конфедерации отдельных составляющих его демократических государств. Подобные проблемы многочисленно увеличатся, если мы будем пытаться строить нечто подобное в масштабах всего мира [15, р. 378–379].

В своей критике Д. Миллер выделил два типа обязанностей, нацеленных на восстановление и сохранение справедливости в отношении других людей: моральный долг, связанный с необходимостью «активного» вмешательства в ситуацию и «пассивный» долг по принципу «не нарушай» (positive and negative duties). Перемешиваясь и дифференцируясь, по мнению Миллера, они формируют настолько сложные коллизии, что в них не может быть расставлено однозначных приоритетов. Поэтому Миллер предпочитает говорить не о космополитических обязательствах, а о «внушающей доверие двухуровневой этике». Последняя, на его взгляд, оставляет достаточно места и для обязательств глобального плана и для особой ответственности перед соотечественниками [15, р. 389]. Миллер приводит метафору с «пропавшим ребенком»: родители или близкие ребенка имеют больше моральных обязательств искать его, чем «посторонние» (хотя последние также обязаны сообщить в полицию известную им информацию о «пропавшем ребенке») [15, р. 381].

В работе «Гражданство и национальная идентичность»¹ Д. Миллер защищает гражданскую форму патриотизма с позиций национального государства, которое он рассматривает в качестве важного фактора для обеспечения социальной поддержки населения на определенной территории (например, Британская национальная служба здравоохранения). Государство также ответственно за воспроизводство социальной солидарности. Британский мыслитель утверждает (по сути, гегелевскую мысль), что нации — это моральные сообщества, а «моральные обязательства в отношении наших соотечественников отличаются и являются более обширными, чем обязанности ко всем людям как таковым» [14, р. 27].

В третьих, можно выделить критику замены национального на мировое или (как его называет У. Кимлика) «транснациональное» гражданство [11, р. 435]. В целом, соглашаясь со взглядами Д. Хелда, канадский философ серьезно расходится с ним в акцентах². Речь идет о том, что у Кимлики больше оптимизма в отношении традиционной национальной модели гражданства и гораздо меньше, чем у Хелда, оснований для оптимизма в области перспектив гражданства мирового [ibid]. Кимлика рассуждает о том, что транснациональный активизм отдельных индивидов и НКО, с одной стороны, и концепция демократического гражданства, с другой — это *вовсе не одно и то же*. Более того, по его мнению, искренняя попытка создать демократическое гражданство на транснациональном уровне может повлечь негативные последствия для гражданства на уровне национальном. Кимлика приводит пример из политики ЕС: нужно ли усиливать политический вес напрямую избираемого Европарламента за счет понижения значимости такого межгосударственного по своему характеру института, как Европейский Совет. Это приведет к потере у национальных государств права вето по принципиальным вопросам стратегии развития Евросоюза. В результате политика ЕС престанет быть подотчетной не только национальным институтам, но и фактически отдельным гражданам. Отстаивая политические права последних, классик канадского мультикультурализма задается вопросом: что будет делать в данной си-

¹ Позиция Д. Миллера в свою очередь вызвала критицизм в космополитическом лагере [см. 9].

² «Многие из наших самых важных моральных принципов должны быть космополитически-ми по масштабу — например, принципы прав человека, демократии, защиты окружающей среды — мы должны стремиться распространять эти идеи в международном масштабе. Однако наше демократическое гражданство есть и останется в обозримом будущем, по своему масштабу, — на взгляд Кимлики, — национальным» [11, р. 443].

туации, например, конкретный гражданин Дании, который раньше мог обсудить это со своими согражданами и оспорить решение Европарламента с помощью правительства Дании через Европейской Совет? Теперь же ему придется обсуждать это, например, с гражданином Италии. Однако где и о чем они смогут договориться, — задумывается У. Кимлика, — если у них не только не будет общего языка и территории проживания, но еще они читают разные журналы, смотрят разное телевидение и избирают разные политические партии. Принимая во внимание эти препятствия, неудивительно, — утверждает Кимлика, — что ни датчане, ни итальянцы не выказывают особого энтузиазма в отношении подобной «демократизации» ЕС, предпочитая контролировать политику через национальные парламенты [11, р. 442–443].

Таким образом, У. Кимлика делает важный вывод: оказывается, что развитие демократичности ЕС на институциональном уровне (в случае с Европарламентом, напрямую избираемым гражданами) далеко не всегда ведет к повышению демократичности на уровне института гражданства. Наоборот, это смещает власть принятия решений с уровня наций-государств (где собственно только и возможно на данный момент проводить дебаты и демократическую экспертизу законопроектов) в сторону транснациональных институтов (где демократическая делиберация на данный момент затруднена) [ibid]. Поэтому, прежде чем принимать подобные решения, необходимо было бы создать общеевропейские площадки политической делиберации, которых, как полагает Кимлика, в ближайшее время в достаточном количестве не предвидится¹. Глобализация, безусловно, производит новый тип гражданского общества, но она еще не произвела ничего, что У. Кимлика признал бы в качестве транснационального демократического гражданства, к которому следует стремиться.

В четвертых, космополитизм часто критикуют за то, что он в большей степени оказывается направленным на преодоление культурных особенностей и локальной специфики, чем на их сохранение. Например, согласно Р. Тарасу, сегодняшние космополиты в Европе представляются группой привилегированных людей с солидным материальным статусом: деньги, положение, известность, политкорректный паспорт. Ссылаясь на Э. Балибара и У. Хедетофта, ученый полагает, что именно эти факторы позволяют формировать космополитические ценности у лидеров национальных диаспор, граждан процветающих европейских держав, а также высокопоставленных европейских политиков. Именно Западная Европа, по мнению Тараса, является «теплицей», в которой сегодня выращивают космополитизм [16, р. 72–73]. С неомарксистских позиций космополитов критикует К. Калхун в работе «Классовое сознание частых путешественников. К критике реально существующего космополитизма». Он высказывает, в частности, мнение, что космополитизм обычно являлся имперским проектом и его «островками» остаются такие имперские торговые города, как Лондон, Париж или Москва. Такой космополитизм шел рука об руку с неолиберализмом и на практике выражал мировоззрение экономической элиты. Поэтому «космополитическая мысль, — отмечает К. Калхун, — испытывает проблемы с культурной партикулярностью, локальными предпочтениями и даже эмоциональными привязанностями» [8, р. 872–873].

Еще более жесткая критика космополитизма за нивелирование существующих национальных идентификаций изложена С. Хантингтоном. В отношении так называ-

¹ Представляется, что либеральная критика «мирового гражданства» У. Кимлики напоминает критику коммунитаризма в его более ранних работах. В частности, его критика общего космополитического блага во многом совпадает с его аргументами в защиту индивидуализма от холистических конструкций Ч. Тэйлора, М. Сандела и М. Вальцера. У последнего Кимлика, на примере поликультурной Канады, критиковал его готовность принести права культурных меньшинств (например, французских канадцев или индейцев) в жертву интересам и культуры доминантного большинства [См.: 13, р. 75–76; р. 226–227].

емых «транснациональных идентичностей» американский мыслитель с сокрушением констатирует стремление американской элиты все больше дистанцироваться от идентичности национальной. Вступая в открытую полемику с М. Нуссбаум, Хантингтон пишет: «Интеллектуалы, выдающиеся ученые нападают на „национальную гордость“, называют ее „морально опасной“, призывают „искоренить зло национальной идентичности“ и утверждают, что американским студентам „отвратительно сознавать свою принадлежность к гражданам США“» [7, с. 29]. Подобные заявления, по мнению Хантингтона, лишний раз доказывают, какой степени достигла «денационализация» среди американской элиты, среди бизнесменов, финансистов, интеллектуалов, «синих воротничков» и даже государственных чиновников. «Широкая публика, впрочем, — отмечает Хантингтон, — не разделяет этой идеологии, а потому пропасть между американским народом и его транснациональной элитой, контролирующей силу, богатство и знание, становится все шире» [Там же].

Хантингтон приравнивает подобных людей к «мертвым душам». Конечно, речь идет не о персонажах Н. В. Гоголя. Хантингтон пишет о «мертвых душах» среди американской деловой, политической и академической элиты, число которых еще невелико, но постоянно увеличивается. Постепенно они утрачивают связь с американским обществом. «Возвращаясь в Америку „с чужбины“, они уже не демонстрируют искренней и глубокой привязанности к „родной земле“. Их отношение резко контрастирует с патриотической и националистической самоидентификацией большинства американских граждан, причем не только „евроамериканцев“» [7, с. 415–416]. В последней цитате можно отметить, что американский патриотизм С. Хантингтон ставит в один ряд с американским национализмом.

Другой критик Нуссбаум — И. Валлерстайн — вынес свою главную мысль прямо в название своей работы «Ни патриотизм, ни космополитизм». Критикуя с неомарксистских позиций взгляды Нуссбаум, Валлерстайн сперва отдает дань ее универсалистскому подходу, отмечая, что сегодня Америка уже не так сильна, как прежде, и что внутри США выступления угнетенных групп стали чаще носить «этнический» характер и значительно реже, чем раньше обращаться к универсальным ценностям. Поэтому не случайно, что в ответ на рост этноцентрических притязаний угнетенных групп защитники привилегий обращаются к «объединительному» патриотизму [2, с. 127].

В пятых, общим местом в критике космополитического дискурса стало подозрение, что идея «мирового гражданства» может становиться ширмой для империализма. Например, Д. Миллер высказывает подозрение, что начиная с Древнего Рима, космополитизм был связан с разными формами империализма [15, р. 377]. По мнению У. Кимлика, космополитизм может легко сочетаться с либеральным национализмом. Например, борьба за самоуправление многих современных националистов в Каталонии, Квебеке, Фландрии идет рука об руку с либеральным реформаторством и уходом от изоляционизма через распространение космополитических ценностей мультикультурализма. И наоборот: казалось бы, космополитические взгляды небольшой группы интеллектуалов, будь то основатели Римской империи или французские мыслители эпохи Просвещения, на самом деле глубоко укоренены в аристократической культуре своего времени и не лишены имперских сантиментов. Неслучайно, подмечает У. Кимлика, Ж. А. Н. Кондорсе, продвигая идею необходимости общемирового языка, предлагал именно свой — французский язык [12, р. 203–204].

Также как и У. Кимлика (только уже с позиций мир-системного анализа), надуманность оппозиции космополитизм — национализм вскрывает И. Валлерстайн. Американский ученый, с одной стороны, скептически относится к возможности отыскать наш путь, взыскуя очищенной всемирной культуры, с другой, метафорически сравнивает приверженности национальной, или этнической, или иной пар-

тикуляристской культуре с попыткой опираться на «костыль». «Костыли — вовсе не глупость. Они часто нужны нам, чтобы восстановить нашу целостность, но костыли — по определению переходный и преходящий феномен» [1, с. 132]. Однако ответом на «эгоистический патриотизм» не может быть «самодовольный космополитизм», ибо последний, по Валлерстайну, может быть легко использован как для сохранения, так и для отмены существующих привилегий. С его точки зрения, правильным является поддержка сил, готовых разрушить существующее неравенство и способствовать созданию более эгалитарного мира: «Необходима куда более сложная позиция, которую можно было бы использовать для защиты прав группы слабых даже при изменении параметров борьбы на политической арене» [2, с. 127]. Что касается космополитического образования, то нам «нужно знать не о том, что мы — граждане мира, а о том, что мы занимаем особые ниши в неравном мире и что беспристрастность и глобальность, с одной стороны, и отстаивание узких интересов — с другой, — это не противоположные, а сочетающиеся между собой сложным образом позиции» [Там же]. Одни из этих сочетаний, полагает философ, желательны, другие — нет.

Довод Валлерстайна заключается в том, что мы живем в мире, который отличается крайним неравенством, а это значит, что последствия действий «граждан мира» весьма различны в зависимости от места и времени. У политически и экономически сильных всегда есть возможность выбора между агрессивной враждебностью к слабым и великодушным принятием «различия». Однако «сильные» в любом случае остаются в положении гегемона. Поэтому И. Валлерстайн предлагает различать национализм угнетенных и угнетателей и давать им разные оценки: «национализм Манделы в моральном отношении не был тождественен национализму африкандеров. Один был национализмом угнетенных (черных, угнетаемых белыми), стремящимся покончить с притеснениями. Другой начинался как национализм угнетенных (африканеры, угнетаемые англоязычными), но развился в национализм угнетателей (апартеид)» [2, с. 126]. Оправдывая национализм как единственную возможность «сломать» статус-кво «золотого миллиарда», И. Валлерстайн утверждает, что чуть ли не единственная возможность для «слабых» хотя бы частично исправить свое положение — это настаивать на принципах группового равенства. Для этого им придется будить групповое сознание в форме этнического самоутверждения и национализма.

Таким образом, выделены пять аргументов в пользу ограниченности космополитической модели идентификации. Критика коммуитариста Ч. Тэйлора значительно отличается от мир-системного марксизма И. Валлерстайна, либерального национализма М. Уолцера и традиционализма Х. Патнэма. Однако, как показал анализ, все приведенные авторы сошлись на том, что не считают правильным отделять мировое гражданство и универсальный разум от патриотизма и национальных традиций.

Литература

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. 2001.
2. Валлерстайн И. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. № 2(53). 2006. С. 126–127.
3. Нуссбаум М. Космополитизм и патриотизм // Логос. № 2(53). 2006. С. 110–119.
4. Патнэм Х. Должны ли мы выбирать между патриотизмом и универсальным разумом? // Логос. № 2(53). 2006. С. 120–125.
5. Тэйлор Ч. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. № 2(53). 2006. С. 130–131.
6. Уолцер М. Сферы привязанности // Логос. № 2(53). 2006. С. 128–129.
7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
8. Calhoun G. The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism // South Atlantic Quarterly. 2002. 101(4). P. 869–897.

9. *Critical Review of International Social and Political Philosophy: Nationalism and Global Justice* — David Miller and His Critics. Vol. 11, № 4. 2008.
10. Held D. *Cosmopolitanism. Ideas and Realities*. London, 2010.
11. Kymlicka W. *Citizenship in the Era of Globalization* // *The Cosmopolitanism Reader* / G. W. Brown. D. Held (eds.). Polity, Cambridge, 2010. P. 435–443.
12. Kymlicka W. *From Enlightenment Cosmopolitanism to Liberal Nationalism* // *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Oxford. 2000. P. 203–220.
13. Kymlicka W. *Liberalism. Community and Culture*. Oxford. 1991.
14. Miller D. *Citizenship and National Identity*, Polity, Cambridge. 2000.
15. Miller D. *Cosmopolitanism* // *The Cosmopolitanism Reader* / G. W. Brown. D. Held (eds.). Polity, Cambridge, 2010. P. 377–392.
16. Taras R. *Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia*. Lanham, 2009.

References

1. Wallerstein I. *World-Systems Analysis and a situation in the modern world* [Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire]. SPb., 2001.
2. Wallerstein I. *Neither patriotism, no cosmopolitism* [Ni patriotizm, ni kosmopolitizm] // *Logos*, N. 2(53), 2006. P. 126–127.
3. Nussbaum M. *Cosmopolitism and patriotism* [Kosmopolitizm i patriotizm] // *Logos*. N 2(53), 2006. P. 110–119.
4. Putnam H. *Do we have to choose between patriotism and universal reason?* [Dolzhy li my vybirat' mezhdu patriotizmom i universal'nym razumom?] // *Logos*. N 2(53), 2006. P. 120–125.
5. Taylor Ch. *Why the democracy needs patriotism* [Pochemu demokratiya nuzhdaetsya v patriotizme] // *Logos*. N 2(53), 2006. P. 130–131.
6. Walzer M. *Spheres of attachment* [Sfery privyazannosti] // *Logos*. N 2(53), 2006. P. 128–129.
7. Huntington S. *Who are We? The Challenges To America's National Identity* [Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noi identichnosti]. M., 2004.
8. Calhoun G. *The Class Consciousness of Frequent Travelers. Toward a Critique of Actually Existing Cosmopolitanism* // *South Atlantic Quaterly*. 2002. № 101(4). P. 869–897.
9. *Critical Review of International Social and Political Philosophy: Nationalism and Global Justice* — David Miller and His Critics. Vol. 11, № 4, 2008.
10. Held D. *Cosmopolitanism. Ideas and Realities*. London, 2010.
11. Kymlicka W. *Citizenship in the Era of Globalization* // *The Cosmopolitanism Reader* / G. W. Brown. D. Held (eds.), Polity, Cambridge, 2010. P. 435–443.
12. Kymlicka W. *From Enlightenment Cosmopolitanism to Liberal Nationalism* / *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship*. Oxford. 2000. P. 203–220.
13. Kymlicka W. *Liberalism. Community and Culture*. Oxford. 1991.
14. Miller D. *Citizenship and National Identity*. Polity, Cambridge. 2000.
15. Miller D. *Cosmopolitanism* // *The Cosmopolitanism Reader* / G. W. Brown. D. Held (eds.), Polity, Cambridge, 2010. P. 377–392.
16. Taras R. *Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia*. Lanham, 2009.

Топкова И. А., Афонин П. Н.

Механизм совершенствования таможенных инноваций, основанный на нечетко-множественном подходе при оценке уровня риска нарушения таможенных правил

Топкова Ирина Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры таможенного дела и управления рисками
topir89@mail.ru

Афонин Петр Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры таможенного дела и управления рисками
Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии
Заведующий кафедрой технических средств таможенного контроля и криминалистики
Доктор технических наук, доцент
pnafonin@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Многообразие существующих методов оценки уровня риска нарушения таможенных правил для целей таможенного контроля, а также потребность в учете множества факторов, определяющих уровень данного риска, определяют необходимость формирования качественно новых методических подходов. В статье показана возможность применения для решения подобных задач систем нечеткой логики, в частности, пакета прикладных программ Fuzzy Logic вычислительной системы MATLAB. Методика реализована на примере товаров, классифицируемых в товарной подсубпозиции 732399900 ТНВЭД ТС — «Кухонные изделия из углеродистой стали».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

совершенствование инноваций, система управления рисками; уровень риска; нечеткая логика; электронное декларирование; риск, информационные технологии

Topkova I. A., Afonin P. N.

Mechanism of Improvement of Customs Innovations, Based on Indistinct and Multiple Approach at an Assessment of Risk Level of Violation of Customs Rules

Topkova Irina Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Customs Affairs and Risk Management
topir89@mail.ru

Afonin Petr Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Customs Affairs and Risk Management
St. Petersburg branch of Russian Customs Academy, named by V. B. Bobkov (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Technical Means of Customs Control and Criminalistics
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor
pnafonin@yandex.ru

ABSTRACT

The variety of the existing methods of an assessment of risk level of violation of customs rules for the purposes of customs control, and need of the accounting of a set of the factors determining the level of this risk define need of formation of qualitatively new methodical approaches. Possibility of application for the solution of similar problems of systems of fuzzy logic, in particular, of a package of the applied Fuzzy Logic programs of the MATLAB computing system is shown in the article. The technique, realized on the example of the goods classified in a commodity subsubposition 7323999900 FEACN of Customs Union — "Kitchen products from carbonaceous steel".

KEYWORDS

improvement of innovations, control system of risks; risk level; fuzzy logic; electronic declaring; risk, information technologies

Согласно ст. 94 Таможенного кодекса Таможенного союза, при проведении таможенного контроля таможенные органы исходят из принципа выборочности, и при выборе объектов и форм таможенного контроля используется система управления рисками. Управление риском — систематическая работа по разработке и практической реализации мер по предотвращению и минимизации рисков, оценке эффективности их применения, а также контролю за совершением таможенных операций, предусматривающая непрерывное обновление, анализ и пересмотр имеющейся у таможенных органов информации¹.

Увеличение объемов информации о товарных партиях, используемых для таможенных целей, многообразие подходов к анализу уровня риска, необходимость получения оперативного решения для выбора объекта и форм таможенного контроля определяют необходимость формирования качественно новых подходов к информационному обеспечению таможенных технологий [5], в частности — управлению рисками и электронному декларированию [2].

В настоящее время существуют различные подходы к оценке рисков [3; 4]. Особый интерес представляет теория нечеткой логики (Fuzzy Logic), определяющая современный подход к описанию бизнес-процессов, в которых присутствует неопределенность и неточность исходной информации [1; 6; 7; 8]. Процесс оценки уровня риска и принятие соответствующего решения имеет многоаспектный и сложный характер, поэтому требует привлечения современных средств программного обеспечения (ПО), применение которых позволяет более точно определить уровень риска и значительно сократить время расчетов и принятия решения. Одним из таких инструментов является система MATLAB, включающая пакет нечеткой логики (Fuzzy Logic Toolbox).

В статье рассматриваются следующие нечеткие переменные. Входные: «возможность возникновения риска», «существенность риска». Значение выходной переменной определяло уровень риска нарушения таможенных правил. Все переменные характеризовались терм-множеством значений {«низкое» и «высокое»}. Предлагается использовать функции принадлежности в виде функций Гаусса. Выбор данной функции обусловлен тем, что она легко алгоритмируется, является дифференцируемой функцией, более плавно описывает терм-множества переменных [9]. В качестве алгоритма нечеткого вывода уровня риска использован алгоритм Мамдани, который в настоящее время получил наибольшее применение в задачах нечеткого моделирования.

Поскольку уровень риска нарушения таможенных правил определяется в зависимости от возможности возникновения риска и его последствий², то предварительным этапом нечеткого логического вывода уровня риска является определение его величин

¹ Статья 127 Таможенного кодекса Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17).

² Там же.

относительной возможности возникновения риска и величины существенности риска. Данная методика рассмотрена в статье [10]. По результатам применения методики на примере товарной подсубпозиции 7323999900 ТНВЭД ТС — «Кухонные изделия из углеродистой стали» для каждой анализируемой товарной партии с учетом балльных значений областей риска нарушения таможенных правил (табл. 1, 2) определяется величина относительной возможности возникновения риска по формуле:

$$P_{risk} = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N P_i,$$

где N — количество областей риска.

В случае, когда какая-либо область риска не может быть определена, то она исключается, а знаменатель (формула) уменьшается на единицу. Каждой полученной величине относительной возможности возникновения риска соответствует лингвистическая переменная «низкая» или «высокая» (табл. 3).

Для каждой товарной партии также определяется величина существенности риска, выраженная в предполагаемой величине дополнительно начисленных сумм таможенных платежей Iq , а также соответствующая лингвистическая переменная «низкая» или «высокая» (табл. 4).

Таблица 1

**Шкала оценки степени возможности наступления
рискового события**

Возможность наступления рискового события	Значение шкалы, баллы
Очень высокая	4
Высокая	3
Низкая	1–2
Очень низкая	0

Таблица 2

**Перечень балльных значений возможности риска нарушения таможенных правил
в зависимости от значений области риска**

№	Категории факторов риска	Типы риска
1	По вопросам таможенной стоимости товаров (P_1)	Расхождение индексов таможенной стоимости наибольшего и наименьшего по весу товаров — более чем на 50% — 3 балла; расхождение индексов таможенной стоимости наибольшего и наименьшего по весу товаров — более чем на 25% — 2 балла; отсутствуют расхождения, либо отрицательное значение показателя — 0 баллов
2	По среднему количеству транспортных средств, в которых перевозится один товар (P_2)	Три и более транспортных средств — 4 балла; два транспортных средства — 2 балла; одно транспортное средство — 0 баллов
3	По наличию средств идентификации (P_3)	Грузовое отделение не опломбировано — 3 балла; грузовое отделение опломбировано — 0 баллов
4	По количеству товаров (P_4)	Более трех товаров — 4 балла; два-три товара — 2 балла; один товар — 0 баллов

№	Категории факторов риска	Типы риска
5	По типу тары (P_5)	Присутствие в товарной партии товаров, перевозимых в трех и более типах упаковочных мест — 4 балла; присутствие в товарной партии товаров, перевозимых в двух и более типах упаковочных мест — 2 балла; товары упакованы в однотипную тару — 0 баллов
...	...	...
n	По времени подачи ДТ (P_n)	Время регистрации ДТ — с 20:00 до 6:00 — 4 балла; время регистрации ДТ — с 18:00 до 20:00, с 6:00 до 9:00 — 2 балла; время регистрации ДТ — с 9:00 до 18:00 — 0 баллов
$n-1$	По странам происхождения (P_{n-1})	В одной товарной партии товар двух и более стран происхождения — 4 балла; в одной товарной партии товары одной страны происхождения — 0 баллов

Таблица 3

Соответствие величины относительной возможности возникновения риска лингвистической переменной

Величина относительной возможности возникновения риска, баллы	Лингвистическая переменная относительной возможности возникновения риска
0–1,9	Низкая
2–3,4	Высокая

Совокупность товарных партий и соответствующих им лингвистических переменных относительной возможности возникновения риска и величины существенности риска может быть представлена в виде табл. 5 и 6.

Далее реализуем алгоритм нечеткого вывода уровня риска нарушения таможенных правил.

1. Формирование базы правил

База правил систем нечеткого вывода предназначена для формального представления эмпирических знаний. При создании системы правил были учтены основные условия ее прозрачности: база знаний не является противоречивой или избыточной, т. е. не содержит правил с одинаковыми антецедентами; база знаний согласована с количеством термов, т. е. каждый терм фигурирует хотя бы в одном нечетком правиле; база знаний должна быть компактной, т. е. содержать минимальное (или близкое к нему) количество правил, необходимых для адекватного моделирования исследуемой зависимости [11].

Полученная для оценки уровня риска база правил систем нечеткого вывода представлена тремя правилами:

ПРАВИЛО_1: ЕСЛИ «возможность риска — низкая» ТО «уровень риска — низкий»;

ПРАВИЛО_2: ЕСЛИ «существенность риска — низкая» ТО «уровень риска — низкий»;

Таблица 4

Соответствие величины относительной существенности риска лингвистической переменной

Величина существенности риска, баллы	Количественное выражение существенности риска, тыс. руб.	Лингвистическая переменная существенности риска
0	меньше 9	Низкая
0,3	9–11	
0,6	12–14	
0,9	15–17	
1,2	18–20	
1,5	21–23	
1,8	24–26	
2,1	27–29	
2,4	30–59	
2,7	60–89	
3,0	90–119	
3,3	120–149	
3,6	150–179	
3,9	180–209	
4,2	более 210	

Таблица 5

Формализованное представление величины относительной возможности возникновения риска исследуемой совокупности товарных партий

№ товарной партии	Значение величины относительной возможности возникновения риска, баллы	Лингвистическая переменная относительной возможности возникновения риска
1	2,2	Высокая
2	2	Высокая
3	2	Высокая
...	...	...
n	1,75	Низкая

ПРАВИЛО_3: ЕСЛИ «возможность риска — высокая» И «существенность риска — высокая» ТО «уровень риска — высокий».

Все лингвистические переменные в базе нечетких продуктов представляются как нечеткие множества, заданные соответствующими функциями принадлежности.

2. Фаззификация функций принадлежности нечетких множеств «возможность риска», «существенность риска», «уровень риска»

Терм-множества, а также значения функций принадлежности переменных «возможность риска», «существенность риска» представлены на рис. 1–3 кривыми Гаусса. Значение лингвистических переменных «Низкий», «Высокий» (которое является нечетким подмножеством значений интервала (0,1) — области значений показателя) сопоставляется функции принадлежности тому или иному нечеткому подмножеству. Значение функции принадлежности лежит в интервале от 0 до 1, где 1 — полное соответствие истинности высказывания, а 0 — полное ее отсутствие.

**Формализованное представление величины существенности риска
исследуемой совокупности товарных партий**

№ товарной партии	Существенность риска (руб.)	Значение величины существенности риска, баллы	Лингвистическая переменная относительной возможности возникновения риска
1	52 702,84	2,4	Высокая
2	89 829,9	2,7	Высокая
3	14 234,05	1,2	Низкая
...	...	...	...
30	65 980,55	2,7	Низкая

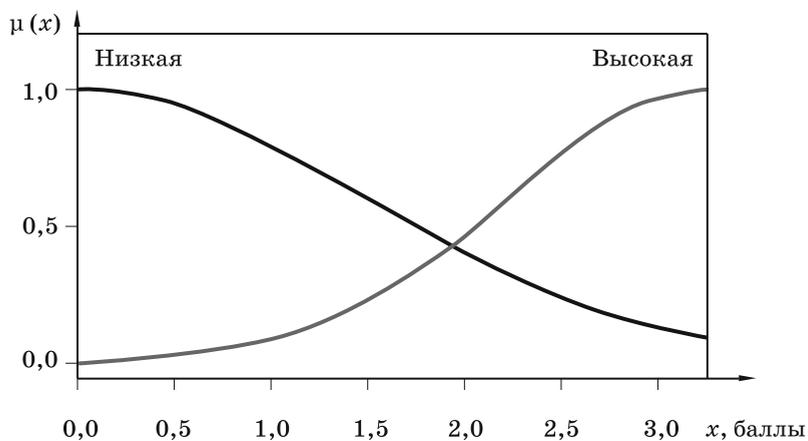

Рис. 1. Функции принадлежности лингвистической переменной
«возможность риска»

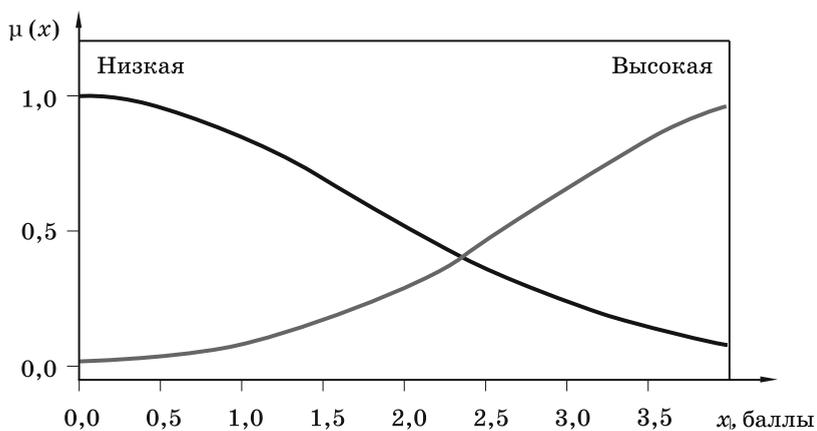

Рис. 2. Функции принадлежности лингвистической переменной
«существенность риска»

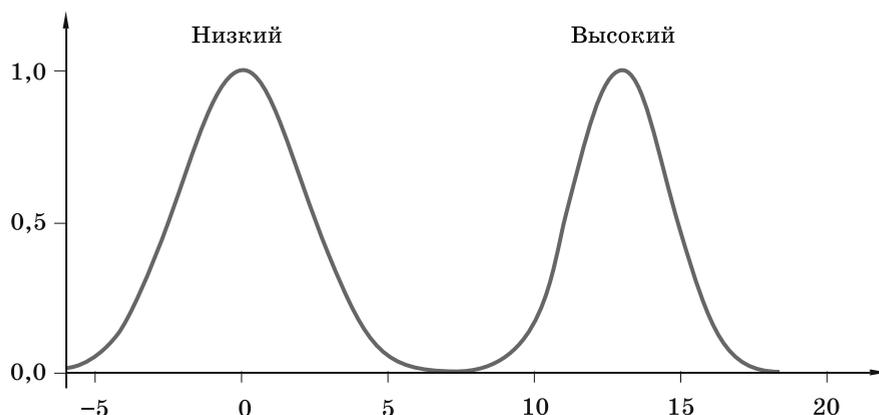

Рис. 3. Функции принадлежности лингвистической переменной «уровень риска»

Далее с помощью пакета Fuzzy Logic Toolbox вычислительной среды MATLAB производится:

- 1) агрегирование подусловий в нечетких правилах вывода уровня риска. Данная операция представляет собой процедуру определения степени истинности условий по каждому из правил системы нечеткого вывода уровня риска. Степень истинности высказывания определяется на основе известных значений истинности, составляющих его элементарных высказываний при помощи введенных ранее нечетких логических операций;
- 2) активизация подзаклучений нечетких правил вывода уровня риска, которая представляет собой процесс нахождения степени истинности каждого из логических высказываний (например, ЕСЛИ «существенность риска низкая» ТО «уровень риска низкий»). Степень истинности каждого из элементарных высказываний равна алгебраическому произведению весового коэффициента и степени истинности условия данного нечеткого продукционного правила. В рассматриваемой модели при формировании базы правил определения уровня риска весовые коэффициенты для каждого правила имеют значение 1. Функции принадлежности $\mu'(x)$ каждого из подзаклучений для выходной лингвистической переменной «уровень риска» находятся при помощи метода нечеткой композиции «min-активизация»;
- 3) аккумуляция заключений нечетких правил вывода уровня риска. Процесс аккумуляции представляет собой процедуру нахождения функции принадлежности для каждой из выходных лингвистических переменных уровня риска. Цель аккумуляции заключается в том, чтобы объединить все степени истинности заключений для получения функции принадлежности каждой из входных переменных. Необходимость выполнения данного этапа состоит в том, что подзаклучения, относящиеся к одной и той же выходной лингвистической переменной «уровень риска», принадлежат различным правилам системы нечеткого вывода.

3. Дефаззификация

Дефаззификация в системах нечеткого вывода уровня риска представляет собой процедуру или процесс нахождения обычного (не нечеткого) значения для каждой из выходных лингвистических переменных уровня риска. Для выполнения числен-

ных расчетов на этапе дефаззификации используем метод центра тяжести. Пример оценки уровня риска нарушения таможенных правил по алгоритму Мамдани показан на рис. 4. В данном случае видно, что уровень риска нарушения таможенных правил при высокой возможности и существенности риска (2,2 и 2,4 балла соответственно) является достаточно высоким (6,44 балла). Варьируя значения набора входных переменных (существенности и возможности возникновения риска), можно получить различные значения уровня риска.

Одним из преимуществ подсистемы Fuzzy Logic вычислительной системы MATLAB является возможность визуализации результатов в виде трехмерных графиков. Пример поверхности результата в координатах возможности и существенности риска показан на рис. 5.

Относительная монотонная поверхность и отсутствие локальных минимумов и максимумов графика свидетельствует о достаточности и непротиворечивости используемых правил нечеткого вывода уровня риска и адекватности модели. Резкое завышение в областях максимума переменных объясняется тем, что при равномерном изменении «возможности риска» и «существенности риска» согласно правилам нечеткого вывода их лингвистические термы связаны с функциями принадлежности терма «уровень риска», которые расположены достаточ-

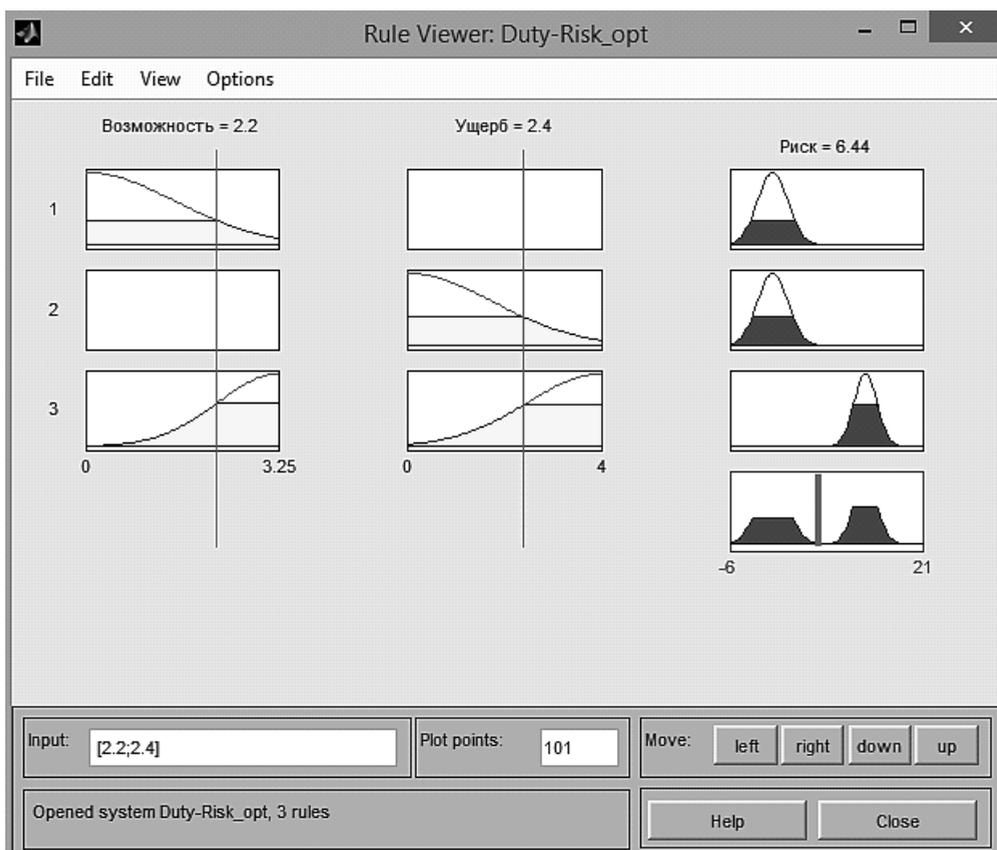

Рис. 4. Пример результата выполнения алгоритма Мамдани для оценки уровня риска нарушения таможенных правил

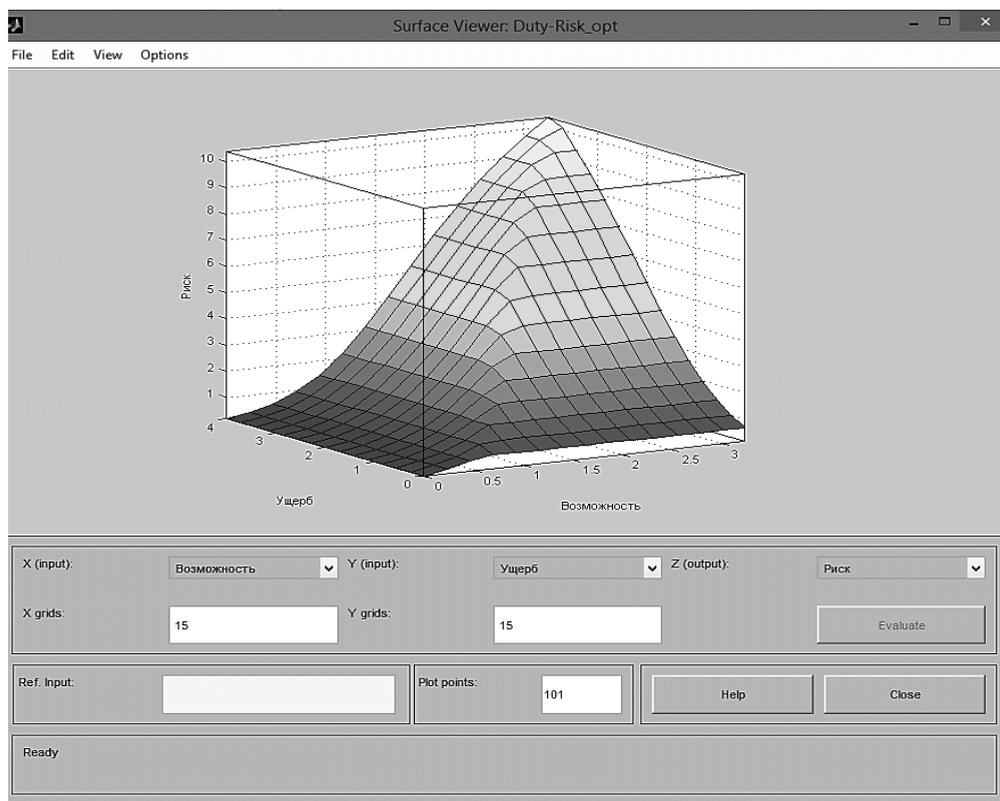

Рис. 5. Трехмерное изображение поверхности модели нечеткого вывода уровня риска

ного далеко друг от друга, что обуславливает данное изменение поверхности модели.

Выводы

В настоящей статье рассмотрена методика оценки уровня риска нарушения таможенных правил на основе нечетко-множественного подхода на этапе применения таможенной технологии электронного декларирования. Рассмотрен алгоритм Мамдани построения экспертных систем и методика его применения к сформулированной выше задаче. Приведен пример оценки уровня риска нарушения таможенных правил на примере товаров, классифицируемых в товарной подсубпозиции 7323999900 ТНВЭД ТС — «Кухонные изделия из углеродистой стали». Исследования, представленные в статье, могут быть использованы в качестве методических рекомендаций для должностных лиц таможенных органов при определении объектов и форм таможенного контроля.

Литература

1. Алтунин А. Е., Семухин М. В. Модели и алгоритмы принятия решений в нечетких условиях. Тюмень : изд-во ТГУ, 2000. 352 с.

2. *Афонин П. Н., Колесинская М. Р.* Информационно-аналитическое обеспечение как инструмент совершенствования электронного декларирования товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза / П. Н. Афонин, М. Р. Колесинская // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. № 11. 2013.
3. *Афонин П. Н.* Использование метода главных компонент для формирования выборки объектов таможенного контроля при предоставлении таможенных услуг / А. А. Десмитниекс, В. А. Кондрашова // Сегодня и завтра российской экономики. Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. М. : Экономическое образование. 2012. № 1. С. 172–178.
4. *Афонин П. Н., Живилова В. Г., Кондрашова В. А.* Методика формирования выборки объектов таможенного контроля на основе теории планирования эксперимента // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. № 2, 2012. С. 236–241.
5. *Афонин П. Н., Топкова И. А.* Особенности имитационного моделирования пропускной способности автомобильного пункта пропуска // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. № 2. 2012.
6. *Гонохова В. А.* Формулировка модели идентификации налогоплательщиков на основе системы нечеткого вывода. Международная научная лаборатория по внедрению нечетко-множественных подходов в экономических исследованиях [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifel.ru/br8/3.pdf> (дата обращения 02.01.2015).
7. *Деревянко П. М.* Оценка риска неэффективности инвестиционного проекта с позиций теории нечетких множеств // труды VII Международной конференции «Мягкие вычисления и измерения (SCM'2004)». СПб. : Изд-во ЛЭТИ, 2004. с. 167–171.
8. *Деревянко П. М.* Нечеткое моделирование деятельности предприятия и оценка риска принятия стратегических финансовых решений в условиях неопределенности // труды I научно-практической конференции «Современные проблемы прикладной информатики». СПб. : СПбГИЭУ, 2005. С. 81–83.
9. *Жданов А. А., Караваев М. В.* Применение нечеткой логики в имитационной системе автономного адаптивного управления // труды Института системного программирования Российской академии наук. Т. 3. М. : ИСП РАН, 2002. С. 119–135.
10. *Топкова И. А.* Методика картографирования уровней риска нарушения таможенного законодательства при организации таможенного контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2014. № 3(28). С. 166–172.
11. *Штовба С. Д.* Введение в теорию нечетких множеств и нечеткую логику [Электронный ресурс] // материалы по продуктам MATLAB & Toolboxes. matlab.exponenta.ru, 2001–2014. URL: <http://matlab.exponenta.ru/fuzzylogic/book1>

References

1. Altunin A. E., Semukhin M. V. *Models and algorithms of decision-making in indistinct conditions* [Modeli i algoritmy prinyatiya reshenii v nechetkikh usloviyakh]. Tyumen : Publishing house of TSU [Izd-vo TGU], 2000. 352 p.
2. Afonin P. N., Kolesinskaya M. R. *Information and analytical providing as the instrument of improvement of electronic declaration of goods, moved through customs limit of the Customs union* [Informatsionno-analiticheskoe obespechenie kak instrument sovershenstvovaniya elektronnoho deklarirovaniya tovarov, peremeshchaemykh cherez tamozhennuyu granitsu Tamozhennogo soyuza] / P. N. Afonin, M. R. Kolesinskaya // Management of economic systems : electronic scientific journal [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. № 11. 2013.
3. Afonin P. N. *Use of a method main a component for formation of selection of objects of customs control during the providing customs services* [Ispol'zovanie metoda glavnykh komponent dlya formirovaniya vyborki ob'ektov tamozhennogo kontrolya pri predostavlenii tamozhennykh uslug] / A. A. Desmitniyek, V. A. Kondrashova // Today and tomorrow the Russian economy [Segodnya i zavtra Rossiiskoi ekonomiki]/ the Scientific review. Series 1. Economy and Law [Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo]. JSC Publishing House Economics Education [Ekonomicheskoe obrazovanie]. 2012. № 1. P. 172–178.
4. Afonin P. N., Zhivilova V. G., Kondrashova V. A. *Methodic of formation of selection of objects of customs control on the basis of the theory of planning of experiment* [Metodika formirovaniya vyborki ob'ektov tamozhennogo kontrolya na osnove teorii planirovaniya eksperimenta] / Scientific and technical sheets of the St. Petersburg State Polytechnic University [Nauchno-

- tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta]. N 2, 2012. P. 236–241.
5. Afonin P. N., Topkova I. A. *Features of imitating modeling of capacity of an automobile checkpoint* [Osobennosti imitatsionnogo modelirovaniya propusknoi sposobnosti avtomobil'nogo punkta propuska] / Management of economic systems: electronic scientific journal [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. N 2. 2012.
 6. Gonokhova V. A. *The formulation of model of identification of taxpayers based on system of an indistinct conclusion* [Formulirovka modeli identifikatsii nalogoplatel'shchikov na osnove sistemy nechetkogo vyvoda]. The international scientific laboratory on introduction of indistinct and multiple approaches in economic researches. URL: <http://www.ifel.ru/br8/3.pdf> (date of the address 02.01.2015).
 7. Derevyanko P. M. *Assesment of risk of an inefficiency of the investment project from positions of the theory of indistinct sets* [Otsenka riska neeffektivnosti investitsionnogo proekta s pozitivnoy teoriiy nechetkikh mnozhestv] // Works of VII International conference "Soft calculations and measurements" (SCM'2004) [Myagkie vychisleniya i izmereniya]. SPb. : Publishing house of Technical University "LETI" [Izd-vo LETI], 2004. P. 167–171.
 8. Derevyanko P. M. *Indistinct modeling of activity of the enterprise and an assesment of risk of adoption of strategic financial decisions in the conditions of uncertainty* [Nechetkoe modelirovanie deyatel'nosti predpriyatiya i otsenka riska prinyatiya strategicheskikh finansovykh reshenii v usloviyakh neopredelennosti] // Works of I scientific and practical conference "Modern Problems of Applied Informatics" [Tr. I nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sovremennye problemy prikladnoi informatiki»]. SPb. : 2005. P. 81–83.
 9. Zhdanov A. A., Karavaev M.V. *Application of fuzzy logic in imitating system of off-line adaptive control* [Primenenie nechetkoi logiki v imitatsionnoi sisteme avtonomnogo adaptivnogo upravleniya] // Works of Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences [Trudy Instituta Sistemnogo Programirovaniya Rossiiskoi Akademii Nauk] : V. 3. M. : ISP of Russian Academy of Sciences [ISP RAN], 2002. P. 119–135.
 10. Topkova I. A. *Methodic of mapping of risk levels of violation of the customs legislation at the organization of customs control* [Metodika kartografirovaniya urovnei riska narusheniya tamozhennogo zakonodatel'stva pri organizatsii tamozhennogo kontrolya] // Bulletin of the Russian Customs Academy [Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2014. N 3(28). P. 166–172.
 11. Shtovba S. D. *Introduction to the theory of indistinct sets and fuzzy logic* [Vvedenie v teoriyu nechetkikh mnozhestv i nechetkuyu logiku] [An electronic resource]. Materials on products of MATLAB & Toolboxes. matlab.exponenta.ru, 2001–2014. URL: <http://matlab.exponenta.ru/fuzzylogic/book1>

Натурализация спортсменов и национальное строительство в контексте XXII зимних Олимпийских игр в Сочи

Горохов Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры сравнительных политических исследований
Кандидат политических наук
gorohov@sziu.ru

Яковлева Галина Станиславовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Студент факультета сравнительных политических исследований
gala_1608@mail.ru

РЕФЕРАТ

В основе статьи лежит исследование отношения россиян к вопросам натурализации спортсменов, которые изучаются с точки зрения взаимосвязи спорта и процессов конструирования национальной идентичности. Под натурализацией понимается предоставление иностранному спортсмену гражданства для выступления за национальную команду страны. Натурализация спортсменов, нацеленная на увеличение конкурентоспособности национальных команд, рассматривается как одно из проявлений инструментальной ценности спорта для демонстрации силы национального государства. Объектом исследования являются XXII зимние Олимпийские игры (ЗОИ) в Сочи, рассматриваемые в традиции спортивных мега-событий.

Мегасобытия имеют глобальный статус и, тем самым, обеспечивают признание спортивных достижений мировым сообществом. Глобальный статус мегасобытия позволяет апеллировать к спортивным победам как к объективному показателю силы нации. Стратегия формирования национальной команды России к ЗОИ в Сочи была нацелена на привлечение иностранного высококвалифицированного труда, в первую очередь, спортсменов и тренеров. В статье утверждается, что интернационализация олимпийской сборной России не ослабила эмоциональную связь между спортсменами и болельщиками и не привела к снижению потенциала спортивной победы как инструмента культивирования чувства гордости за свою страну. На наш взгляд, наличие эмоциональной связи является следствием стремления идентифицировать себя с успешным спортсменом-победителем. В этой связи национальная идентичность может рассматриваться как гибкая категория, подверженная трансформации в зависимости от спортивного успеха. Эмпирической базой исследования выступают результаты двух социологических опросов, проведенных до и после XXII зимних Олимпийских игр в Сочи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мегасобытия, натурализация спортсменов, национальное строительство, Олимпийские игры в Сочи

Gorokhov V. A., Yakovleva G. S.

Naturalization of Athletes and Nation-building in the Light of the XXII Winter Olympic Games in Sochi

Gorokhov Vitalii Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Comparative Political Studies
PhD in Political Science
gorohov@sziu.ru

Yakovleva Galina Stanislavovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Student of Department of Comparative Political Studies
 gala_1608@mail.ru

ABSTRACT

The article provides the research into naturalization of athletes from the standpoint of interrelations of sport and national identities building. Naturalization means providing citizenship for foreign athletes in order to compete for the national team. The paper studies naturalization of athletes which is aimed at boosting competitiveness of national teams as one of the aspects of the instrumental value of sport for demonstrating strength and power of the nation-state. XXII Winter Olympic Games (WO) in Sochi seen in terms of sport mega events come as a target of research. Mega-events enjoy global status and thus provide recognition of success in sport by global community. The global status of mega events allows referring to achievements in sport as a fair sign for demonstrating strength of the nation. The strategy in forming Russian Olympic team for WO in Sochi supposed recruiting of high-profile sport professionals, mainly athletes and coaches. The article claims that the internationalization of the Russian team has neither led to weakening of the emotional attachment between spectators and athletes nor brought down potential of a win in sport as a tool for cultivating national pride. We argue that the existence of this emotional attachment is a result of aspiration of having an identity with a winner. Thus, national identity comes as a flexible concept related to success in sport. The empirical data of the research rests on the two surveys made before and after WO in Sochi.

KEYWORDS

megaevents, nation-building, naturalization of athletes, Sochi-2014

Спортивные мегасобытия в контексте национального строительства

Проведение на территории России целого ряда крупных спортивных событий — в первую очередь, летней Универсиады в Казани, зимней Олимпиады в Сочи, и предстоящего Чемпионата мира по футболу — привело к появлению в национальной политической повестке дня большого количества вопросов, связанных со спортом высших достижений. Одной из центральных тем стала дискуссия об использовании спорта в качестве инструмента национального строительства. Устойчивая связь между спортом, государственной политикой и конструированием национальных идентичностей является конвенциональным знанием, широко разделяемым представителями гуманитарных и социальных наук [5, с. 162–163]. В связи с этим не удивительно, что следствием проведения крупных спортивных форумов на территории России стал неуклонный рост научного интереса отечественных и зарубежных исследователей к социальным, культурным и политическим аспектам проведения спортивных событий и их влиянием на российское общество [2, с. 5–7].

В социальных науках для обозначения крупнейших спортивных событий принято использовать понятие «мегасобытие», ключевыми характеристиками которого являются «глобальное участие», «глобальная аудитория» и «глобальное равенство» [3, с. 64]. Под глобальным участием понимается возможность выступления спортсменов из разных стран мира, под глобальной аудиторией — возможность зрителей следить за соревнованиями из любой точки мира, а под «глобальным равенством» — возможность участия в соревнованиях представителей различных социальных групп, в том числе подвергавшихся или подвергающихся дискриминации по гендерному, расовому, этническому или религиозному признаку. Мегасобытия считаются квинтэссенцией современного спорта и позволяют рассматривать современный спорт высших достижений как одно из проявлений глобальной культуры [10, с. 226–227].

Глобальный масштаб спортивных мегасобытий, тем не менее, позволяет рассматривать крупнейшие спортивные форумы как место соперничества национальных государств. Спортсмены и команды-участники имеют ярко выраженные национальные идентичности, проявляющиеся, в наибольшей степени, в названиях команд, символике и географической принадлежности. Тесная связь спортивных достижений и побед с национальной идентичностью открывает возможности использования успехов в спорте в качестве демонстрации силы нации. Глобальный статус спортивных мегасобытий обеспечивает признание достижений мировым сообществом, тем самым позволяя национальным правительствам апеллировать к спортивным победам как к объективному показателю силы нации [7]. Концентрация современного спорта высших достижений вокруг мегасобытий обуславливает то обстоятельство, что подготовка спортивных команд к мегасобытиям становится одним из приоритетных направлений государственной политики в области спорта.

В силу масштабности мегасобытий страна-организатор неизбежно находится в фокусе общественного и медийного внимания со стороны как международного сообщества, так и групп общественности внутри страны. Мегасобытия предполагают мобилизацию национальным правительством политических, кадровых и экономических ресурсов для успешного проведения события. Неизбежным следствием мобилизации становится высокая степень вовлеченности политических лидеров и групп элит в процесс подготовки и проведения мегасобытия. Оценка общественностью успешности проведения мегасобытия зависит от множества факторов, среди которых обеспечение безопасности, информационное сопровождение, комфортность пребывания, качество медийного продукта и атмосфера вокруг события. Спортивная составляющая мегасобытия обеспечивает эмоциональную привязанность к нему зрителя [7, с. 349], что вынуждает страну-организатора прикладывать дополнительные усилия для увеличения конкурентоспособности своей национальной команды.

Особенности подготовки национальной команды России к Сочи-2014

Принято считать, что характерной чертой управления мегасобытиями в России является центральная роль государства, а именно национального правительства [1, с. 90]. Вовлечение крупного бизнеса в процессы подготовки и проведения мегасобытия осуществляется через элитные коалиции, в которых ведущая роль принадлежит политической, а не бизнес-элите [4]. По мнению Мартина Мюллера, профессора Университета Цюриха, для российской политической элиты идеологические выгоды от проведения мегасобытий превалируют над экономическими. Мюллер использует понятие «государственный дирижизм», предполагающий, в первую очередь, извлечение нематериальной выгоды, направленной на демонстрацию силы государства и нации [9, с. 2091]. Неслучайно развитие чувства патриотизма и национальной гордости стали составной частью официальной риторики ЗОИ в Сочи, представленной на официальном сайте sochi2014.com.

Подготовка к проведению XXII зимних Олимпийских игр в Сочи состоялась на фоне серьезного снижения результатов олимпийских команд России в зимних видах спорта. На ЗОИ в Ванкувере, предшествовавшим Олимпиаде в Сочи, российская команда показала худший результат за всю советскую и постсоветскую историю. Спортивные победы имеют большое значение для россиян, а победные традиции советского и российского спорта сформировали высокие ожидания отечественных болельщиков. Несмотря на провал российской команды на ЗОИ в Ванкувере, в Сочи, по оценкам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), более половины

россиян (51%), ожидали от сборной России первого места в общекомандном зачете.¹ Руководство страны и представители политической элиты практически единогласно признали результат российской команды в Ванкувере неудовлетворительным и потребовали кардинальных изменений в подготовке российской команды к Играм в Сочи [8]. Главным изменением стало привлечение для работы с олимпийской командой России большого количества зарубежных тренеров и специалистов, а также натурализация иностранных спортсменов для выступления за команду России.² Под натурализацией принято понимать предоставление иностранцу гражданства страны с целью дальнейшего выступления спортсмена за национальную команду страны, предоставившей гражданство [6, с. 203–205]. По итогам ЗОИ в Сочи, на которых сборная России заняла первое место в общекомандном зачете, 7 из 13 золотых медалей (всего 19 медалей из 33) были выиграны российскими спортсменами под руководством зарубежных специалистов, а натурализованные спортсмены завоевали восемь золотых медалей либо индивидуально, либо в составе сборной команды.

Необходимо отметить, что массовое привлечение иностранцев для работы с олимпийскими командами России является беспрецедентным событием для отечественного спорта. Иностранные специалисты и натурализованные спортсмены представляли как традиционно сильные виды спорта в России (например, биатлон, фигурное катание), так и виды спорта, находящиеся на периферии общественного и медийного внимания (например, сноуборд, шорт-трек). Сам факт привлечения иностранного труда для демонстрации силы нации представляется определенным вызовом, так как мобилизация внешних ресурсов может интерпретироваться как неспособность достичь результата за счет собственных внутренних ресурсов. В России, имеющей сильные победные традиции в целом ряде зимних видах спорта, стратегия интернационализации национальной сборной особенно подвержена рискам ввиду позиционирования страны как ведущей спортивной державы. Данные риски обусловлены, в первую очередь, культурными, антропометрическими и лингвистическими (языковыми) различиями между россиянами и иностранцами. Различия могут способствовать ослаблению эмоциональной связи между спортсменом (командой) и зрителем, тем самым снижая потенциал спортивной победы как инструмента культивирования чувства гордости за свою страну. В этой связи представляется актуальным получение ответа на вопрос о том, как влияет национальное происхождение спортсмена на чувства зрителей по отношению к его/ее выступлениям за национальную команду России.

Отношение россиян к натурализации спортсменов до и после Сочи-2014

С целью выявления зависимости между отношением россиян к натурализации и спортивными достижениями натурализованных спортсменов были проанализированы результаты двух социологических опросов, один из которых был проведен до ЗОИ в Сочи, а второй по завершении игр. Первый опрос проводился в рамках проекта «Национальный проект «Сочи-2014»» исследовательской лабораторией «Политика, общество, спорт: сравнительный анализ», созданной на факультете сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ФСПИ СЗИУ РАНХиГС). В ходе него в январе-феврале 2014 г. было опро-

¹ На старте Олимпиады // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2507 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114700>

² Шамонаев О. Россия поставила рекорд по импорту мозгов [Электронный ресурс]. URL: <http://winter.sport-express.ru/winter-others/reviews/30544/>

шено 322 респондента в семи регионах — субъектах РФ.¹ Второй опрос, в котором приняли участие 1600 респондентов из 130 населенных пунктах в 42 регионах — субъектах РФ, был проведен ВЦИОМ 1–2 марта 2014 г.²

Мы считаем, что, несмотря на различия в формулировках задаваемых респондентам вопросов, результаты двух опросов могут быть сопоставлены, так как вопросы содержат в себе одно и то же предположение о том, что зритель по-разному реагирует на победу спортсмена в зависимости от его национальной или командной принадлежности. В опросе, проведенном лабораторией ФСПИ СЗИУ РАНХиГС, респондентам задавали вопрос «Что означает для вас успех спортсмена иностранной сборной, ранее выступавшего за Россию/ иностранного спортсмена, выступающего за Россию?» В ответе респондент мог выразить свою гордость или обиду за Россию, другую страну или спортсмена, т. е. высказать свое положительное или отрицательное отношение к факту выступления спортсмена. Вопросы, включенные в опрос ВЦИОМ, дают респонденту меньшую свободу: они лишь предлагают высказать мнение о том, считает ли опрашиваемый нормальным или нет, когда спортсмен выступает не за ту страну, гражданство которой у него/нее было изначально.

Результата опроса, проведенного лабораторией ФСПИ СЗИУ РАНХиГС (табл. 1), показывают, что до проведения ЗОИ в Сочи 54% опрошенных положительно относились (гордость за спортсмена, за Россию) к выступлению натурализованных спортсменов за сборную России. В целом, отношение россиян к натурализованным спортсменам можно охарактеризовать как положительно-нейтральное — лишь 13% респондентов чувствовали обиду за Россию и 3% — обиду за другую страну. Положительная оценка натурализации связана с рассмотрением натурализованных спортсменов как потенциальных победителей, нейтральная — как носителей чужой культурной и национальной идентичности. Такое отношение можно объяснить тем, что спортивная составляющая ЗОИ в Сочи на момент опроса не была в центре внимания СМИ и значительная часть респондентов из числа тех, кто не следит внимательно за спортивными новостями, не имела достаточного представления о том, какие спортсмены и в каких видах спорта будут представлять Россию. Преобладание ответа «гордость за Россию», является, на наш взгляд, проявлением национальной идентичности, которая у респондентов превалирует над идентичностью спортивного болельщика.

Опрос ВЦИОМ (табл. 2) выявил, что 72% респондентов положительно относятся к факту выступления иностранных спортсменов за российскую сборную. Высокий процент опрашиваемых, одобряющих натурализацию, был зафиксирован во всех возрастных категориях. При этом поддержка идеи натурализации ослабевает с увеличением возраста респондентов.

Таким образом, после ЗОИ в Сочи количество респондентов, одобряющих натурализацию, резко возросло. Наиболее вероятно, что увеличение числа сторонников предоставления гражданства иностранным спортсменам связано с крайне успешным выступлением натурализованных спортсменов на ЗОИ в Сочи и широким освещением их побед в СМИ, где акцент делался на выступлении за российскую команду, а не на национальности спортсмена.

Необходимо отметить, что в контексте ЗОИ в Сочи был также актуален вопрос натурализации российских спортсменов, которые успешно выступали за иностранные сборные, становясь олимпийскими чемпионами и выигрывая медали. В связи

¹ Список населенных пунктов: г. Великие Луки (Новгородская обл.), д. Гостилицы (Ленинградская обл.), с. Ловозеро (Мурманская обл.), г. Петрозаводск (Республика Карелия), г. Самара, Санкт-Петербург, г. Соликамск (Пермский край),

² Иностранные спортсмены в сборной России: за и против // пресс-выпуск ВЦИОМ № 2598. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114847>

Таблица 1

**Мнение респондентов о выступлении иностранных спортсменов
за российскую сборную, %**

Что для Вас означает успех на Олимпийских играх иностранного спортсмена, выступающего за сборную России (закрытый вопрос, несколько вариантов ответа)					
Варианты ответов	Всего	Возрастная категория			
		18–30	31–45	46–60	Старше 60 лет
Гордость за спортсмена	23	25	17	16	25
Гордость за Россию	31	36	20	22	34
Гордость за другую страну	3	4	1	3	2
Обида за Россию	13	7	10	20	20
Обида за другую страну	3	3	2	3	2
Ничего	18	16	19	23	13

Таблица 2

**Мнение респондентов о выступлении иностранных спортсменов
за российскую сборную, %**

Как Вы относитесь к тому, что в российской олимпийской сборной есть иностранные спортсмены, в том числе медалисты? (закрытый вопрос, один ответ)						
Варианты ответов	Всего	Возрастная категория				
		18–24	25–34	35–44	45–59 лет	60 лет и старше
Это нормально, нашей сборной нужны хорошие спортсмены, и не важно, где они родились, если они готовы выступать за Россию	72	83	73	74	70	65
Это ненормально, иностранных спортсменов нам не нужно, у нас своих достаточно	24	16	25	24	26	29
Затрудняюсь ответить	4	1	2	3	4	6

с этим представляется важным проследить динамику отношения россиян к бывшим российским спортсменам до и после проведения спортивного мегасобытия в Сочи. Результаты опроса, проведенного лабораторией ФСПИ СЗИУ РАНХиГС (табл. 3), показывают, что 43% опрошенных относились положительно к выступлению российских спортсменов за иностранные сборные (гордость за спортсмена, за Россию, за другую страну). Негативное отношение (обида за Россию) наблюдается примерно лишь у каждого пятого респондента. Натурализованные российские спортсмены не воспринимаются большинством респондентов как перебежчики или предатели родины, что было характерно для советской риторики. Более того, популярность ответов «гордость за спортсмена» и «обида за Россию», на наш взгляд, свидетельствуют о сохранении эмоциональной связи со спортсменом, базирующейся на национальной идентичности.

Результаты опроса ВЦИОМ (табл. 4) демонстрируют, что 69% опрошенных считают нормальным выступление российских спортсменов за другие сборные. По-

**Мнение респондентов о выступлении российских спортсменов
за иностранные сборные, %**

Что для Вас означает успех на Олимпийских играх спортсмена иностранной сборной, ранее выступавшего за Россию? (закрытый вопрос, несколько вариантов ответа)					
Варианты ответов	Всего	Возрастная категория			
		18–30 лет	31–45 лет	46–60 лет	Старше 60 лет
Гордость за спортсмена	28	28	30	28	27
Гордость за Россию	10	12	12	5	9
Гордость за другую страну	5	4	3	10	2
Обида за Россию	22	18	23	28	27
Обида за другую страну	1	2	1	0	0
Ничего	24	26	23	18	25

Таблица 4

**Мнение респондентов о выступлении российских спортсменов
за иностранные сборные, %**

Как Вы относитесь к тому, что на последних олимпийских играх в Сочи несколько российских спортсменов выступали за сборные других стран, и даже выигрывали медали? (закрытый вопрос, один ответ)						
Варианты ответов	Всего	Возрастная категория				
		18–24	25–34	35–44	45–59	60 лет и старше
Это нормально, каждый спортсмен может сам выбрать, за какую сборную выступать	69	78	72	73	67	59
Это ненормально, каждый спортсмен должен выступать за ту страну, в которой родился и вырос	28	21	26	25	30	34
Затрудняюсь ответить	4	1	3	2	4	7

ложительное отношение преобладает во всех возрастных категориях, при этом с увеличением возраста респондентов увеличивается и количество негативно настроенных по отношению к натурализации российских спортсменов. Наличие большего количества респондентов, не поддерживающих идею натурализации, среди представителей старших возрастных групп может быть объяснено влиянием советских институтов политической социализации на формирование мировоззрения респондентов. В целом, отношение россиян к натурализации российских спортсменов после ЗОИ в Сочи в значительной степени зависело от результатов выступления российской сборной. Победа России в общекомандном медальном зачете сформировала лояльность россиян по отношению к победам соотечественников, выступающих за другие национальные команды.

Сравнительный анализ результатов опросов позволяет сделать вывод о тенденции изменения отношения россиян к натурализации спортсменов, произошедшей на фо-

не успешного выступления натурализованных спортсменов за сборную России. Наблюдается неуклонное увеличение лояльности респондентов к вопросу натурализации как иностранных, так и российских спортсменов. При демонстрации эмоциональной связи со спортсменом респонденты склонны выражать свое отношение через положительные категории (гордость, нормально), отдавая им предпочтение перед негативными (обида, ненормально). На наш взгляд, наличие эмоциональной связи является следствием стремления респондентов идентифицировать себя с успешным спортсменом-победителем. В связи с этим национальная идентичность может рассматриваться как гибкая категория, подверженная трансформации в зависимости от спортивного успеха. Если победы добивается натурализованный спортсмен, выступающий за сборную России, то респондент идентифицирует его/ее как «своего» на основе самого факта выступления за российскую команду. Если победы добивается натурализованный российский спортсмен, то идентификация спортсмена-победителя как «своего» происходит на основе общего происхождения.

Заключение

«Победителей не судят» — слова, приписываемые российской императрице Екатерине II, как нельзя точно отражают контекст ЗОИ в Сочи с точки зрения раскрытия связи между натурализацией спортсмена и процессом конструирования национальных идентичностей. Избежать рисков, связанных с ослаблением эмоциональной связи между болельщиком и натурализованными спортсменами, удалось вследствие решающего вклада в общекомандную победу сборной России спортсменов, получивших российское гражданство незадолго до ЗОИ в Сочи и ставших, благодаря СМИ, героями не только российской национальной команды, но и страны в целом.

Таким образом, беспрецедентный для отечественной практики акцент на интернационализацию олимпийской команды России дал положительный эффект. Привлечение высококвалифицированного иностранного труда позволило извлечь идеологическую выгоду за счет позиционирования спортивных побед в качестве демонстрации сплоченности и силы нации. В связи с этим представляется логичным рассмотрение натурализации спортсменов как одного из проявлений инструментального значения спорта для конструирования национальных идентичностей. Учитывая центральную роль руководства страны в управлении мегасобытиями, связь спорта и национального строительства в контексте крупнейших спортивных форумов представляется достаточно устойчивой.

Тем не менее, стратегия привязки элементов конструирования национальной идентичности к спортивным победам, достигаемым за счет интернационализации национальной команды, представляется уязвимой. В случае отсутствия спортивного успеха, который в силу специфики спортивной борьбы не гарантирован, натурализация спортсменов может быть расценена как слабость нации, не способной конкурировать в спорте за счет собственных ресурсов. В этом случае вектор общественных настроений в вопросе натурализации может резко поменяться на негативный, а тесная ассоциация результатов спортсменов с работой национального правительства может обернуться снижением лояльности к осуществляемому политическому курсу.

Литература

1. *Карбаинов Н.* Конфликт собственности в олимпийском Сочи: победители и проигравшие // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5. С. 87–107.
2. *Пасынкова В., Карбаинов Н.* Спортивные мегасобытия: междисциплинарный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5. С. 5–7.

3. Пасынкова В. Олимпийские игры в процессе глобальной споризации: сравнительный анализ мегасобытий. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5. С. 54–70.
4. Тев Д. Олимпийские заявочные кампании Москвы и Сочи: особенности элитных коалиций (на фоне западного опыта) // Власть в России: элиты и институты : материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2009. С. 185–219.
5. Bairner A. *Sport, Nationalism and Globalization: European and North American Perspectives*. Albany NY: State of New York University Press, 2001. 207 p.
6. Chiba N., Ebihara O., Morino S. (2001). *Globalization, Naturalization and Identity: the Case of Borderless Elite Athletes in Japan* // *International Review for the Sociology of Sport*. 2011. № 36(2), 202–221.
7. Cho Y. 2009. *Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics*. *Media, Culture & Society*. 2009. № 31(3). P. 347–364.
8. Gorokhov V. *Forward Russia! Sports mega-events as a venue for building national identity* // *Nationalities Papers*. 2014. Forthcoming.
9. Müller M. *State Dirigisme in Megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi* // *Environment and Planning*. 2011. № 43(9). P. 2091–2108.
10. Roche M. 2000. *Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture*. London and New York : Routledge, 2000. 308 p.

References

1. Karbainov N. *Conflict over Property Rights in Olympic Sochi: Winners and Losers* [Konflikt sobstvennosti v olimpiiskom Sochi: pobediteli i proigravshiy] // *The Journal of Sociology and Social Anthropology* [Zhurnal Sociologii i social'noi antropologii]. 2013. № 5. P. 87–107.
2. Pasyukova V. Karbainov N. *Sport mega-Events: an Interdisciplinary Approach* [Sportivnye mega-sobytiya: mezhdisciplinarny podkhod] // *The Journal of Sociology and Social Anthropology* [Zhurnal Sociologii i social'noi antropologii]. 2013. № 5. P. 5–7.
3. Pasyukova V. *Olympic Games in the global sportization process: a comparative analysis of mega-events* [Olimpiiskie lgy v protsesse global'noi sportizatsii: sravnitel'nyi analiz mega-sobytiy] // *The Journal of Sociology and Social Anthropology* [Zhurnal Sociologii i social'noi antropologii]. 2013. № 5. P. 54–70.
4. Tev D. *Moscow and Sochi Olympic bid campaigns: specific traits of elite coalitions (in the face of the western experience)* [Olimpiiskiy zayavochnyy kampanii Moskvy i Sochi: osobennosti elitnykh koalitsiy] // *Power in Russia: elite and institutions. Materials of the seventh all-Russian seminar "Sociological problems of power institutions under transformation in Russia"* [Vlast' v Rossii: elity i instituty: Materialy sed'mogo Vserossiiskogo seminar "Sociologicheskiye problem institutov vlasti v usloviyakh rossiiskoi transformatsii"] / ed. by A. V. Duka SPb. : Intersocis P. 185–219.
5. Bairner A. *Sport, Nationalism and Globalization: European and North American Perspectives*. Albany NY: State of New York University Press, 2001. 207 p.
6. Chiba N., Ebihara O., Morino S. (2001). *Globalization, Naturalization and Identity: the Case of Borderless Elite Athletes in Japan* // *International Review for the Sociology of Sport*. 011. № 36(2). P. 202–221.
7. Cho Y. 2009. *Unfolding sporting nationalism in South Korean media representations of the 1968, 1984 and 2000 Olympics*. *Media, Culture & Society*. 2009. № 31(3). P. 347–364.
8. Gorokhov V. *Forward Russia! Sports mega-events as a venue for building national identity* // *Nationalities Papers*. 2014. Forthcoming.
9. Müller M. *State Dirigisme in Megaprojects: Governing the 2014 Winter Olympics in Sochi* // *Environment and Planning*. 2011. № 4 (9). P. 2091–2108.
10. Roche M. 2000. *Mega-Events and Modernity: Olympics and Expos in the Growth of Global Culture*. London and New York: Routledge. 2000. 308 p.

Мистицизм в свете русской философии

Александров Владимир Борисович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры философии и культурологии
 Доктор философских наук, профессор
 vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуются основания мистического видения мира, а также формы сознания, в рамках которых оно оказывается возможным. Рассмотрение этих вопросов ведется на основе тех идей, которые были высказаны по данной теме в русской религиозной философии. Основным положением, в свете которого рассматривается мистическая интуиция, является принцип несоизмеримости мистической интуиции и науки, означающий невозможность выразить мистические озарения научными средствами. В статье проводится мысль о том, что существуют культурные традиции, в особой степени ориентированные на мистическое миропонимание. К числу таковых относится русская культурная традиция. Ее характерной чертой, обуславливающей внимание к теме мистики, является укоренение знания не в практической деятельности человека, как это утверждается в школьной философии, а в целостности жизни, ради которой только и имеет смысл его познавательная деятельность.

На основе анализа идей русских философов определяются три основные формы сознания, в которых может существовать мистическая интуиция. К их числу относятся религия, философия, искусство.

В статье говорится, что философские интуиции, которые, как отмечалось, могут включать в себя мистическое переживание мира, нередко опережают свое время. Благодаря этому они стимулируют научное познание, задавая тот горизонт, к которому наука может стремиться, но достигнуть которого ей по самой ее природе не суждено. Стремясь к этому горизонту, наука формулирует идеи, могущие иметь не только сугубо научный статус, но и мировоззренческий смысл, связывающий их с новыми культурными обстоятельствами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мистицизм, мистическая интуиция, религия, философия, наука, искусство

Alexandrov V. B.

Mysticism in the Light of the Russian Philosophy

Aleksandrov Vladimir Borisovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of Chair of Philosophy and Cultural Science
 Doctor of Science (Philosophy), Professor
 vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article the bases of mystical vision of the world, and also a consciousness form within which it is possible are investigated. Consideration of these questions is conducted on the basis of those ideas which were stated on this subject in the Russian religious philosophy. A basic position in the light of which the mystical intuition is considered, the principle of an incommensurability of mystical intuition and science meaning impossibility to express mystical inspirations scientific means is. In article the thought of that is carried out, there are cultural traditions in special degree focused on mystical outlook. The Russian cultural tradition is among those. Its characteristic feature causing attention to a mysticism subject is rooting of knowledge not in practical activities of the person as it is approved in school philosophy, and in integrity of life for the sake of which only and its cognitive activity makes sense.

On the basis of the analysis of ideas of the Russian philosophers three main forms of consciousness in which there can be a mystical intuition are defined. The religion, philosophy, art belong to their number.

In article it is noted that philosophical intuitions which as it was noted, can include mystical experience of the world, quite often advance the time. Thanks to it they stimulate scientific knowledge, setting that horizon to which the science can aspire, but to reach which she by its nature isn't fated. Aspiring to this horizon, the science formulates the ideas able to have not only especially title, but also the world outlook sense connecting them with new cultural circumstances.

KEYWORDS

mysticism, mystical intuition, religion, philosophy, science, art

В литературе последних лет обозначилось два способа отношения к мистицизму как особой форме духовной жизни человека. Первый из них, продолжающий традицию, сформировавшуюся в советской философии, состоит в том, что мистицизм противопоставляется «здоровому сознанию», ориентированному на научное миропонимание. Ему приписывается деструктивная социальная роль фактора, выбивающего человека из реальной жизни, и даже парализующего или, по крайней мере, подавляющего его жизненную активность. Важнейшим мотивом введения в учебные планы высших учебных заведений курса «Концепции современного естествознания», было преодоление «загрязнения» сознания молодых людей разного рода «интеллектуальным мусором», среди которого не последнее место отводится мистицизму. Его должно вытеснить мировоззрение, основанное на достижениях естественных наук, поскольку только люди, обладающие такого рода мировоззрением, «могут, с одной стороны, успешно противостоять догматическому мышлению, а с другой, тому, что можно было бы назвать интеллектуальным анархизмом» [2, с. 4].

Другой способ отношения к мистицизму, наметившийся в последние годы, в том числе и среди авторов, работающих в области естественных наук, состоит в признании права мистицизма на наличие, как мировоззрения, сохранявшегося в сознании человечества на всем протяжении его существования. Некоторые из них даже полагают необходимым наведение мостов между мистикой и наукой. К сожалению, подобное «мостостроительство» обычно грешит непониманием сути проблемы, которая коренится в принципиальной несоизмеримости научной рациональности и того, что называется мистической интуицией. Иллюстрацией данного обстоятельства может стать попытка, осуществленная в этом направлении физиком М. Б. Менским, чей профессионализм в области физики засвидетельствовал во введении к его книге лауреат Нобелевской премии В. Л. Гинзбург. Программой установкой, определившей ход его размышлений, можно считать следующий фрагмент: «Для представителя науки соблазнительно вообще исключить из рассмотрения сферу человеческой мысли, так или иначе связанную с религией, верованиями, мистическими учениями, объявив ее ненаучной, т. е. недостоверной. Однако вряд ли можно так легко отмахнуться от того, что существует тысячелетия и представляет, быть может, наиболее устойчивое явление в сфере духовной жизни человека. Скорее всего, такая устойчивость указывает на то, что все эти ненаучные направления опираются на нечто реально существующее, хотя для более сильного эмоционального воздействия реально существующее часто облекается в них в сказочную форму» [3, с. 223].

Для того чтобы объяснить необычные явления в области психики, относимые к ненаучным формам познания, М. Б. Менский предлагает использовать идеи, развитые в квантовой механике. В частности, истоки мистицизма он видит в проблеме

измерения, с которой столкнулась квантовая механика. Суть этой проблемы, как известно, состоит в невозможности провести границу между исследуемым квантовым объектом, прибором и сознанием исследователя. Истолковывая эту проблему в духе так называемой многомировой интерпретации, предложенной в 50-е гг. физиком Эвереттом, Менский полагает возможным продвинуться в направлении естественнонаучного истолкования не рационализируемых явлений человеческой психики.

Согласно этому подходу, сознание осуществляет выбор из альтернатив, задаваемых квантово-механическим описанием и являющихся равноправными. В результате этого выбора в сознании наблюдателя формируется картина лишь одного из миров, который в итоге оказывается классическим. Сознание оказывается в рамках такого подхода разделением альтернатив и таким образом формирует мир исследователя. Названный подход, по мнению автора, позволяет объяснить необычные явления в области психики, которые играют центральную роль в ненаучных формах познания духовной жизни человека, в том числе и тех, которые определяются как мистические. Их «физический механизм» состоит в том, что в особых состояниях индивидуальное сознание получает доступ к квантовому миру за рамками одной классической проекции. Так, например, по словам автора, «„потусторонний мир“ может оказаться не чем иным как квантовым миром, в который человек способен заглянуть, лишь находясь в особом состоянии между сознанием и отсутствием сознания» [3, с. 218].

Это размышление является (при всей его научной оснащенности) красноречивой иллюстрацией того обстоятельства, что понимание природы мистики не является «делом науки». Конечно, заслуживает внимания попытка преодоления исключительно негативистского отношения к теме мистики. Однако за попыткой «наведения мостов» стоит главный недостаток естественнонаучного подхода, заключающийся в неспособности выразить *смысловые* особенности мистических озарений. Это, между прочим, чувствует и сам автор, неожиданно замечая, что то, что он называет сознанием, можно скорее обозначить как ощущение [см. : 3, с. 187].

В противовес высказанным выше идеям физика приведем пример совершенно иного способа мышления, который демонстрирует выдающийся русский философ В. В. Розанов. Рассуждая о тайне пола, который понимается им как «физиолого-мистическое явление», Розанов замечает, что как бы глубоко не уходило познание в структуры материального мира, рано или поздно придется сталкиваться с такими точками, которые «рационально-материалистически» не объяснимы. «Эмбриологи, — пишет он, — замечают, что в важнейшие секунды процесса развития живого существа и в важнейших точках, где сосредоточено это развитие, происходит *помутнение*: процесс двигался расчлененно, прозрачно; он будет далее двигаться столь же прозрачно и расчлененно, но на критической точке, в критическом переломе вдруг появится *мутность*, и все силы микроскопа и острота скальпеля или иголки оказываются неприменимы» [5, с. 240–241].

В данном случае не имеет значения весьма приблизительное знакомство философа с биологическим материалом, художественно-метафорическое определение критических точек как «помутнения». Главное заключается в присутствии философу *видении*, суть которого — в поиске не покрываемых рациональным мышлением в рамках биологии скрытых оснований таких эмерджентных скачков. Причем эти основания не представляют собой нечто такое, что, являясь на данный момент не познанным, в ходе дальнейшего познания может быть постигнуто средствами научной методологии («силами микроскопа и остротой скальпеля»). Тайна пола, понимаемого как «физиолого-мистическое явление», имеет совершенно иную природу, нежели тайна тех явлений и процессов, которые постигает наука. Суть ее — в некоторых смыслах, соотнесенных со смысловыми началами существования мира,

о которых научное мышление просто не говорит и, по сути дела, исключает эту тему из предметов своего рассмотрения. Именно такое видение отличает мышление русского философа от рассмотренного выше подхода представителя физической науки.

Можно, конечно, сколь угодно энергично третировать данный подход как обскурантистский, однако никуда не деться от того обстоятельства, что перед человеком во все эпохи так или иначе вставал вопрос о существовании иной, трансцендентной, реальности, в которой закодированы смыслы жизненного мира человека и связь с которой не может осуществляться исключительно силами рассудка. Более того, можно сказать, что существуют культурные традиции, органически включающие в себя подобную мировоззренческую установку.

Одной из наиболее мощных и выразительных культурных традиций, ориентированных на мистическое миропонимание, является русская культурная традиция. Ее характерной чертой, обуславливающей внимание к теме мистики, является идея укоренения знания не в практической деятельности человека, как это утверждает в школьной философии, а в целостности его жизни, ради которой только и имеет смысл познавательная деятельность.

Такая установка естественным путем приводит к идее цельности применительно к познанию и означает признание ограниченности рассудочного познания, основанного на логике и эксперименте, требуя такого способа постижения мира, который бы основывался на единстве всех духовных сил человека. При этом данная установка, как подчеркивают ее авторы, указывает на необходимость осознания границ, определяющих возможности рассудка, но ни в коем случае на принижение разума, понимаемого как инстанция, в которой может быть достигнуто «сочувственное согласие с верой», соединение «восторженного чувства», «эстетического смысла», «любви сердца» и т. п. Подобное объединение всех сил и способностей человеческого духа будет, по мнению русских философов, означать не принижение, но возвышение разума. «Это возвышение, — писал И. В. Киреевский, — заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия; чтобы он не признавал своей отвлеченной логической способности за единственный орган разумения истины» [1, с. 466].

Логическое, рациональное является не итогом, целью или завершением познания; оно выступает только лишь как ступень к подлинному знанию. Развивая приведенную выше точку зрения, Киреевский утверждает, что «все ложные выводы рационального мышления зависят только от его притязания на высшее и полное познание истины. Если бы оно создало свою ограниченность и видело в себе одно из орудий, которыми познается истина, а не единственное орудие познания, тогда и выводы свои оно представило бы как условные и относящиеся единственно к его ограниченной точке зрения» [1, с. 473]. Аналогично рассуждает А. С. Хомяков, говоря о существовании «внутреннего сознания», которое гораздо шире логического, «о неспособности чисто рассудочной образованности понимать живые явления» [11, с. 110], которые, по его убеждению, «не могут быть поняты умом, воспитанным иноземною мыслию и закованным в иноземные системы» [11, с. 110]. Этот поход против определения рассудка как итоговой ступени познания и ощущение потребности в целостном понимании мира, строго говоря, не являются исключительным достоянием русской философии и, по-видимому, выражают формирующуюся в эту эпоху потребность выйти за рамки рационалистического миропонимания, свойственного эпохе Просвещения. Напомним, что на половину столетия раньше русских мыслителей поставила способность давать принципы понимания мира как целого, над притязаниями рассудочного познания, уже пытался И. Кант в своем учении о разуме и его антиномиях.

Понятое таким образом познание не отрицает опыт как основу познавательной деятельности, но понимает его принципиально иным образом, нежели это происходит в теориях познания, трактующих познание в духе эмпиризма. Если «для английского эмпиризма опыт равнозначен чувственной очевидности», — замечает С. Л. Франк, то для русского опыт «в конечном счете, то, что понимается под жизненным опытом. Что-то «узнать» — означает приобщиться к чему-либо посредством внутреннего осознания и сопереживания» [10, с. 476]. Познание предполагает «внутреннее свидетельство бытия», которое «есть вера — не в обычном смысле слепого необоснованного допущения, а в смысле и совершенно непосредственной очевидности, мистического проникновения в самое бытие» [10, с. 478]. Соответственно, результатом познания должно стать не отображение предметов такими, какими они существуют «сами по себе», а постижение их как условия полноты жизни человека, как «живое знание», которое «носится над выражением мысли, и сообщает ей смысл» [1, с. 479].

Истоки такого подхода русские философы находят в культурной традиции, сформировавшейся в древней Руси. На этом пути первые славянофилы заходят настолько далеко, что начинают противопоставлять научному прогрессу донаучное мифолого-магическое сознание, свойственное древнерусской культуре. Так рассуждает А. С. Хомяков, критикующий «иноземные системы, не имеющие ничего общего с началами нашей древней духовной жизни и нашего древнего просвещения» [11, с. 110], точно также высказывается и Киреевский, требующий сохранения начал древнерусской образованности, которая требует «подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума» [1, с. 480]. Подобное противопоставление может показаться наивным, однако нельзя не видеть в нем тревожного чувства опасности, исходящей из претензий науки на абсолютную суверенность в процессе постижения мира и ее нежелания находить пути к диалогу с вненаучными формами духовной жизни человека. Думается, что данное чувство во многом коренится в архетипических слоях русской культуры, в которых закодирован коллективный опыт целостного единства практического, познавательного и нравственного освоения природной и социальной действительности.

Говоря с позиций сегодняшнего дня, следует, видимо, отметить, что было бы неправомерным обесмысливать стремление русских философов к наполнению знания жизненным началом, не выражаемым, как принято сегодня говорить, в сугубо рассудочном дискурсе. Точно так же, конечно, было бы неправомерным и наивным отрицать значение науки в постижении тех явлений, которые отражались в «цельном сознании верующего разума» в древнерусской культуре и тех, которые для него просто не существовали. Продуктивный и достаточно очевидный выход из данного противоречия заключается в диалектическом понимании движения человеческого духа, в котором происходит развитие взаимодействия рационального и ценностно-смыслового видения реальности, укоренного во вненаучном опыте человека, которое составляет во все времена некоторый «неформализуемый остаток». По этому поводу напрашивается аналогия с теоремой Геделя, согласно которой для любых формальных систем можно высказать утверждения, которые в рамках данной системы нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить.

Данное мироощущение нашло свое развитие в философии мистицизма В. С. Соловьева. Его главная мировоззренческая установка заключалась в том, что мистицизм является высшей формой постижения мира, направленной на постижение истинного сущего, в качестве которого выступает «сверхкосмическое и сверхчеловеческое начало, и притом не в образе только отвлеченного принципа (каким оно является, например, в картезианском и вольфовском деизме), а со всей полнотой его живой действительности» [7, с. 191]. Мы видим, что для Соловьева мистическое имеет вполне определенный онтологический смысл, который он раскрывает через

идею сверхкосмического начала, понимаемого «со всей полнотой его живой действительности».

Провозглашение существования «сверхкосмического» начала тут же сталкивается с проблемой, как и в каком виде может быть осуществлено его постижение; как тайное, невыразимое может быть выражено в доступных для человека формах знания. Это важнейшее противоречие, которое, так или иначе, должно быть преодолено философией, признающей мистицизм высшей формой духовного освоения действительности. Строго говоря, тайное потому и является тайным, что человеческий разум не обладает способностью его выражения. Доступные человеку средства позволяют ему указать на существование тайного, но не раскрыть его подлинного содержание.

В этом плане примечательны комментарии В. В. Розанова к высказываниям Л. Н. Толстого в связи с его отлучением от Церкви. Как известно, великий писатель утверждал, что в церковных таинствах нет смысла, и что поэтому он их не понимает. По этому поводу Розанов замечает: «Кто же их понимает? И не от того ли они получили имя «тайнств», «тайн», «непостижимого», — что стоят *вне* разума? Может быть, не *выше*, не *ниже*, но просто — *вне!*» [5, с. 257].

Согласно философии мистицизма, к тайному человек приобщается через некоторые, невыразимые средствами разума, глубинные уровни сознания, в которых заложено субстанциональное и генетическое единство сознания и того, что называется тайной. Путь к тайне возможен через погружение в собственное сознание, которое известный философ-мистик XX в. Ф. Меррел-Вольф, называет интроцепцией, понимаемой им как обращение потока внимания к своему истоку, в ходе которого происходит прекращение процесса самообъективации [4, с. 216–217]. В результате этого процесса тайное представляется субъекту не в форме знания, а в форме переживания, своеобразного внутреннего чувства.

Но если тайное, являющееся делом мистики, невыразимо в логике понятий, то естественным образом возникает вопрос о том, в чем может состоять значение тайн, мистических озарений по их поводу для познания мира средствами разума. Думается, что дело заключается в том, что тайны, не выразимые разумом, являются своеобразным тревожащим его началом, которое исподволь формирует познавательные интенции. Мистическое указывает на некие волнующие темы, по отношению к которым должно определиться научное познание. Тайное выступает в качестве некоторого мотива, неясного образа, который разум стремится выразить в приемлемых для него формах и это стремление есть бесконечное движение к недостижимому горизонту.

Это волнующее стремление мобилизует все силы, присущие человеческому духу, в частности, наряду с мыслительной способностью оно захватывает эстетическое и этическое переживание мира. Продолжая линию русских славянофилов, Соловьев со всей определенностью утверждает, что «истина не заключается ни в логической форме познания, ни в эмпирическом его содержании, вообще она не принадлежит к теоретическому знанию в его отдельности или исключительности — такое знание не есть истинное. Знание же истины есть лишь то, которое соответствует воле блага и чувству красоты» [7, с. 191].

Решая вопрос о смысле познавательного процесса, Соловьев призывает к тому, чтобы истинная философия осуществила тесный синтез «между тремя ее направлениями: мистицизмом, рационализмом и эмпиризмом» [6, с. 193]. Отвлеченное мышление, которое рассматривалось как высшая форма, в которой происходит познание мира, еще не гарантирует достижения истины. Такое мышление есть «переходное состояние человеческого ума, когда он достаточно силен, чтобы освободиться от власти чувственного восприятия и отрицательно отнестись к нему, но еще не в состоянии овладеть идеей во всей полноте и цельности ее действительного объективного бытия» [7, с. 204].

Специфику мистического постижения мира он поясняет примером постижения сущности человека. «В общем понятии „человек“, — пишет Соловьев, — во-первых, заключается отрицание частной индивидуальности, того или иного человека в отдельности, а во-вторых, утверждение их в некотором новом, высшем единстве, которое их всех обнимает, но вместе с тем имеет свою особенную, независимую от них объективность; но самой этой объективности, самого содержания высшего единства, или самой положительной идеи человека, общее понятие о нем не дает» [7, с. 204]. Эту идею может открыть только *мистическая интуиция*, которая занимается «не внешним порядком явлений, а внутренним порядком существ и их жизни, который определяется их отношением к существу первоначальному» [7, с. 192]. Однако это отношение к существу первоначальному является невыразимым в полной мере, как невыразима природа самого этого существа, о чем, кстати, справедливо говорит апофатическое богословие. Это означает, что тема человека, как и другие ключевые мировоззренческие темы, навсегда останется темой открытой и неисчерпаемой силами разума.

Здесь возникает вопрос о том, в каких формах сознания может найти свое выражение мистическая интуиция, указывающая на существование скрытых смысловых основ мира. На наш взгляд, таких форм три — религия, философия и искусство. В определенной степени указание на это обстоятельство содержится в размышлениях Соловьева.

В качестве важнейшей формы мистической интуиции, благодаря которой возможно цельное знание, выступает религиозно-мистическая интуиция, выступающая тем источником света, благодаря которому возможно подлинно истинное, а значит, цельное знание. По его мнению, цельное знание есть синтез науки не только с философией, но и с религией. «Осуществление этого *универсального синтеза* науки, философии и религии... должно быть высшею целью и последним результатом умственного развития. Достижение этой цели будет восстановлением совершенного внутреннего *единства умственного мира*» [6, с. 122].

Однако мистическая интуиция не является прерогативой религиозного мышления. Мистический характер носят и философские интуиции, которые обычно определяются как интуиции интеллектуальные. Таковы великие интуиции Гераклита о Логосе, Платона о мире сущностей, каковым выступает мир идей, Гегеля об абсолютной идее, Шопенгауэра о мировой воле и пр. В связи с этим можно вспомнить одно из наиболее точных определений мистического, которое мы находим у В. В. Розанова. «Мы называем им, — пишет он, — прежде всего неясное; но такое — в чем мы чувствуем глубину, хотя и не можем ее ни доказать, ни исследовать; далее, мистическим мы называем то, в чем подозреваем отблеск — косой, преломившийся луч Божеского; и, наконец, то, в чем отгадываем первостихийное, первожданное по отношению ко всем вещам» [5, с. 227]. В этом суждении привлекает внимание последняя позиция, согласно которой наряду с отблеском Божеского, к мистическому должно быть отнесено и то, чем всегда, так или иначе, занималась философия — «первожданное по отношению ко всем вещам». Философские интуиции о началах мира могут получать рациональные пояснения в логике понятий. Однако сам характер взаимоотношения этих начал с материальным миром остается рационально невыразимым и тем самым имеющим мистическую природу. Как Логос управляет миром, как вещи могут приобщаться к идеям, как абсолютная идея переходит в свое инобытие — все это темы мистической интуиции, а не рациональной аргументации. Именно эта сторона мировоззренческих идей является по своей сути мистической и наполняет мистицизмом фундаментальные мировоззренческие принципы.

Непраздным для русских философов является вопрос том, что делает возможным философскую интуицию. Согласно Соловьеву, — это вдохновение, которое он опре-

деляет как «действующее или непосредственно определяющее начало истинно философского познания» [7, с. 207]. Вдохновение он понимает в духе платонизма как действие на нас «идеальных существ, производящее в нас умосозерцательное познание (и творчество) их идеальных форм или идей». Если попытаться обойтись без реминисценций из области идеалистической философии, то можно сказать, что вдохновение является следствием переживания скрытой, непосредственно не данной гармонии окружающего мира в его цельности, существующего в виде некоторых паттернов. Эти переживания не могут быть поняты на путях обобщающего познания, их истоки коренятся в глубинах исторического опыта человечества.

Еще одной сферой проявления мистической интуиции является художественное творчество, которое не может ограничиться свойственными науке средствами — наблюдением и обобщением, поскольку они не могут выступить в качестве главного пути, ведущего к рождению художественной идеи. «Как наблюдение, так и отвлечение или обобщение, — замечает Соловьев, — необходимы для разработки художественных идей, но не для их создания» [7, с. 205]. Развитие этой мысли содержится в ниже приведенном фрагменте. «Всякому известно, что отвлеченная рассудочность, так же, как и рабское подражание действительности, суть одинаковые недостатки в художественном произведении; всякому известно, что для истинно художественного образа или типа необходимо внутреннее соединение совершенной индивидуальности с совершенной общностью или универсальностью, а такое соединение и составляет существенный признак или определение настоящей умосозерцаемой идеи в отличие от отвлеченного понятия, которому принадлежит только общность, и от частного явления, которому принадлежит только индивидуальность» [7, с. 205]. «Мистичность» художественной интуиции связана с тем, что она пытается выйти за пределы чувственной данности в мир смыслов, который открывается ей в переживании мира как имеющего некоторое «сверхкосмическое» начало. Тем самым, в отличие от интеллектуальной интуиции, она, по сути дела, выводит сознание человека за пределы непосредственно данного чувственного мира.

Наиболее глубоко это мироощущение проявляется в поэзии, которая по самой своей сути является стремлением вырваться за границы рассудочной повседневности. Выдающимся примером подобного стремления является творчество одного из самых мистических поэтов в русской культуре — Федора Ивановича Тютчева. Многие из созданных им стихотворений являются свидетельством напряженного переживания загадки мироздания. Это переживание выражается то в чувстве мировой гармонии, то в ощущении трагичности и чуждости того мира, в который непонятными силами оказался заброшенным человек.

Одно из таких выдающихся стихотворных произведений — «О чем ты воешь, ветр ночной». Оно погружает читателя в нерационализируемые глубины целостного ощущения мироздания, корнящегося в невыразимых в логике понятий архетипических пластах человеческой души:

О чем ты воешь, ветр ночной?
 О чем так сетуешь безумно?
 Что значит странный голос твой,
 То глухо жалобный, то шумно?
 <...>
 О, страшных песен сих не пой
 Про древний хаос, про родимый!
 Как жадно мир души ночной
 Внимает повести любимой!

Выражение подобного чувства мироздания не является делом науки. Оно представляет собой мистическое переживание мира, в котором находит себя человек.

На пути прорыва к этому мистическому единению с миром стоят разум и свобода человека.

<...>

Невозмутимый строй во всем
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?¹

Непостижимость и окончательная невыразимость тайны мироздания могут заставить усомниться в ее существовании. Это сомнение поэт выразил в одном из поздних своих стихотворений — «Природа — сфинкс...», которое, по-видимому, свидетельствовало о том душевном надрыве, который порождает напряженное устремление к мистическому единению с миром. Тайна остается тайной.

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Мистическая интуиция, свойственная художественному творчеству, так же, как и философская интуиция, укоренена в жизненном опыте человека. Однако, в отличие от нее, она добавляет в поиск тайного эмоциональную наполненность и конкретность переживаний. По замечанию В. С. Соловьева, «...Философская интуиция значительно уступает в яркости и интенсивности интуиции художественной, превосходя ее универсальностью содержания» [7, с. 206].

Таким образом, в русской философии выражено глубокое чувство несоизмеримости человеческого разума и реальности. Картезианская рационалистическая установка о подобии структуры мышления и законов действительности, гарантированная Богом, уступает место представлению о том, что познавательная деятельность человеческого рассудка, осуществляемая наукой, по самой своей сути заключена в границы того мира, который дан человеку в его практическом опыте и не выводит в сферу трансцендентного. Между тем человеку в его жизни приходится иметь дело с такими феноменами, которые не могут быть рационально выражены. Достаточно вспомнить знаменитые темы кантовского удивления: звездное небо над головой и нравственный закон в нас. И проблема бесконечности, и проблема непостижимой силы нравственного повеления не разрешимы для человека — существа с «геоцентрическим» опытом, помнящего о конечности своего индивидуального бытия.

Неслучайно Л. Витгенштейн, один из выдающихся философов XX в., заметил, что мировоззренческие вопросы вызывают мысленные судороги. Во избежание этого состояния все идеи и модели сциентистского мировоззрения явно или неявно растворяют бесконечность в моделях, взятых напрокат из земного классического мира, а человеческое поведение в несложной бихевиористской зависимости — стимул-реакция. Мистицизм идет другим путем. Он фиксирует тайну и благодаря этому постоянно ставит научное мышление перед барьером, за которым начинается невыразимое. Это пребывание перед барьером имеет весьма значительные следствия и для самой науки, стимулируя рефлексию над своими возможностями и осознание неправомочности претензий на тотальное понимание мира.

¹ Тютчев Ф. И. «Певучесть есть в морских волнах...»

Мистическая интуиция, конечно, не дает знания «на самом деле». Она — способ эмоционально наполненного, открытого беспредельности бытия человека, наполняющий его жизнь смыслами. Нельзя не согласиться с тонким замечанием В. В. Розанова о том, что «мистическое не столько есть в природе, сколько заключается в человеке». [5, с. 227]. Оно есть способ видения происходящего в мире, побуждающий за процессами, истолковываемыми вполне материалистически и физически, видеть скрытые смыслы. Розанов поясняет это следующим примером: «ушиб камнем — не мистичен, конечно, но смерть от него последовавшая, — вполне мистична. Она мистична как акт, и даже мистична как момент в судьбе человека, как его возможное наказание за грех» [5, с. 227]. Через подобное наполнение смыслами своего жизненного опыта человек «конструирует» свое глубокое бытийственное единство с миром, имеющее корни в дальних пластах исторического опыта, в котором всегда неразрывно связаны рациональное и невыразимое в формах разума.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Философские интуиции, которые, как отмечалось, могут корениться в мистическом переживании мира, нередко опережают свое время. Произрастая из жизненного опыта конкретного мыслителя, погруженного в определенную культурную традицию, они неожиданно оказываются востребованными иным опытом, на первый взгляд не связанным с данной традицией и формирующимся за ее пределами. Благодаря этому философские интуиции стимулируют научное познание, задавая тот горизонт, к которому наука может стремиться, но достигнуть которого ей по самой ее природе не суждено. Стремясь, сознательно или неосознанно, к пределу, задаваемому мистической интуицией, наука формулирует идеи, имеющие не только сугубо научный статус, но и мировоззренческий смысл, связывающий их с новыми культурными обстоятельствами. К числу таких идей можно отнести антропный принцип, согласующий появление человека с развитием Вселенной, образ постнеклассической науки, формирующей, по словам В. С. Степина, новый тип рациональности, предполагающий «соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [8, с. 188]. В этих идеях прослеживается стремление науки освоить территории, лежащие за пределами чувственно данной реальности. Но все они, так или иначе, остаются в поле научной рациональности, останавливающейся перед границей, за которой находится поле мистических переживаний, онтологический эквивалент которых остается неустановимым.

Литература

1. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии. Избранные сочинения. / А. С. Хомяков, И. В. Киреевский М., 2010.
2. Концепции современного естествознания : учебник для вузов / В. Н. Лавриненко, В. П. Ратников, Г. В. Баранов [и др.] ; под ред. проф. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. М., 1999.
3. Менский М. Б. Человек и квантовый мир. Фрязино. 2005.
4. Меррел-Вольф Ф. Пробуждение в Сверхсознании: гносеология как путь в иные измерения. М., 2009.
5. Розанов В. В. Религия и культура // Религия. Философия. Культура. М., 1992.
6. Соловьев В. С. Кризис западной философии (против позитивистов). Сочинения в двух томах, Т. 2. М., 1988.
7. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. Сочинения в двух томах, Т. 2. М., 1988.
8. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
9. Тютчев Ф. И. Лирика. М., 2010.
10. Франк С. Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества. М. 1992.
11. Хомяков И. С. Мнение русских об иностранцах. Избранные сочинения / А. С. Хомяков, И. В. Киреевский М., 2010.

References

1. Kireevsky I. V. *On the need and possibility of the new beginnings for philosophy* [O neobkhodimosti i vozmozhnosti novykh nachal dlya filosofii] // Khomyakov A. S., Kireevsky I. V. Chosen compositions. M, 2010.
2. *Concepts of modern natural sciences* [Kontseptsii sovremennoego estestvoznaniya]: the textbook for higher education institutions / V. N. Lavrinenko, V. P. Ratnikov, G. V. Baranov [etc.] ; under the editorship of the Prof. V. N. Lavrinenko, V. P. Ratnikov. M., 1999.
3. Mensky M. B. *The Person and quantum world* [Chelovek i kvantovyi mir]. Fryazino. 2005.
4. Merrel-Wolf F. *Awakening in Superconscious: Gnoseology as way to other measurements* [Probuzhdenie v Sverkhsoznanii: Gnoseologiya kak put' v inye izmereniya]. M., 2009.
5. Rosanov V. V. *Religion and culture* [Religiya i kul'tura] // V. V. Rosanov Religion. Philosophy. Culture. M, 1992.
6. Solovyov V. S. *Crisis of the western philosophy (against positivists)* [Krizis zapadnoi filosofii (protiv pozitivistov)] // V. S. Solovyov. Compositions in two volumes., V. 2, M., 1988.
7. Solovyov V. S. *Philosophical beginnings of integral knowledge* [Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya] // Solovyov V. S. Compositions in two volumes. V. 2, M., 1988.
8. Stepin V. S. *Philosophy anthropology and philosophy of science* [Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki]. M., 1992.
9. Tyutchev F. I. *Lyrical* [Lirika]. M, 2010.
10. Frank S. L. *Russian outlook* [Russkoe mirovozzrenie] / Frank S. L. Spiritual bases of society. M., 1992.
11. Khomyakov I. S. *Opinion of Russians about foreigners* [Mnenie russkikh ob inostrantsakh] // Khomyakov I. S., Kireevsky I. V. Chosen compositions. M, 2010.

Отношение предмета и объекта научного исследования в свете критической философии И. Канта

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор политических наук, профессор
polit@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается проблема определения и отношения понятий предмета и объекта в научном исследовании. Критическая философия И. Канта выступает содержанием, в котором происходит обоснование необходимости определенного разрешения проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

предмет, объект, чувственность, рассудок, синтез, данность, трансцендентальная философия

Volkov V. A.

The Relation of a Subject and Object of Scientific Research in the Light of Critical Philosophy of I. Kant

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Political Science), Professor
polit@szags.ru

ABSTRACT

The article deals with the definition and relationship of subject and object. The critical philosophy of Kant is content, in which there is substantiation and necessity of a permission problem.

KEYWORDS

subject, object, sensuality, reasoning, synthesis, givens, transcendental philosophy

«Наука не мыслит... Оставим этому утверждению его неприличный характер, хотя сразу добавим, что наука, как и все действия человека, зависима от мышления» [3, с. 137]. С такого изречения М. Хайдеггера уместно начать обсуждение одной из странных коллизий отношения предмета и объекта исследований, имеющей силу предрассудка. Эта проблема методологического характера вырвана из контекста логики познания усилиями бюрократического формализма и возведена в ранг одного из краеугольных камней упорядоченного научного исследования. Сложившееся устойчивое представление об этом отношении, особенно в диссертационных исследованиях, опирается на самые причудливые интерпретации.

Научное исследование не предполагает рефлексии по поводу оснований определения предмета исследования в его отношении к определяемому объекту исследования. Причем изложение темы часто начинается с объекта и затем переходит к предмету. Опора на сформированную в последние десятилетия традицию оформления научных исследований не подразумевает обращения к вопросам гносеологии.

В словарях и справочниках существует довольно пестрое соединение представлений о части и целом, о широком и узком, общем и частном, стороне и аспекте, касающихся отношения предмета и объекта. И чем больше представления противоречат здравому смыслу, тем на большую научность они претендуют. Такое многообразие и богатство воображения оправдывает справедливость процитированного утверждения М. Хайдеггера.

В чем же заключается необходимость употребления этих понятий в начале научного исследования? С чего начинается познание? Для того чтобы узнать, чему посвящена та или иная работа, мы ставим вопрос о предмете исследования. А есть ли необходимость ставить вопрос об объекте исследования? Если мы ограничимся этимологическими изысканиями этих двух терминов, то, без сомнения, убедимся, что они означают одно и то же. Латинское слово *objectum* — объект — означает «предмет». В русский язык слово «предмет» попало через чешский и польский языки в XVIII в., и этот термин является калькой латинского слова «объект». Под предметом, объектом понимается нечто предлежащее, предметное, выделенное человеком и не обязательное для его познания.

Таким образом, исходя из изложенного, можно предположить, что научная работа не обязывает исследователя определять отдельно предмет и объект для успешного осуществления исследования.

Вместе с тем нельзя не заметить, что эти термины не полностью синонимичны. Понятию «объект» противостоит понятие «субъект», в то время как понятие «предмет» не соотносится с понятием «субъект». Ему, скорее, противостоят психологические понятия «ощущение», «чувственность», «процесс». На различие в содержании понятий предмета и объекта, если таковое обнаруживается, может точнее указать история философии.

Ярким представителем истории философии, который критически осмыслил проблематику гносеологии, был великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804), автор «Критики чистого разума».

Кант впервые сознательно ввел различие понятий предмета и объекта познания. В чем же была необходимость этого различения, и каково было содержание этого различия?

Точкой отсчета в постановке проблемы служила констатация возникновения истинного научного знания в результате естественнонаучной революции, поставившей на центральное место мысленный эксперимент вместо случайных наблюдений и обобщений. Физики и математики спокойно приняли это как факт и не увидели в нем проблему для мышления.

И только новое понимание предмета познания в мысленном эксперименте позволило И. Канту объяснить возможность обнаружения всеобщего и необходимого знания, как критерия научности и объективности в самом опыте.

Знаменитое начало кантовской «Критики чистого разума» гласит: «Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта... Но, хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [2, с. 105].

Мысленный эксперимент представляет нам совсем иного рода предметность, нежели та, с которой мы сталкиваемся в обыденной жизни¹. Предмет, который нам в опыте дан, в то же самое время таковым не является, поскольку эта данность предмета возможна только как реализация условий заданности предмета в опыте. Иными словами, предмет может быть дан, если уже даны условия опыта предмета. Чтобы познать предмет опыта, необходимо знать условия опыта; следовательно,

¹ В естествознании познаются свойства не самих чувственных вещей, а идеализированных моделей, таких как идеальный газ, твердое тело и т. д.

необходимо априорное знание, чтобы было возможно апостериорное знание, но таким образом, чтобы оно начиналось с опыта, поскольку всякое познание начинается с опыта.

Предмет познания оказывается противоречием, которое требуется разрешить в процессе познания. Предмет репрезентирует вещь в себе, поскольку он дан мышлению, поскольку это мышление познает; в то же время предмет не есть вещь в себе, а значит, он и не дан. Он — явление, которое мышление конструирует для того, чтобы его познать в опыте.

Первый вопрос, который в связи с этим решает Кант, возникает уже тогда, когда необходимо понять, каким образом многообразие ощущений воспринимается как нечто единое, предмет. Здесь необходим синтез ощущений. Но как это сделать? Каким образом мы способны воспринимать предметность как таковую?

Кант усматривает фундаментальное противоречие познающего мышления в том, что в познании бытие отождествляется с мышлением, т. е. бытие и мысль о бытии есть одно, и, одновременно, бытие противоположно мышлению как предмет познания. Предмет в познании всегда представленный, т. е. он принадлежит мышлению, и в то же время, это все-таки предмет — то, что лежит перед мышлением.

Если не проводить различия между чувственностью и рассудком, то окажется, что либо спонтанное мышление, синтезирующее внешнее многообразие, не сможет отличать мысленный предмет от предмета мышления, либо рецептивная чувственность не сможет свести свой предмет к единству, мыслить его. Предмет мышления должен быть воспроизведен в мышлении, но вне собственно мышления.

Кант называет сферу собственно мышления рассудком, а сферу, в которой предмет дается — чувственностью.

Единство чувственности и рассудка Кант называет синтезом. Но он его понимает таким образом, что здесь многообразная чувственность соединяется с единством, и получается единый чувственный предмет. Чувственность не снимается в синтезе, наоборот, чувственный предмет остается наряду с понятием о нем. Такова общая схема синтеза. Причем в ней реализован трансцендентальный принцип: априорные формы соотносятся с ощущением и служат условием образования и познания предметов опыта. Но каким же образом осуществляется это соединение?

Первым моментом синтеза является чувственность. Несмотря на то, что предметы в чувственности даются, сама она не есть нечто непосредственное. Почему Кант не может признать ее таковой? Если бы чувственность не имела момента всеобщности в себе самой, то тогда не были бы возможны синтетические суждения априори, касающиеся созерцаний, значит, не была бы возможной и чистая математика. Созерцания в этом случае лишь обобщались бы, а всеобщее и необходимое знание было бы невозможно.

Таким образом, пространство и время — суть первые определения трансцендентальной философии. Они еще не представляют собой синтеза чувственности, они только дают ей форму рядоположенности, последовательности и постоянности.

Предмета чувственности, согласно Канту, в чувственности еще нет. В формировании предмета чувственности еще должен принять участие рассудок, чтобы стянуть многообразие восприятия в предмет, некоторое единство. Требуется осуществить синтез чувственности рассудком. Но здесь возникает новое противоречие. Рассудок должен синтезироваться с предметом чувственности, чтобы получить знание о нем. Здесь синтез рассудка своим продуктом должен иметь предмет, с которым он впоследствии опять синтезируется. Чтобы разрешить это противоречие, Кант различает деятельную способность синтеза на рассудок и продуктивную способность воображения.

Этот синтез рассудка с чувственностью Кант называет фигурным в отличие от интеллектуального синтеза, в котором действует один лишь рассудок. Фигурный

синтез конструирует предмет чувственности, а в интеллектуальном синтезе этот предмет познается. Это одна и та же деятельность рассудка, синтезирующая чувственность с собой, которая различается в себе на продуктивную способность воображения и собственно деятельность рассудка. «И тот и другой синтез трансцендентальны не только потому, что они сами происходят *argiōri*, но и потому, что они составляют основу возможности других априорных знаний» [2, с. 204].

Таким образом, сам предмет и его познание возможны лишь в случае, если они обусловлены синтетической деятельностью рассудка. А эта деятельность возможна только через всеобщие и необходимые формы синтеза, которые дает чистый рассудок под названием категорий.

Категории являются следующей после созерцания формой, в которой осуществляется трансцендентальный принцип.

Последний не исчерпывает себя в категориях, так как и с помощью синтеза не до конца оформляется предмет познания как предмет опыта. «Связь, — говорит Кант, — есть представление о синтетическом единстве многообразного» [2, с. 190–191]. Но сама связь еще не дает единства предмета. Скорее наоборот, связь возможна, если существует единство. «Трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании объединяется в понятии об объекте» [2, с. 196].

Благодаря единству предмет есть объект познания. Только на этом уровне синтеза у И. Канта с необходимостью выступает объект.

Единство объекта требует единства познающего рассудка. Это единство есть возможность всех функций рассудка, и есть сам рассудок. По мере того как предмет восходит к единству, становясь объектом, мышление различает себя, становясь субъектом. Кант различает в рассудке его единство и функции, определяя первое как трансцендентальное единство самосознания. Возможность существования предметов опыта и их познания невозможна без представления — я мыслю. Оно выражает единство активности и пассивности деятельности мышления.

Уже в рассудке Кант проводит абстрактное различие между мышлением и познанием. Систематическая деятельность рассудка для познания *предмета* требует наличия созерцаний.

Однако мы можем мыслить *объект*, отвлекаясь от чувственного созерцания. Если мы отвлекаемся от нашего чувственного созерцания, то неопределенный объект мышления Кант называет ноуменом, имеющим негативный смысл. Следовательно, здесь допущено трансцендентальное применение рассудка в отношении объекта, т. е. единство мышления направлено на многообразие вообще. Если же мы допускаем интеллектуальное созерцание объекта, то получим ноумен, имеющий положительный смысл. Последний невозможен в трансцендентальной философии, поскольку он может быть продуктом только Божественного рассудка. Ноумен в негативном смысле ограничивает нашу чувственность, указывая на то, что возможна иная чувственность, а также указывает на вещи в себе, соответствующие объектам, но обладающие своими свойствами, не данными нам в созерцании. Рассудок может мыслить вещи в себе, называемые объектами-ноуменами, которые он не в силах познать [1, с. 91].

Истолкование проблемы отношения предмета и объекта в свете «Критики чистого разума» И. Канта показывает, что имеется достаточное основание в необходимости различения и употребления этих понятий. Кант начинает процесс познания с определения предмета. Объект и его определения выступают на завершающей фазе познания.

Объект научного исследования есть *единство предмета исследования, выраженного в понятиях*. Предмет исследования репрезентирован в качестве образа, неразрывно связанного с чувственностью, предлежащего в качестве данности — за-

данности. Предмет представлен, объект мыслится. Формулирование объекта исследования требует особого искусства и пронизательности, реализуемой через то, что И. Кант называет продуктивной способностью воображения. Суть его заключается в том, чтобы мыслить предварительно, забегая вперед и подготавливая путь тому, что должно прийти. Объективно то, что обладает предикатами всеобщности и необходимости. Объект исследования представляет собой абстрактную проекцию результата исследования и одним своим существованием он помогает прийти тому, что явится.

Литература

1. Волков В. А. Идея политики в немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте) : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
2. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения : в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964.
3. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге : сборник М. : Высшая школа, 1991.

References

1. Volkov V. A. *Ideas of policy in the German classical philosophy (I. Kant, J. Fichte)* [Ideya politiki v nemetskoj klassicheskoj filosofii (I. Kant, I. G. Fikhte)] : doctoral dissertation in political sciences. St. Petersburg, 2002.
2. Kant I. *Critique of Pure Reason* [Kritika chistogo razuma]. In 6 vol. V. 3. M. : Thought [Mysl'], 1964.
3. Heidegger M. *What means to think?* [Chto znachit myslit'?] // Conversation on a country road [Razgovor na proselochnoi doroge] : The collection of works. M. : The higher school [Vysshaya Shkola], 1991.

Чимаров С. Ю.

К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русской армии в Крымской войне 1853–1856 гг.

Чимаров Сергей Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой управления общественными отношениями
Доктор исторических наук, профессор
chimarov@szags.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на причины возникновения восточного вопроса, отдельных моментов межконфессионального спора православных России и мусульман Турецкой империи, роли России середины XIX в. в решении общемировых проблем, уровня ее экономического развития и цивилизационного пути. Автор апеллирует к предельно негативной позиции классиков марксизма в отношении России, ее культуры, народа и армии, позиции, прикрываемой революционными фразами и размышлениями на тему демократических ценностей и свобод.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крымская война, Восточная война, Европейская война, Русско-турецкая война, русская армия, межконфессиональный спор

Chimarov S. Yu.

Russia and its Army in the Crimean War of 1853–1856 through the Eyes of Karl Marx and Friedrich Engels

Chimarov Sergey Yuryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of the Public Relations Management
Doctor of Science (History), Professor
chimarov@szags.ru

ABSTRACT

The article contains analysis of Karl Mar and Friedrich Engels opinion on the reasons of appearance the “Eastern Question”, the moments of interfaith between Russian Orthodoxies and Turkish EmpireMuslims, analysis of Russian role in a Global problem solving process in the middle of XIX century and its level of economic and civilization development. The author appeal to the Marxist negative position toward Russia — its culture, nation, army and position, which one was veiled by revolutionary appeals and democracy reasoning.

KEYWORDS:

the Crimean War, the Eastern War, the European War, the Russo-Turkish War, Russian army, interfaith

Актуальность ретроспективного взгляда на Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг. обусловлена необходимостью уточнения и даже переосмысления отдельных оценок классиков марксизма в отношении «одного из переломных моментов в истории международных отношений и, в особенности, в истории внутренней и внешней политики России» [9, с. 3]. Хронология Крымской войны, начиная от предыстории возникновения «восточного союза», включая издание Высочайшего манифеста императора Николая I от 14 (26) июня 1853 г. «О предстоящем занятии русскими войсками Дунайских княжеств», и заканчивая трактатом «О заключении мира между Россией и Портою с ее союзниками» от 18 (30) марта 1856 г. подробно исследу-

дована в капитальных работах отечественных историков, первенствующее место среди которых принадлежит трудам М. И. Богдановича «Восточная война 1853–1856 годов», А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856» и Е. В. Тарле «Крымская война» [1; 3; 10].

Вступление российской армии в пределы Молдавии и Валахии с целью занятия этих областей в залог, до тех пор, пока Турция не удовлетворит требований России в части обеспечения покровительства православному населению Османской империи, явилось и прелюдией к последующим испытаниям, выпавшим на долю России и ее Вооруженных Сил в условиях начавшейся Крымской войны. «Давний восточный вопрос превратился в Восточную войну. По решающему театру боевых действий ее часто называют Крымской, хотя боевые действия велись и на Дунае, и на Кавказе, и на севере в Белом море, и на северо-западе — в Балтийском море, и на Камчатке», — замечает Д. И. Олейников [8, с. 311]. К. Маркс и Ф. Энгельс в статье «Англо-французская война против России» выделяли шесть театров войны: Белое море, Балтийское море, Дунай, Крым, Кавказ и Армению [7, с. 522]. Апеллирование к опыту участия России в событиях Крымской кампании 1853–1856 гг. коррелируется также целесообразностью учета фактора исторических параллелей геополитического характера, а именно середины XIX в. — начала XXI в. «Не выпускать Россию из войны»; изо всех сил бороться против всяких запоздалых попыток русского правительства, — когда оно уже осознало опасность начатого дела — отказаться от своих первоначальных планов; непременно продолжать и продолжать войну, расширяя ее географический театр, — вот что стало лозунгом западной коалиции», — характеризует «вечную» политику Запада в отношении России академик Е. В. Тарле [9, с. 4]. Не выпускать Россию XXI в. из состояния холодной войны, сформировать вокруг России атмосферу перманентных санкций — в этом смысл современной политики США и следующего в ее фарватере большинства европейских государств.

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» замечает: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды» [4, с. 119]. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Как представляется, данная формула К. Маркса в современных условиях введения против России экономических и политических санкций, по причине абсолютно справедливого решения Россией в 2014 г. крымского вопроса, имеет чрезвычайно важное значение. Если в 1853–1856 гг. участие западных стран в «урегулировании» восточного вопроса вообще и крымского вопроса, в частности, для России явилось трагедией, то в 2014 г. США и их западные союзники демонстрируют по отношению к России явный фарс.

В правительственных и общественных кругах Российской империи участие России в разрешении восточного вопроса воспринималось в качестве акта восстановления прежних прав и привилегий православной общины в Палестине, между тем как правящие круги западных государств рассматривали войну на Востоке поливариативно: французский император Наполеон III воспринимал Россию в качестве объекта реваншизма за поражение нации в войне 1812–1813 гг.; английский министр внутренних дел (1852–1855) и премьер-министр (1855–1858) лорд Г.-Дж. Т. Пальмерстон вынашивал план отделения от России Крыма, Северного Кавказа и Закавказья. Его позиция в отношении участия Англии в войне с Россией в стихотворной форме была отражена В. П. Алферьевым в газете «Северная пчела» (1854 г., № 37): «В воинственном азарте воевода Пальмерстон разделяет Русь на карте указательным перстом» [2, с. 443]. Что касается западно-европейского общественного мнения в отношении Крымской войны 1853–1856 гг., то в его структуре следует выделить консервативное, конституционно-либеральное и революционное направления. Консервативные круги Англии и Франции «скорбели душой, что их странам приходится воевать против слишком зарвавшегося жандарма Европы, но, конечно, желали все-

таки полной победы своим правительствам [9, с. 12]. Конституционные либералы Англии, Франции и Пруссии воспринимали Россию в качестве плацдарма для общеевропейской реакции. Представители европейских революционных движений возводили Россию и ее императора в ранг мирового жандарма. «Подавление венгерской революции войсками Паскевича в 1849 г. еще стояло у всех перед глазами и вызвало к отпущению. То, что самый грозный враг освобождения народов от абсолютизма и от феодальных пережитков сидит в Петербурге, являлось в годы, предшествующие взрыву Крымской войны, повсеместно признанной аксиомой. Горячо желали поражения реакционного царизма основоположники марксизма», — констатирует Е. В. Тарле [9, с. 13].

По убеждению академика Тарле, тенденциозность подхода К. Маркса и Ф. Энгельса к освещению роли России и действий русской армии в Крымской войне определялась не только их видением реакционности политики императора Николая I в решении вопросов внешнеполитического характера. Основу получаемых Марксом и Энгельсом информационных сообщений в отношении исследуемого вопроса составляла искаженная цензурными ведомствами и ура-патриотической прессой Англии и Франции подлинная картина развернувшихся на Востоке боевых действий. Данное обстоятельство, несомненно, оказало определенное влияние на характер отдельных умозаключений основоположников марксистского учения. «Маркс и Энгельс страстно интересовались Крымской войной и следили за военными событиями, хотя им приходилось пользоваться скудными и часто лживыми корреспонденциями английских газет с театра военных действий, потому что никаких иных источников фактической информации о войне 1853–1856 гг. у них долгое время не было... Французская пресса, либо бонапартистская... либо задавленная свирепой цензурой... была еще несравненно хуже английской», — оправдывает идеологов марксистского учения Е. В. Тарле [9, с. 12].

Высмеивая дипломатические усилия России по разрешению восточного вопроса и, в частности, дипломатическую миссию князя А. С. Меншикова в Константинополе в мае 1853 г., К. Маркс отмечает «смехотворное поведение» главы русской миссии, продемонстрировавшего «сочетание северного варварства с византийским двуличием». В итоге, «для России не остается ничего иного, как сделать шаг от великого к смешному — позор, который может быть смыт лишь кровью» [5, с. 114]. Играя словами, К. Маркс дает нелестную характеристику и руководителю внешнеполитического ведомства Российской империи (1816–1856), канцлеру К. В. Нессельроде, фамилия которого «означает одновременно крапиву и розгу» [5, с. 203]. Как известно, в немецком языке слово «крапива» именуется «Nessel», а в английском слово «розга» произносится «Rod». Размышляя о неизбежности войны на Востоке, К. Маркс и Ф. Энгельс отчетливо осознавали, что в случае временного освобождения Николая I от организации каких-либо репрессивных акций по подавлению европейского революционного движения, российский император неизменно обратится к идее территориального раздела Турции, а следовательно подтолкнет Англию и Францию к прямому противоборству с Россией в решении вопросов о разделе владений Османской империи, господства над проливами Босфор и Дарданеллы, политического и экономического доминирования на Балканах и в странах Передней Азии.

Окончательное решение турецкого вопроса Ф. Энгельс в большой степени связывал с успехами европейской революции. «Нет, дипломатия и правительства, действующие на старый лад, никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и других великих проблем, выпадает на долю европейской революции... Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должен быть Петербург и Константинополь. Эти два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс» [5, с. 33]. Крымская военная кампания или, как ее нередко

именуют классики марксизма — Европейская война, должна всем напомнить, что в Европе, кроме пяти крупнейших держав: Англии, Франции, Австрии, России и Пруссии, существует «шестая держава — революция». Прогнозируя обострение социально-экономических проблем в условиях новой Европейской войны, Ф. Энгельс ожидает исторического сигнала о создании необходимых условий для европейской революции. «Революция... Торговый кризис и голод снова зовут ее на поле битвы... Достаточно одного сигнала, чтобы эта шестая держава выступила вперед в блестящих доспехах и с мечом в руке, подобно Минерве, выходящей из головы Олимпийца», — восклицает Ф. Энгельс [5, с. 6]. Вместе с тем, в статье «Действительно трудный вопрос в Турции» Ф. Энгельс отождествляет виртуальные идеи революционной демократии с жизненно важными интересами ведущих игроков геополитической партии середины XIX в.: «сохранение турецкой независимости или пресечение анексионистских планов России в случае возможного распада Османской империи является делом величайшей важности. В данном случае интересы революционной демократии и Англии идут рука об руку» [5, с. 15]. Для К. Маркса и Ф. Энгельса тема подготовки войны и начала военных действий между Россией и Турцией, а в последующем между Россией и союзными Турции Англией и Францией являлась равнозначной другим важным темам их исследовательского взора, включая темы углубления противоречий между ведущими странами Западной Европы в регионе Ближнего Востока; экономического положения отдельных европейских стран; острейшего колониального вопроса и перспектив национально-освободительной борьбы.

Переход русской армией реки Прут и выход «русских легионов» к берегам Дуная, по мысли К. Маркса, обострили до предела межконфессиональный спор православных и мусульман, породили «casus belli» (от лат. «повод к войне») и стали причиной появления 1 (13) октября 1853 г. Турецкого манифеста, разъяряющего правительства западных держав причину вступления Турции в войну с Россией и требующего эвакуации армии генерала Н. Д. Горчакова с территории Дунайских княжеств.

4 (16) октября 1853 г. султан Абдул-Меджид объявил войну России. В свою очередь, 20 октября (1 ноября) император Николай I подписал Манифест «О войне с Османской Портою». Турецкий султан для войны с Россией собрал под свои знамена мусульман Европы, Африки и Западной Азии. В начавшейся войне К. Маркс деспотизм императора Николая I противопоставляет фатальной силе сложившихся обстоятельств: «Воинства обеих религий, давно борющихся за гегемонию на Востоке, — православия и мусульманства — стоят теперь друг против друга: одно, движимое деспотичной волей одного человека, другое — фатальной силой обстоятельств, что соответствует тому и другому вероучению, поскольку православная церковь отвергает догмат о предопределении, тогда как стержень мусульманства составляет фатализм» [5, с. 427]. В означенном выше межконфессиональном противостоянии православию, в сравнении с мусульманской верой, К. Маркс отводит более воинственную роль. Просматривая в турецком и православном российском государствах линию отождествления государства и церкви, гражданской и церковной жизни, К. Маркс замечает, что «Коран является для турецкой империи и ее правителей одновременно источником веры и закона», в то время как «в России церковь превращена в простое орудие государства, в инструмент угнетения внутри страны и захватов вовне» [6, с. 130–131].

Определяя «воинственный» характер Русской православной церкви, К. Маркс отмечает не менее воинственные качества императора Российской империи: «Николай действует в духе своего афоризма: „Я ненавижу тех, кто мне сопротивляется; я презираю тех, кто мне служит“» [6, с. 164]. Возложив на Россию вину за развязывание войны на Востоке, Ф. Энгельс обвинил ее в вековом гегемонизме, впервые встретившем серьезное сопротивление лишь в 1789 г. с началом Французской буржуазной

революции (1789–1794). «Россия, безусловно, страна, стремящиеся к завоеваниям, и она была ею в продолжение целого столетия, пока ... движение 1789 г. не породило ее грозного противника... Мы разумеем европейскую революцию, взрывчатую силу демократических идей и врожденного человеку стремления к свободе», — констатирует Ф. Энгельс [5, с. 15]. Вместе с тем Ф. Энгельс не может абстрагироваться от того факта, что в развернувшейся военной кампании 1853–1856 гг. участие Англии и Франции обусловлено геополитическими интересами. Подробно исследовав этот вопрос в статье «Европейская война», Ф. Энгельс призывает вошедший в Черное море в январе 1854 г. союзный англо-французский флот «разрушить Севастополь и уничтожить российский черноморский флот, занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа» [6, с. 3]. Не может Англия, по мысли классиков марксизма, стоять в стороне и в вопросе, связанном с потенциальными перспективами России на владение проливами Босфор и Дарданеллы. «Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении тяжелый, если не смертельный удар британской мощи» [5, с. 11]. Что же касается Балтийского региона, то здесь, в соответствии с суждениями Ф. Энгельса, Англия и Франция должны пойти на союз со Швецией, «припугнуть» Данию, инициировать восстание в Финляндии, обеспечить непосредственную угрозу Петербургу, закрепив последнюю обстрелом корабельной артиллерией союзников крепости Кронштадт. Обеспечив стратегическую победу на указанных операционных направлениях, западные державы в состоянии достичь геополитического успеха, превращающего Россию, по желанию Ф. Энгельса, в «великана без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как попытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич» [6, с. 4].

По мнению К. Маркса, участие России в Крымской войне предопределено не только ее воинственным духом, но и отсутствием в менталитете россиян самого понятия чести: «В русском лексиконе отсутствует слово „честь“. Само это понятие считается французской иллюзией. Что такое „honneur“ (от франц. „честь“)? Это — французская „chimere“ (от франц. „химера“») [5, с. 402].

Сравнивая отдельные военные неудачи России в Крыму, в частности, сражение при Инкермане 24 октября (5 ноября) 1854 г. с поражением России под Нарвой 19 (30) ноября 1700 г., К. Маркс в статье «Ретроспективный взгляд на Крымскую кампанию» сопоставляет Россию эпохи Петра I с «поднимающейся нацией, умеющей даже поражения превращать в орудия победы». В последующем, согласно выводу К. Маркса, Россия шла по пути упаднического развития, демонстрируя «искусственно умеренный рост», декларируя «видимость блестящей цивилизации», маскируя «полуварварский уровень» развития страны, «истощивший нацию» и породивший у нее «нечто вроде чахотки» [6, с. 589]. Несколько ранее, в статье «Греческое восстание. Австро-Прусский договор» К. Маркс общую картину государства российского периода 1853–1856 гг. рисует следующим образом: «император, чиновничество, крестьяне, бороды крестьян, полиция, гребцы морской пехоты, сельское общество, земли и моря — полная картина «всяя Руси»» [6, с. 211]. Кроме того, по К. Марксу, Россия представляет собой лишь «совокупность деревень» [5, с. 287].

Крымская война в оценочных суждениях К. Маркса и Ф. Энгельса продемонстрировала не только отсталость, варварство и угасание экономической мощи России, но и упадок русской армии. Победа русского флота при Синопе К. Марксом представлена в виде «позорной синопской бойни» [6, с. 24]. В статье «Восточная война» К. Маркс подводит своих читателей к выводу о том, что русская победа при Синопе обескровила русский флот, а командиры турецких фрегатов и линейных кораблей «бросали факелы в пороховые погреба, бросая себя на алтарь Отечества» [6, с. 19]. Более того, по оценке К. Маркса, русские военные моряки в Синопском

сражении пренебрегали нормами международного права и уничтожили два торговых английских корабля.

Ф. Энгельс с восторгом оценивает образцовые действия «бравых солдат» союзной армии в районе Аландских островов, предпринятые «для забавы матросов» и в интересах «жажды развлечений офицерского состава» [6, с. 416] англо-французских союзников. Подавив 4 (16) августа 1854 г. сопротивление русско-финского гарнизона крепости Бомарсунд, союзная армия, по Ф. Энгельсу, обнаружила крепостные объекты в качестве «кучи мусора под тонкой каменной облицовкой» [6, с. 420]. Тем не менее Ф. Энгельс признается в том, что его вывод о сражении за Бомарсунд основывается на ограниченных сведениях о реальном ходе сражения и действительном состоянии защитных сооружений крепости. При этом важно отметить, что к моменту начала осады фортификационные работы в крепости Бомарсунд были выполнены только на 20% от запланированного объема. Гарнизон крепости мужественно отражал атаки англо-французских штурмовых отрядов около шести суток и сдался неприятелю лишь по приказу своего командования. Оборона Бомарсунда привела к отказу союзных войск от ранее запланированного наступления на крепость Кронштадт.

Подробно освещая смелость шотландцев, мужество английских драгун и французских полков Африканских егерей в боях под Балаклавой и при штурме Севастополя, Ф. Энгельс особо выделяет французских солдат, придавая последним образ «спасителей нации и общества вообще» [6, с. 506]. В работе «Армии Европы», подготовленной для журнала «Ежемесячник Патнема», Ф. Энгельс проводит анализ структуры, способа комплектования, уровня профессиональной подготовки и морально-боевых качеств офицерского состава и рядовых различных европейских армий. К примеру, французская армия, по мысли Ф. Энгельса, является символом принадлежности «воинственной и энергичной нации, которая гордится своими защитниками» [7, с. 449]. В то же время, генералы русской армии, в оценках Ф. Энгельса, демонстрируют «пассивность и педантизм» [5, с. 448], страдают отсутствием оригинальных мыслей: «даже у Суворова оригинальность проявлялась только в непосредственном наступлении» [6, с. 561].

Для офицерского состава русской армии воинская служба, по мысли Ф. Энгельса, отвратительна, и проходят ее офицеры в качестве «своего рода длительного курса лечения» [7, с. 478]. Анализируя интеллектуальный уровень офицерского состава русской армии, Ф. Энгельс относит именно русских офицеров к сообществу варваров, которым чужды научные занятия вообще, и умственная работа, в частности. Выдающимися офицерами русской армии, в оценках Ф. Энгельса, являются лишь выходцы из остзейских немцев прибалтийских губерний. «Среди офицеров русской армии есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними», — утверждает Ф. Энгельс [7, с. 479].

Отмечая хорошее физическое строение русского солдата, крепость его телесного здоровья и нетребовательность, послушность своим командирам, Ф. Энгельс подчеркивает его неповоротливость и безынициативность: «напрасно ожидать от русского солдата, чтобы он, действуя на аванпостах или в рассыпном строю, проявил быструю сообразительность француза или простой здравый смысл немца» [7, с. 481].

Обобщая основные итоги Крымской военной кампании, К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Англо-французская война против России» выражают искреннее сожаление в ничтожности ее результатов для Англии и Франции, обличают «хвастливые речи» правящих кругов союзников и демонстрацию мировому сообществу «ничтожной активности» союзных армий в противостоянии с варварской Россией [7, с. 521].

Революционные фразы, размышления на тему демократических ценностей и свобод для основоположников марксистского учения были лишь удобным прикрытием своего презрительного отношения к России, ее культуре, народу и русской армии. В годы Крымской войны 1853–1856 гг. появилось стихотворение Ф. И. Тютчева «Теперь тебе не до стихов», в котором поэт пророчески напоминает своим современникам:

...Ложь воплотилась в булат;
Каким-то божьим попущеньем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...

Уроки войны 1853–1856 гг., как впрочем и многие другие последующие военные и экономические потрясения российской истории, свидетельствуют, во-первых, об особой актуальности приведенных выше поэтических строк Ф. И. Тютчева и, во-вторых, о том, что «У России есть только два союзника: армия и флот». Историки утверждают, что эти слова принадлежат императору Александру III.

Литература

1. *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб. : Типография Ф. Сушинского, 1876. Т. I–IV.
2. *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. : Издательство И. Ефрона, 1889. Т. I.
3. *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб. : Полигон, 2002.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. второе. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. второе. М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 9.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. второе. М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 10.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. второе. М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. Т. 11.
8. *Олейников Д. И.* Николай I. М. : Молодая гвардия, 2012.
9. *Тарле Е. В.* Крымская война. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. Т. I.
10. *Тарле Е. В.* Крымская война. М. : АСТ, 2005. Т. I–II.

References

1. Bogdanovich M. I. The Eastern War of 1853–1856 [Vostochnayavoyna 1853–1856 godov]. — Saint-Petersburg, Tipografiya F. Sushinskogo, 1876. Vol. I–IV.
2. Vengerov S. A. Criticobiographical Dictionary of Russian Writers and Scholars [Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley I uchenykh]. Saint-Petersburg : I. Efron Publ. , 1889. Vol. I.
3. Zayonchkovskiy A. M. The Eastern War of 1853–1856 [Vostochnaya vojna 1853–1856 godov]. Saint-Petersburg : Poligon Publ. , 2002
4. Marx K., Engels F. Works [Sochineniya]. Second edition. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1957. Vol. 8.
5. Marx K., Engels F. Works [Sochineniya]. Second edition. M.: State Publishing House of Political Literature, 1957. Vol. 9.
6. Marx K., Engels F. Works [Sochineniya]. Second edition. M.: State Publishing House of Political Literature, 1958. Vol. 10.
7. Marx K., Engels F. Works [Sochineniya]. Second edition. M.: State Publishing House of Political Literature, 1958. Vol. 11
8. Oleynikov D. I. Nicholas I [Nikolay I]. M. : Molodaya gvardiya, 2012.
9. Tarle E. V. Crimean War [Krymskaya vojna]. M. ; L. : USSR Academy of Sciences Publ. , 1950. Vol. I.
10. Tarle E. V. The Crimean War [Krymskaya vojna]. M. : AST, 2005. Vol. I-II.

Украина в приднестровском урегулировании (1992–2014)

Ростовецкая Татьяна Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Аспирант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве
rosttov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Юго-Восточный регион Европы прочно закрепился в зоне интересов европейских и неевропейских государств, и в XXI в. стратегически важным объектом, в том числе по причине своего географического положения, становится Приднестровье. В меняющихся условиях соотношения мировых и региональных сил оно приобретает особую важность для таких региональных игроков, как Россия, Румыния, Украина. Кроме этого, Приднестровье является территорией замороженного конфликта, затянувшееся урегулирование которого занимает не последнее место во внешней политике указанных государств. В статье речь пойдет о вопросе приднестровского урегулирования в украинском политическом дискурсе. Процесс, растянувшийся на 20 с лишним лет, разделен на периоды, соответствующие определенным этапам украинского участия в решении проблемы, что позволяет выстроить линию внешней политики Украины в этом направлении. Поскольку к посреднической миссии изначально были привлечены два государства, рассматривать украинскую политику в отрыве от шагов, предпринимаемых российскими властями, было бы недостаточным для оценки всего спектра проблем, с которыми столкнулись государства-гаранты, и реализации их решения. Также в статье рассматриваются возможные варианты урегулирования, предлагаемые украинскими авторами, исходя из их соответствия государственным интересам Украины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

приднестровское урегулирование, Украина, РФ, план Ющенко, «Трехсторонний план решения приднестровского вопроса», украинско-приднестровские отношения, европеизация конфликта, «приднестровский цугцванг»

Rostovetskaya T. V.

Ukraine in the Transnistrian Settlement (1992–2014)

Rostovetskaya Tatyana Valeryevna

Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
International Relations Faculty
Graduate student of the Chair of International Relations in the Post-Soviet Area
rosttov@mail.ru

ABSTRACT

Southeast region of Europe is firmly entrenched in the zone of interests of European and non-European states, with Transnistria, due to its geographical location, turning into a strategically important subject in the twenty-first century. In the changing environment of global and regional political powers correlation this land is becoming of particular importance to regional players such as Russia, Romania, and Ukraine. In addition, Transnistria is the territory of the frozen conflict, and its prolonged settlement plays an important part in the foreign policy of these states. This article will focus on the Transnistrian settlement within the Ukrainian political discourse. The process lasting for already over 20 years is observed through periods corresponding to certain stages of Ukrainian participation in problem solving what allows drawing a line of Ukraine's foreign policy on that path. Since there were the two countries originally brought to the mediation mission, to consider the Ukrainian policy isolated from the steps taken by the Russian authorities would not be sufficient to assess the entire spectrum of challenges faced by the states guarantors, and the implementation of their decisions. The article also discusses the possible settlement options offered by Ukrainian authors on the basis of compliance of the first with state interests of Ukraine.

KEYWORDS

the Transnistrian settlement, Ukraine, the Russian Federation, the Yushchenko Plan, "Trilateral plan for solving the Transnistrian issue", Ukrainian-Transnistrian relations, Europeanization of the conflict, "the Transnistrian zugzwang"

Для объективной характеристики динамики приднестровского вопроса в украинском политическом дискурсе представляется целесообразным изложить точку зрения украинских авторов, касающуюся позиции Украины, с учетом меняющихся внутренних и внешних факторов в течение всего процесса урегулирования.

Систематизируя украинские материалы по указанной проблематике, следует отметить, что до 2000-х гг. эта тема, несмотря на географическую, историческую и этническую близость региона, в украинской прессе освещена очень слабо, за исключением военного периода конфликта (весна — лето 1992 г.), а в научном разрезе этот вопрос исследуется, как правило, региональными специалистами, а именно, представителями Черновцов и Одессы, т. е. исторических Буковины и Бессарабии, что может объясняться общей проблемой, а именно «румынизацией» региона.

Поскольку в общепринятой периодизации урегулирования, как правило, украинское участие не детализируется в полной мере, в данной работе целесообразно прибегнуть к периодизации, фиксирующей все этапы украинских усилий на данном направлении. Поэтому схему анализа составит периодизация, предложенная исследователями украинских межгосударственных отношений [6].

Период 1 (1992–1996) — Украина ограничивается преимущественно декларативными заявлениями о поддержке территориальной целостности Республики Молдова (РМ), что объясняется наличием территориальных проблем, а именно — крымским вопросом. При этом связь можно рассматривать и в обратной пропорции: жесткая позиция Верховной Рады по отношению к действиям руководства Крыма, решение о необходимости безотлагательных мер по восстановлению конституционного порядка в Крыму, принятое на заседании Верховной Рады в мае 1992 г., явились попыткой избежать приднестровского сценария¹. Как бы там ни было, но надежды на Киев Тирасполь возлагал, и по праву, — Украина на тот момент представляла военно-промышленную мощь постсоветского пространства практически наравне с Россией. А в пользу ее политического веса свидетельствует тот факт, что 27 августа 1991 г. Акт о независимости Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) делегация Приднестровья во главе с И. Смирновым вручила Верховному Совету Украины [1]. Но Киев отреагировал исключительно в контексте своих национальных интересов: официальным заявлением о недопустимости участниками конфликта использования украинской территории в своих целях Приднестровью в поддержке было отказано — позиция, от которой Киев впоследствии не отступал².

Для сравнения, положение, в котором оказалась Москва с первого дня конфликта, было не в пример сложнее, и деликатность его была вызвана, с одной стороны, тревожными тенденциями в регионах, что роднило российскую ситуацию с украинской, а также обвинениями со стороны Кишинева и Бухареста в «потакании сепаратизму», однако, с другой стороны, вынуждала откликнуться на призывы жителей Приднестровья взятая на себя роль защитницы всех русских на территории СНГ. Украина перед такой дилеммой не стояла, поскольку решение проблемы

¹ Парламент придивляється до Криму (The Parliament is scrutinizing the Crimea) // Голос України. 1992. 15 мая.

² Заява МЗС України (The Statement of the Foreign Ministry of Ukraine) // Голос України. 1992. 17 марта.

соотечественников даже не формулировала, несмотря на 30% украинского населения Приднестровья.

В контексте центробежных тенденций, особо остро проявившихся на начальном этапе становления новых государств, исследователи вопроса указывают на приднестровский конфликт (ПК) как провокацию сепаратистских движений на Украине. Именно первый этап конфликта (1990–1996) считается наиболее опасным для внутриукраинской ситуации, где, помимо уже упомянутого Крыма, проблемными или потенциально проблемными стали Закарпатье, Донбасс и Причерноморье, особенно его отдельная зона, Южная Бессарабия. «Периферийное месторасположение, наличие природного барьера — реки Днестр, отделяющей территорию от остальной Украины, полиэтничный состав населения, преимущественно русскоязычного, присутствие вооруженных сил — Болградской десантной дивизии, — все это выступило факторами, способствующими центробежным тенденциям в регионе. Причем, принимая во внимание формальный характер украинско-молдавской границы до 1991 г., население южных районов Одесской области ощущало себя составляющей некоего регионального сообщества. Это подтолкнуло к активным контактам с представителями сепаратистских регионов Молдовы» [10, с. 132]. Украине, по мнению автора, удалось избежать молдавского сценария в Украинском Заднестровье путем принятия «нулевого варианта» «Закона про гражданство», «Декларации прав национальностей Украины», который позволил снять напряжение в языковом вопросе.

Описанная ситуация для любого правительства была бы веской аргументацией своей позиции, но исследователи склоняются к тому, что при этом ни Кишинев, ни, по прошествии некоторого времени, Тирасполь не рассматривали Киев как весомого партнера в процессе урегулирования. Скорее, как инструмент давления на других участников процесса [9]. Хотя посреднические услуги были предложены Украиной одной из первых.

Период 2 (1996–1999) — Украина при президенте Л. Кучме становится активным участником процесса и в 1998 г. предлагает план поэтапного урегулирования приднестровской проблемы [3]. Именно тогда было принято и реализовано решение о военных наблюдателях от Украины. Следует вспомнить, что в российском политическом контексте этот период характеризуется значительными уступками в данном направлении, обусловленными общей зависимостью от иностранной финансовой помощи и оглядкой на Запад: с течением времени становилось ясно, что президент Ельцин скорее смирится с возмущением русскоязычного населения во всех государствах СНГ, чем осложнит отношения с западными партнерами.

Период 3 (1999–2004) — совпадает со вторым президентским сроком Л. Кучмы и отличается сближением политической позиции Украины в наибольшей степени с позицией РФ, но Украина также нацелена на взаимодействие с ОБСЕ. Следует признать, что большинство переговоров и планов по урегулированию уже происходит по российскому сценарию, и Киев лишь присоединяется к российской дипломатии и часто следует ее курсом. Такое позиционирование себя как нейтрального игрока, кроме того, что всем выгодно, поскольку конфликта интересов не наблюдается, для него самого является потерей геополитических позиций в среднесрочной перспективе.

Именно потому нейтральность исчезла из политической риторики России, и этот период следует рассматривать как переломный в самой постановке приднестровского вопроса в российском дискурсе: В. В. Путиным создается комиссия по приднестровскому урегулированию, возглавляемая Е. М. Примаковым, и о ПМР заговорила как о кондоминиуме России и Украины¹. Москва активно защищает позицию, согласно которой, не будь ПМР, Украина уже давно граничила бы с Румынией,

¹Гетьманчук А. Приднестровские пороги // Киевские ведомости. 2000. 11 окт.

а молдавской культуры, языка и флага не было бы как таковых. Цена такой позиции — обвинения Запада в открытом лоббировании интересов Приднестровья.

Крен Тирасполя в сторону Москвы, а не Киева, наблюдаемый в этот период, объясняется еще и пренебрежением со стороны последнего восстановлением и укреплением «горизонтальных» связей, а именно, предоставлением украинцам ПМР возможности учиться в вузах Украины, помощью украинским организациям и образовательным учреждениям, т. е. то, на что Москва в этот период сделала ставку помимо дипломатических путей решения вопроса. Можно заключить, что на данном этапе Украина стала терять привлекательность прежде всего для украинских граждан Приднестровья.

Период 4 (2005–2009) — отмечен выходом Украины из российского кильватера и ее попытками разрешить затянувшееся урегулирование, что самой Украине позволило бы занять нишу регионального лидера. Усилия по реализации такого проекта сконцентрировались на семишаговом «Плане Ющенко», где четвертым пунктом в контексте приднестровского урегулирования впервые прозвучал призыв к США и ЕС содействовать в урегулировании приднестровского конфликта. Задекларированные намерения украинской стороны перейти от ситуативного реагирования к системной стратегии в регионе так и остались намерениями, но в этот период проявляется явный перекося в сторону Молдовы, что неудивительно: официальная позиция Украины, касающаяся территориальной целостности Молдовы, декларативно заявленная еще на начальной стадии урегулирования, полностью отвечает интересам последней. К этому следует добавить выборы 2004–2005 гг. в Украине, Молдове и Румынии, что объединяет первых двух в их евроинтеграционных амбициях, а третья, т.е. Румыния, выступает двигателем их интересов на европейских площадках. Похоже, что именно эти интересы долгое время вынуждали Киев быть инструментом политики Кишинева — в целом, аналитики склоняются к этому выводу — в попытках Кишинева давить на администрацию Тирасполя с целью навязывания своего сценария урегулирования.

Результатом сформированной гомогенности политического ландшафта из государств, разделяющих европейские и евроатлантические ценности, стал документ, демонстрирующий новый формат отношений на региональном уровне, разработанный совместно Бухарестом, Кишиневом и Киевом — «Трехсторонний план решения приднестровского вопроса» [8]. Указанный план предполагал, среди прочего, дифференциацию задач для региональных игроков, согласно которой задание Украины состояло в наблюдении за «соблюдением режима таможенного контроля, торговли и экономических отношений с предпринимателями и бизнесом из приднестровских регионов РМ», а Республики Молдовы — в усилении внутреннего таможенного контроля» [8, с. 30].

В контексте усложнившихся экономических отношений не стоит забывать, что еще в июле 1992 г. был подписан первый международный документ, а именно «Соглашение о взаимном неприменении военной силы и экономических санкций», при подписании которого конфликтующие стороны впервые обратились к Украине с просьбой выступить гарантом его соблюдения [2]. Таким образом, можно предположить, что, поддержав таможенную войну, Украина нарушила взятые на себя ранее обязательства, заменив их новыми: на пресс-конференции в столице ПМР, Тирасполе, 24 августа 2011 г. посол Украины в Молдове Сергей Пирожков заявил, что Украина не может в одностороннем порядке изменить таможенный режим, приведший к блокаде ПМР, сославшись на соглашение с Молдовой и «определенные обязательства перед Европейским союзом»¹.

¹ «Воля народа — высший закон: в Приднестровье отметили 5-летие референдума о не-

Все это заставило Приднестровье пересмотреть структуру украинско-приднестровских отношений. И можно с сожалением констатировать, что на данном этапе Украина потеряла очередную часть своих позиций, на этот раз для бизнеса.

Поставив перед собой изначально задачу активного сотрудничества с Молдовой и Приднестровьем, а именно это было одной из ключевых украинских позиций в процессе урегулирования, Украина в полной мере не использовала потенциал кооперации с ПМР. Не были задействованы общественные и бизнес-структуры, чья деятельность касается Приднестровья. С их помощью можно было бы сформировать новый подход к решению вопроса. Вместо этого Украина прибегла к блокаде, что мало способствовало продвижению своих интересов в регионе.

Период 5 (2010–2013) начался после президентских выборов в 2010 г. на Украине и связан с общей коррекцией внешнеполитического курса государства, что должно было отразиться и на приднестровском вопросе, однако Киев за три года не выдвинул каких-либо заметных инициатив, хотя стратегические интересы государства в данном регионе требовали действий. За это время Украина практически сдала свои позиции активного участника и вплотную приблизилась к выбору, преследовавшему ее в течение всего долгого процесса урегулирования, а именно, превратиться либо в «двигателя» интересов РФ либо быть использованной молдавской и европейской сторонами для реализации европейского сценария.

Сказанное заставляет признать, что в течение всего процесса урегулирования последовательная политика, направленная на усиление социального и экономического присутствия Украины в Приднестровье, как и в Молдове, не проводилась. Украина становилась инструментом политических целей тех или иных участников, постепенно утрачивая позиции, прочно закрепленные за ней в не очень давнем советском прошлом.

Если говорить о возможных вариантах урегулирования конфликта, как то: реализация «концепта Козака 2», осуществление пан-румынских проектов Бухареста, закрепление суверенитета Молдовы на всей территории, европеизация конфликта, ни один из них, по оценке исследователей, не обеспечивает в полной мере стратегические интересы Украины в регионе. Первый из указанных вариантов — «концепт Козака — 2» предусматривает урегулирование конфликта на условиях РФ, что обеспечивает России контроль не только над Приднестровьем, но и над всей территорией РМ; реализация бухарестских проектов ощущается в усилении румынского влияния в Правобережной Молдове, а также в Одесской области (г. Измаил), что Киев не может не беспокоить; к такому же результату, т. е. к усилению влияния Румынии в регионе ведет суверенитет Молдовы на всей территории, а это, в свою очередь, симметрично минимизирует возможности Украины в защите своих экономических и социальных интересов в Левобережном регионе; обсуждаемая уже 10 лет возможность европеизации конфликта во многом совпадает с характером украинских инициатив по урегулированию, но до последнего времени ее можно было считать скорее желаемым, чем реальным планом [4; 7].

Сценарием, отвечающим интересам Украины, согласно позиции других исследователей, должна была бы быть Молдова с наделенным автономным статусом Приднестровьем, поскольку это обеспечило бы правами украинское население Приднестровья и, что более существенно с геополитической точки зрения, свело бы к минимуму возможность присоединения его к Румынии [5, с. 3].

А реальным механизмом реализации Украиной своих интересов на приднестровском направлении могла бы быть тактика гибкого использования «внешнего фактора», принимая во внимание тот факт, что интересы основных игроков в вопросе

зависимости [Электронный ресурс] // Информационное агентство ИА REGNUM 19.09.2011. URL: <http://www.regnum.pf/news/1446912.html> (дата обращения 21.10.14).

урегулирования всегда могут совпадать. Активность же Киева в направлении вовлечения Молдовы и Приднестровья в украинское культурное и экономическое пространство, т. е. установление все тех же горизонтальных контактов, усиление экономического присутствия Украины в РМ и ПМР, способствовала бы нейтрализации нежелательных для Украины сценариев [4].

Что касается самого Приднестровья, история отсчитывает третье десятилетие замороженного конфликта, а скорее, затянувшегося урегулирования. За это время было предложено столько вариантов его решения, что на сегодняшний день о ситуации на левом берегу Днестра смело можно говорить как о «приднестровском цугцванге», который в геополитическом контексте предполагает отсутствие у сторон полезных или нейтральных ходов, ведущих к осязаемому результату. Напротив, реальность подсказывает, что каждый новый ход до сих пор ведет к ухудшению позиции.

Период 6 (с 2014 г.). 2014 год открыл новый период в Приднестровском урегулировании. Смена власти, заявленный Украиной «европейский выбор» предполагает, среди всего прочего, вынесение вопроса Приднестровья на европейский уровень, что, вероятнее всего, повлечет за собой смену игроков. Вопрос о том, насколько в этом случае будут учтены интересы Украины, и как изменится позиция самого Приднестровья, пока остается открытым.

Литература

1. *Днестрянский И.* Хронология. Приложение 9. Распад Союза и становление ПМР [Электронный ресурс] // URL: <http://artofwar.ru/i/1.shtml> (дата обращения: 25.10.14).
2. *Кулик В., Якушик В.* План Ющенко по урегулированию приднестровского конфликта и проблемы его реализации [Электронный ресурс] // 2008 Slavic Research Center (SRC). URL: <http://www.isn.ethz.ch/Digital Library/Publications/Detail/?ots591> (дата обращения: 28.10.2014).
3. *Протокол* о некоторых первоочередных шагах по активизации политического урегулирования приднестровской проблемы // Дипломатический вестник. Апрель, 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/ (дата обращения: 23.12.2013).
4. *Енин Е. В.* Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання придністровського конфлікту : автореф. дис... канд. полит. наук. Киев, 2010. 20 с.
5. *Капитоненко М.* Регіональне лідерство України: випробування Придністровським конфліктом // Зовнішні справи. 2008. № 1. С. 3.
6. *Коцур В. В.* Етнополітичний конфлікт у Придністров'ї в контексті українсько-молдавських міждержавних відносин : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Киев, 2011. 18 с.
7. *Плаксенко М. Л.* Придністровська проблема та її вплив на реалізацію інтересів України у Чорноморському регіоні : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Киев, 2011. 22 с.
8. *Тристоронній план розв'язання придністровської проблеми: регіональне партнерство заради вироблення спільних взаємозобов'язуючих підходів* : аналит. доклад / Н. Белицер, О.Сушко, С. Герасимчук [и др.]; Ин-т Евро-Атлантического сотрудничества (Украина); Центр предотвращения конфликтов и раннего предупреждения (Румыния); Ин-т общественной политики (Респ. Молдова). Киев ; Кишинев ; Бухарест ; Межд. фонд «Відродження», 2006.
9. *Україна в системі міжнародних заходів щодо Придністровського врегулювання: пріорітети та інструменти* : аналітичний доклад / отв. ред. В. М. Якушин. Одеса. : Фенікс, 2011.
10. *Филипенко А. А.* Придністровський конфлікт і національна безпека України: історична ретроспектива // Україна — Молдова: історична спадщина перспективи розвитку співробітництва. Одеса., 2003. С. 130–137.

References

1. Dnestrskyansky I. *Chronology. Annex 9. Disintegration of the Union and formation of PMR* [Khronologiya. Prilozhenie 9. Raspad Soyuzu i stanovlenie PMR]. [Electronic resource] // URL: <http://artofwar.ru/i/1.shtml> (Date of the address 25.10.14)
2. Kulik V., Yakushik V. *Plan of Yushchenko for settlement of the Dnestr conflict and problem of its realization* [Plan Yushchenko po uregulirovaniyu pridnestrovskogo konfliktu i problemy ego

- realizatsii]. [Electronic resource]//2008 Slavic Research Center (SRC).URL:<http://www.isn.ethz.ch/Digital Library/Publications/Detail/?ots591> (date of the address: 28.10.2014).
3. *The Protocol on some prime steps on activation of political settlement of a Dneestr problem* [Protokol o nekotorykh pervoocherednykh shagakh po aktivizatsii politicheskogo uregulirovaniya pridnestrovskoi problem] // the Diplomatic messenger [Diplomaticheskii vestnik]. April, 1998 [Electronic resource] // URL: http://www.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/ (date of the address: 23.12.2013). (ukr)
 4. Enin E. V. *Ensuring national interests of Ukraine in the course of settlement of the Dneestr conflict*: Dissertation abstract. K., 2010. 20 p. (ukr)
 5. Kapitonenko M. *Regional leadership of Ukraine: test by the Dneestr conflict* // External business — 2008-№1-P.3. (ukr)
 6. Kotsur V. V. *Ethnopolitical conflict in Transnistria in the context of the Ukrainian-Moldavian interstate relations*. Dissertation abstract. K., 2011. 18 p. (ukr)
 7. Plaksenko M. L. *Pridnestrovian a problem and its influence on realization of interests of Ukraine in the Black Sea region*: Dissertation abstract. K., 2011. 22 p. (ukr)
 8. Tripartite plan of the solution of a Dneestr problem: regional partnership for the sake of elaboration of the general mutually binding approaches: analytical report. [N. Belitser, A. Sushko, S. Gerasimchuk, etc.]; Institute for Euro-Atlantic Cooperation (Ukraine), the Center of conflict prevention and the early prevention (Romania), Institute of public policy (Republic Moldova) — K.; Kishinev; Bucharest; International Fund «Renaissance», 2006. (ukr)
 9. Ukraine in system of the international measures for Dneestr settlement: priorities and tools: analytical report / general edition V. M. Yakushin. Odessa. Phoenix, 2011. (ukr)
 10. Filipenko A. A. *Pridnestrovsky conflict and national security of Ukraine: a historical retrospective* // Ukraine — Moldova: historical heritage and prospects of development of cooperation. — Odessa, 2003. P. 130–137. (ukr)

Старикова О. В.

Теоретико-методологические основы экономической безопасности региональной экономической системы

Старикова Ольга Владимировна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры макроэкономического регулирования
starikovsib@rambler.ru

РЕФЕРАТ

Способность государства обеспечить свою экономическую безопасность является крайне важным обстоятельством в контексте активных преобразований в стране, нацеленных на повышение уровня ее социально-экономического развития.

Автором выделены две концепции понимания экономической безопасности: американская и российская. Рассматривая структуру национальной безопасности, автор выделил восемь взаимосвязанных структурных элементов, помимо экономической безопасности, к ним также относятся: демографическая безопасность, духовно-нравственная безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность, политическая безопасность, оборонная (военная) безопасность и социальная безопасность. Экономическая безопасность государства представляет собой многоуровневую систему, одним из уровней в этой системе является региональный. На уровне региона экономическая безопасность отражает состояние региональной экономической системы. Это состояние должно быть таким, чтобы за счет внутренних ресурсов регион был способен обеспечить требуемый уровень жизни, полную занятость, устойчивость экономического развития, и самостоятельно нейтрализовать экзогенные воздействия внешней среды. Для оценки состояния экономической безопасности предлагается создать систему критических параметров, которая позволит определить «болевы точки» и общее состояние экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая безопасность, региональная экономическая безопасность, американская концепция экономической безопасности, отечественная концепция экономической безопасности, уровни экономической безопасности, пороговые значения

Starikova O. V.

Theoretical and Methodological Bases of Economic Security of Regional Economic System

Starikova Olga Vladimirovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of Macroeconomic Regulation
starikovsib@rambler.ru

ABSTRACT

Ability of the state to ensure the economic security is the extremely important circumstance in the context of the active transformations in the country aimed at increase of level of its social and economic development.

In a format of the this subject studying of various approaches to definition of economic security created in the latest time and which laid the foundation for modern approaches and instruments of providing economic security is of special interest.

Now it is possible to allocate two concepts of understanding of economic security: American and Russian.

Considering structure of national security, we can allocate eight interconnected structural elements, besides economic security them also treat: demographic safety, spiritual and moral safety, information security, ecological safety, political safety, defensive (military) safety and social safety.

Economic security of the state represents multilevel system, the region is one of levels in this system.

Regional economic security represents a condition of regional economy at which at the expense of internal resources the demanded standard of living, a full employment, stability of economic development, compensation of exogenous influences of environment is provided.

In the context of administrative-territorial division of our country we understand the territorial subject of the Russian Federation as the region.

In modern conditions for ensuring due level of economic security both certain regions, and the country in general it is extremely important to be guided by critical indicators of threats, their such values which achievement predetermines destructive processes in economy.

Critical parameters are formed on the basis of estimates of crisis situations and show how profitable or this or that field of activity is unprofitable.

Development of critical parameters (threshold values) of economic security, exit out of which limits is a call to emergence of threat of economic security, allows to create the tool for an assessment of a condition of regional economy.

KEYWORDS

Economic security, regional economic security, American concept of economic security, Russian concept of economic security, levels of economic security, threshold value

Наиболее острый интерес к проблемам укрепления экономической безопасности проявляется в переломные периоды жизни общества. В контексте современных политико-экономических условий и выбранного курса на импортозамещение вышеуказанные вопросы выходят на первый план.

Как известно, существует несколько подходов к трактовке понятия «экономическая безопасность». На сегодняшний день можно выделить две концепции — американскую (западную) и российскую. Согласно первой концепции, экономическая безопасность должна соответствовать трем минимальным признакам: во-первых, сохранению экономической самостоятельности страны, ее способности в собственных интересах принимать решения, касающихся развития хозяйства; во-вторых, возможности страны сохранить уже имеющийся уровень жизни населения и его дальнейшее повышение; в-третьих, весь мир должен являться сферой национальных интересов США, поскольку влияние США простирается далеко за их территориальные пределы.

По мнению американских специалистов, ключевой характеристикой экономической безопасности является обеспечение суверенитета государства в принятии решений, как во внутренней, так и во внешней политике. Согласно этой позиции, экономическая безопасность прежде всего представляет собой защищенность интересов страны [5, с. 12], а также, в случае США, отражение угроз со стороны внешних сил, противостоящих американскому гегемонизму.

Суть второй, отечественной, концепции заключается в том, что экономическая безопасность определяется в основном процессами политической и социально-экономической трансформации, происходящими в России. Повышенный интерес к проблемам укрепления экономической безопасности в нашей стране возник в последнем десятилетии XX в., и вызвано это как началом экономических преобразований, так и системным кризисом российской экономики. Российские ученые, предлагая концептуальные подходы к исследованию проблем безопасности в сфере экономики и разработке механизмов защиты от угроз, действующих в данной сфере, исходят из различных определений терминов и структурных составляющих экономической национальной безопасности.

Для полного понимания такой категории, как «экономическая безопасность», следует определить, что представляет собой безопасность в целом. Существует несколько определений термина «безопасность», мы под безопасностью будем

иметь в виду состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.¹ Экономическая безопасность является одним из наиболее приоритетных функциональных направлений безопасности, но в настоящее время в мировом научном сообществе не выработано единого мнения, что же включает в себя категория экономической безопасности. Приведем некоторые определения экономической безопасности, предложенные отечественными авторами.

Академик В. К. Сенчагов в своей работе «О сущности и основах стратегии экономической безопасности России» говорит о том, что мы можем констатировать экономическую безопасность только в таком случае, когда экономические и властные институты способны обеспечивать гарантированную защиту национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [8, с. 99]. Таким образом, экономическая безопасность является совокупностью таких характеристик, как защищенность национальных интересов, способность институтов власти создавать механизмы развития отечественной экономики и поддержания социально-политической стабильности общества.

По мнению академика С. Ю. Глазьева, экономическая безопасность представляет собой такое состояние экономики и производительных сил общества, при котором возможно самостоятельное обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны, поддержание необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции [2, с. 113].

В свою очередь, В. Паньков, рассматривая категорию экономической безопасности, придерживается позиции устойчивости и акцентирует внимание на поддержании конкретных характеристик функционирования экономической системы при наличии неблагоприятных факторов [7, с. 24]. Если придерживаться вышеизложенной позиции, то экономическую безопасность можно представить в виде такого состояния экономической системы, при котором данная система устойчива к влиянию внутренней и внешней среды, факторы которых при определенных условиях нарушают ее нормальное функционирование, разрушая систему изнутри, и становятся угрозой существования мегасистемы (государства).

Академик Л. И. Абалкин представляет экономическую безопасность в качестве совокупности условий и факторов, которые обеспечивают независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, ее способность к постоянному обновлению и совершенствованию [1, с. 38].

В области исследований экономической безопасности сложилось несколько концептуальных подходов к определению сущности данного термина. Первый подход, отраженный в трудах Л. И. Абалкина, А. Д. Архипова, А. Е. Городецкого предполагает определение экономической безопасности через самостоятельность экономической системы в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны [6, с. 41]. Авторы второго подхода, представителями которого являются С. Ю. Глазьев и В. А. Сенчагов, основываются на том, что экономическая безопасность страны эквивалентна состоянию экономики, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов. Третий подход, отраженный в основном в работах В. Л. Тамбовцева, предполагает, что экономическая безопасность представляет собой совокупности свойств состояния производственной подсистемы, которые обеспечивают возможность достижения целей всей системы [6, с. 40].

¹ О безопасности: Федеральный закон от 05 марта 1992 г. № 2446-1 // Российская газета. 1992. 6 марта.

Большинство исследователей экономической безопасности склонны рассматривать эту категорию в качестве важнейшей качественной характеристики экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать в границах нормы условия жизни населения, стабильное обеспечение ресурсами народного хозяйства и последовательную реализацию национальных государственных интересов. В Российской Федерации в настоящее время в *официальных государственных документах* (таких, как Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390 «О безопасности»; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537; «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ от 29 апреля 2009 г. № 608; Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года) определение данного термина отсутствует.

Трактовать понятие экономической безопасности *с правовой точки зрения* через определение термина «безопасность» не представляется возможным, так как в новом Федеральном законе «О безопасности» отсутствует само определение «безопасности». Основываясь же на определении данного термина в контексте ранее действующего Федерального закона «О безопасности» от 05 марта 1992 г. № 2446-1¹, можно дать следующее определение экономической безопасности: это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в экономической сфере. Таким образом, суть отечественной концепции заключается в том, что экономическая безопасность определяется в основном процессами политической и социально-экономической трансформации, происходящими в России.

Основным официальным документом, определяющим позиции Российской Федерации по проблемам национальной безопасности, является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Согласно этому документу, силы обеспечения национальной безопасности совместно с институтами гражданского общества в целях обеспечения экономической безопасности ориентируются на поддержание государственной социально-экономической политики, которая имеет четыре основных направления.

Во-первых, социально-экономическая политика государства должна быть направлена на усовершенствование структуры производства и экспорта, антимонопольное регулирование и поддержку конкуренции. Во-вторых, для обеспечения экономической безопасности во внутренней сфере необходимо реализовывать политику, способствующую развитию национальной инновационной системы, что подразумевает под собой реализацию высокоэффективных проектов и приоритетных программ развития высокотехнологических секторов экономики. В-третьих, политика государства в социально-экономической сфере должна придерживаться курса укрепления финансовых рынков и повышения ликвидности финансовой системы. И наконец, устойчивое социально-экономическое развитие государства, как, впрочем, и обеспечение его экономической безопасности, невозможно без усиленной интеграции науки, образования и производства. Последнего, согласно стратегии, можно достичь путем формирования системы научного и технологического прогнозирования и реализации научных и технологических проектов².

Следовательно, обеспечение национальной безопасности за счет экономического роста достигается путем развития национальной инновационной системы, повышения производительности труда, освоения новых ресурсных источников, модернизации приоритетных секторов национальной экономики, совершенствования банковской системы, финансового сектора услуг и межбюджетных отношений Российской Фе-

¹ Там же.

² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

дерации. Таким образом, развитие экономики подразумевает обеспечение ее безопасности.

Основными объектами экономической безопасности являются личность, общество и государство. Основными же субъектами экономической безопасности выступают государство, посредством уполномоченных государственных институтов, органы местного самоуправления, общественные организации и отдельные граждане [4, с. 19]. Также необходимо отметить, что основные объекты экономической безопасности в зависимости от конкретных обстоятельств могут выступать в качестве субъектов, и наоборот.

Объекты экономической безопасности могут находиться в двух состояниях: защищенности и незащищенности. Для обеспечения состояния защищенности объектов экономической безопасности государством, посредством законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, создается и в дальнейшем поддерживается система правовых норм, определяются ключевые направления деятельности государственных органов в этой сфере, формируются и модернизируются органы обеспечения безопасности и механизм контроля и надзора за их деятельностью.

Экономическая безопасность может быть представлена как многоуровневая система отношений общества и государства и, следовательно, основным подходом к изучению проблем экономической безопасности должен являться системный. На основании этого подхода принято выделять пять уровней экономической безопасности (рис. 1). На наш взгляд, основываясь на административно-территориальном делении нашей страны, целесообразно выделить шесть взаимосвязанных уровней экономической безопасности (рис. 2). В соответствии с системным подходом объект (система) рассматривается как целостный комплекс взаимосвязанных элементов.

Элементы системы, в свою очередь, определяют ее свойства в целом, а взаимодействие элементов позволяет поддерживать ее как единое целое.

Государство представляет собой единую систему, элементами которой выступают 9 федеральных округов, 85 субъектов Федерации (регионы РФ), города, предприятия и, наконец, личность.

Все элементы системы взаимосвязаны между собой; в первую очередь, это проявляется в том, что, к примеру, экономическое состояние градообразующего предприятия влияет на экономическое состояние города, на территории которого оно расположено; в свою очередь, экономическое состояние города напрямую отражается на состоянии региона и т. д.

Также взаимосвязь элементов проявляется в схожей сущности процессов, влияющих на разные уровни экономической безопасности.

По сути, экономическая безопасность — это целостная система, которая отражает экономическую независимость объекта, его стабильность и устойчивость, способность к саморазвитию.

В условиях современного мирового хозяйства экономическая независимость на уровне государства не носит абсолютного характера. В настоящее время мы можем говорить о взаимозависимости национальных экономик друг от друга, что вызвано в первую очередь международным разделением труда. Таким образом, экономическая независимость представляет собой возможность контроля государства за национальными ресурсами, достижение такого уровня эффективности производства и качества продукции, который будет обеспечивать ее конкурентоспособность на внешних рынках и в обмене научно-техническими достижениями.

Рассматривая стабильность и устойчивость объекта на примере государства, мы определяем с помощью этих характеристик состояние национальных экономик. Стабильность и устойчивость национальной экономики выражается во многих показателях, в том числе в отношении собственности, условиях для предпринимательской деятельности, состоянии теневой экономики, структуре распределения

Рис. 1. Уровни экономической безопасности

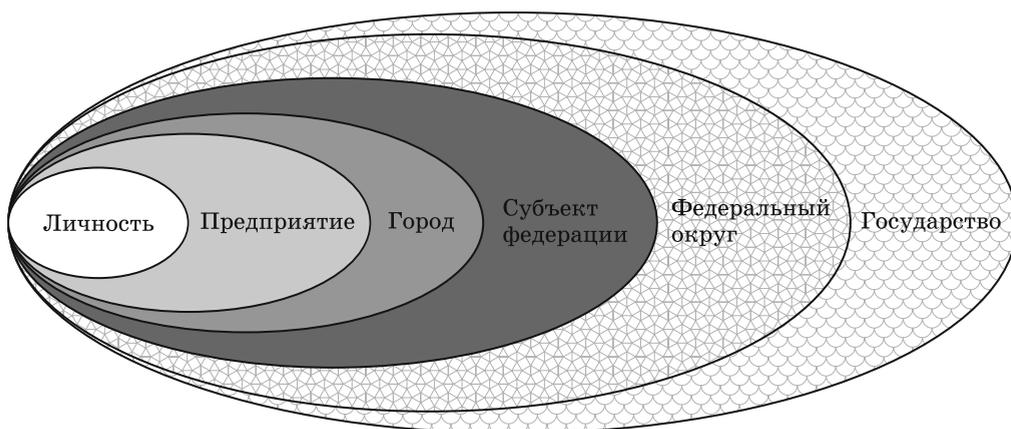

Рис. 2. Уровни экономической безопасности с учетом административно-территориального деления РФ

доходов и т. д. Способность к саморазвитию, а в идеальных условиях, к прогрессу, на уровне государства в первую очередь определяется созданием благоприятного климата для инвестиционной и инновационной деятельности. Также эта характеристика экономической безопасности выражается регулярной модернизацией производства, повышением качества рабочей силы и т. п.

На уровне государства экономическая безопасность является одним из восьми взаимосвязанных структурных элементов национальной безопасности. Также в качестве структурных элементов национальной безопасности можно выделить: демографическую безопасность, духовно-нравственную безопасность, информационную безопасность, экологическую безопасность, политическую безопасность, оборонную (военную) и социальную безопасность.

Рассмотрим политический фактор. Его характерной особенностью является влияние управленческих решений в политической сфере на показатели в экономической

сфере и на степень уязвимости экономической системы в целом. Политическая безопасность влияет на экономическую посредством внутренних угроз, выражающихся, в первую очередь, в реализации органами власти мероприятий в сфере экономической политики, которые дестабилизируют экономическую систему. Также ощутимое воздействие на экономику оказывают социально-политические кризисы и внешние угрозы, выраженные, к примеру, внешними экономическими санкциями с целью оказания политического давления.

Оборонная (военная) безопасность взаимосвязана с экономической в части милитаризации экономики, последствием которой является неустойчивость всей системы национальной безопасности. В то же время, при сокращении оборонно-способности возрастает вероятность экспансии различной природы, что может затронуть все сферы жизни общества.

Информационная безопасность на уровне государства, прежде всего, акцентирует свое внимание на функционировании системы сохранения сведений, которые составляют государственную, промышленную, предпринимательскую, коммерческую и личную тайну. Социальный фактор представляет собой оценку социальной напряженности, результатом которой могут быть сильные социальные взрывы, перерастающие в гражданские войны. Столь сильные социальные потрясения, естественно, сказываются и на экономике, в таком случае мы уже можем говорить о состоянии незащищенности ее объектов.

Проявление демографического фактора выражается во влиянии на экономику демографических показателей (безработица, уровни рождаемости и смертности, здоровье населения и др.). Духовно-нравственная составляющая безопасности выражается в защите государства от негативного воздействия агрессивно настроенных социальных институтов, которые прямо или косвенно влияют на сознание и нравственность граждан.

Экономическая безопасность является особым элементом в структуре национальной безопасности. Это обусловлено зависимостью остальных видов безопасности от экономической, так как ни один из них не может быть в полной мере реализован без экономического обеспечения. Как уже отмечалось выше, экономическая безопасность государства представляет собой многоуровневую систему, и одним из уровней в этой системе является регион. На уровне региона экономическая безопасность, прежде всего, отражает состояние региональной экономической системы. Это состояние должно быть таким, чтобы за счет внутренних ресурсов регион был способен обеспечить требуемый уровень жизни, полную занятость, устойчивость экономического развития и самостоятельно нейтрализовать экзотические воздействия внешней среды [3].

В современных условиях, в целях обеспечения должного уровня экономической безопасности, как отдельных регионов, так и страны в целом, важно опираться на критические показатели угроз. Значение этих показателей должно быть таким, чтобы мы могли предопределить разрушительные процессы в экономической системе. Прежде всего, критические величины экономических показателей указывают на необходимость своевременного вмешательства органов управления в экономическую систему с целью нейтрализации опасных тенденций. В связи с этим введение общепризнанных пороговых значений, которые отражают дестабилизацию в экономике, позволяет прийти к единому целеполаганию различных хозяйствующих субъектов, органов исполнительной власти и политических сил.

Критические параметры формируются на основании оценок кризисных ситуаций и показывают, насколько рентабельной или убыточной является та или иная сфера деятельности. Для оценки состояния экономической безопасности любого уровня необходимо создать такую систему критических параметров, которая позволит определить болевые точки и общее состояние экономики. Такая система строится

на индикативном анализе и дает возможность разрабатывать не только инструменты оценки состояния экономической системы, но и методы преодоления возникающих угроз.

Основой при разработке подобной системы являются параметры, с помощью которых и осуществляется выявление проблем региональной экономической безопасности. Таким образом, достижение порогового значения в нижнем его пределе является проявлением конкретной социально-экономической проблемы, влияющей на экономическую безопасность того или иного уровня. В настоящее время в экономической науке существуют разнообразные подходы к составу показателей экономической безопасности. Нет единого мнения и в отношении того, какие показатели необходимо использовать, и какие пороговые значения этих показателей будут характеризовать кризисные процессы в экономике. Такая разобщенность во мнениях затрудняет изучение вопросов экономической безопасности на любом ее уровне.

В целях обеспечения региональной экономической безопасности, на наш взгляд, представляется необходимым разработать единую систему оценок и законодательно закрепить ее. Показатели, из которых, по нашему мнению, должна состоять система оценок, представлены в таблице.

Таким образом, одним из приоритетных направлений деятельности в области обеспечения экономической безопасности является разработка и законодательное закрепление универсальной системы показателей. Также необходимо отметить, что

Показатели состояния экономической безопасности региона

№	Показатель	Уровень пороговых значений
1	2	3
<i>ВРП</i>		
1	Валовый региональный продукт (ВРП), млрд руб.	
2	Темп роста ВРП, %	110–112
3	Структура ВРП по видам экономической деятельности (процент расходов на образование и здравоохранение в ВРП)	Пороговое значение — 10%
4	Доля внешних заимствований в покрытии дефицита бюджета, %	50
<i>Производственная сфера</i>		
5	Индекс промышленного производства, %	106–108
6	Доля муниципалитетов региона в объеме промышленного производства в %	
7	Доля в промышленном производстве обрабатывающей промышленности	
8	Отгруженная инновационная продукция, в % ко всей промышленной продукции	15
9	Индекс производства продукции сельского хозяйства, %	136
10	Объем оборота розничной торговли, в % к ВРП	40
11	Доля инвестиций в основной капитал в ВРП, %	25

1	2	3
<i>Финансовая сфера</i>		
12	Индекс потребительских цен к декабрю предыдущего года, %	105–107
13	Кредиторская задолженность предприятий и организаций,	
14	Сальдированный финансовый результат предприятий и организаций	
<i>Социальная сфера</i>		
15	Уровень официальной безработицы, %	10
16	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	8
17	Обеспеченность жильем, м ² на 1 чел.	20
<i>Демография</i>		
18	Коэффициент рождаемости	8–15
19	Коэффициент смертности	10
20	Естественная убыль населения на 1000 жителей	1–9
21	Сальдо миграции	
22	Продолжительность жизни населения	70 лет
23	Уровень преступности	Количество преступлений на 100 тыс. населения

наличие единого (общепринятого) определения понятия «экономическая безопасность» является крайне важным при формировании нормативно-правовой базы и при проведении исследований в сфере обеспечения экономической безопасности.

Литература

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 2009. № 12. С. 38–41.
2. Глазьев С. Ю. Безопасность экономическая // Политическая энциклопедия. Т. 1. М. : Мысль, 1999. С. 113–117.
3. Дамаскин О. В. Развитие федерализма и региональные проблемы экономической безопасности Российской Федерации / О. В. Дамаскин // Современное право. 2011. № 11. С. 3–6.
4. Корнилов М. Я. Экономическая безопасность России: основы теории и методологии исследования. М. : Изд-во РАГС, 2010. 154 с.
5. Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность и конкурентоспособность. Формирование экономической стратегии государства : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 239 с.
6. Леснякова Е. Н. Механизм реализации национальной безопасности современной России, экономический аспект // Сфера услуг: инновации и качество. 2012. № 8. С. 36–51.
7. Паньков В. Экономическая безопасность. Интерлинк. 1992. № 3. С. 114–120.
8. Сенчагов В. К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России. Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 99–105.

References

1. Abalkin L. I. *Economic security of Russia: threats and their reflections* [Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie] // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2009. N 12. P. 38–41.

2. Glazyev S. Yu. *Economic Security*. [Bezopasnost' ekonomicheskaya] // Political encyclopedia [Politicheskaya entsiklopediya]. V. 1. M. : Thought [Mysl'], 1999. P. 113–117.
3. Damaskin O. V. *Development of federalism and regional problems of economic security of the Russian Federation* [Razvitie federalizma i regional'nye problemy ekonomicheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii] / O. V. Damaskin // Modern law [Sovremennoe pravo]. 2011. N 11. P. 3–6.
4. Kornilov M. Ya. *Economic security of Russia: bases of the theory and methodology of research* [Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: osnovy teorii i metodologii issledovaniya]. M. : Publishing house RAGS [Izd-vo RAGS], 2010. 154 p.
5. Kuznetsova E. I. *Economic security and competitiveness. Formation of economic strategy of the state* [Ekonomicheskaya bezopasnost' i konkurentosposobnost'. Formirovanie ekonomicheskoi strategii gosudarstva] : monograph. M. : YUNITI-DANA, 2012. 239 p.
6. Lesnyakova E. N. *Mechanism of realization of national security of modern Russia, economic aspect* [Mekhanizm realizatsii natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii, ekonomicheskii aspect] // Services sector: innovations and quality [Sfera uslug: innovatsii i kachestvo]. 2012. N 8. P. 36–51.
7. Pankov V. *Economic security* [Ekonomicheskaya bezopasnost']. Interlink. 1992. № 3. P. 114–120.
8. Senchagov V. K. *On the essence and bases of strategy of economic security of Russia* [O sushchnosti i osnovakh strategii ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii] // Economy questions [Voprosy ekonomiki]. 1995. N 1. P. 99–105.

Прогнозирование внутрирегиональной неравномерности экономического развития региона

Чепик Александр Евгеньевич

Московский государственный университет экономики, статистики и информатики
Аспирант кафедры математической статистики и эконометрики
office@esstu.ru

РЕФЕРАТ

При изучении проблемы внутрирегиональной неравномерности экономического развития одной из основных задач статистического исследования является прогнозирование динамики развития неоднородности. В данной статье предложено оценивать неравномерность внутрирегионального экономического развития с помощью индекса неравномерности. Исследование этого показателя на материалах Республики Бурятия позволило изучить его динамику и выбрать адекватный метод построения трендовых моделей. На основании полученных уравнений регрессии был рассчитан среднесрочный прогноз внутрирегиональной неоднородности в регионе, который рекомендован к использованию в практике управления региональным развитием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неравномерность экономического развития, регрессионные модели с переменной структурой, коэффициент вариации, регион, региональная экономика

Чепик А. Е.

Forecasting of Intra-regional Unevenness of Economic Development of the Region

Чепик Alexander Evgenyevich

Moscow State University of Economy, Statistics and Informatics (Moscow, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Mathematical Statistics and Econometrics
office@esstu.ru

ABSTRACT

When studying a problem of intraregional unevenness of economic development, one of the main objectives of statistical research is forecasting of dynamics of development of dissimilarity. In the article it is offered to estimate unevenness of intraregional economic development by means of an unevenness index. Research of this indicator on materials of the Republic of Buryatia allowed to study its dynamics and to choose an adequate method of creation of trend models. On the basis of the received equations of regression the medium-term forecast of intraregional dissimilarity in the region which is recommended for use in practice of management of regional development was calculated.

KEYWORDS

unevenness of economic development, regression models with variable structure, variation coefficient, region, regional economy

Российская экономика отличается высоким уровнем неравномерности территориального развития [3; 4; 11; 12 и др.]. В связи с этим важной прикладной задачей является оценка неравномерности развития территорий региона на уровне отдельных муниципальных образований [6–9 и др.]. В качестве параметра оценки неравномерности развития в нашем исследовании выступил индекс неравномерности.

В качестве индекса неравномерности нами принимается коэффициент вариации, который характеризует вариацию признака, приходящуюся на единицу его среднего значения: $V = \frac{s}{\bar{x}}$. Достоинство этого показателя в том, что это — относительный показатель вариации, в его основе лежат эффективные, состоятельные и взаимно независимые показатели \bar{x} и s , в случае выборки их нормальной генеральной совокупности. Еще одним из его достоинств является то, что он позволяет сравнивать неравномерность социально-экономического развития муниципальных образований по нескольким показателям, имеющим различные единицы измерения и масштабы.

При анализе динамики протекающих в регионе социально-экономических процессов интерес представляет также темп роста индекса неравномерности, который показывает устойчивость показателей неравномерности во времени и направленность происходящих процессов, т. е. рост или снижение неравномерности во времени. Темп роста индекса неравномерности в качестве измерителя неравномерности дает относительную оценку вариации в динамике, что позволяет проводить адекватные сравнения степени неоднородности социально-экономического развития между муниципальными образованиями, в отличие от других коэффициентов неоднородности, используемых в литературе [1; 10; 13 и др.].

В качестве исходной информации нами использовались значения индексов неравномерности, рассчитанные по пяти экономическим индикаторам для Республики Бурятия за период с 2002 по 2013 г.:

y_1 — индекс неравномерности, рассчитанный по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по чистым видам экономической деятельности на душу населения» (%);

y_2 — индекс неравномерности, рассчитанный по показателю «Объем продукции сельского хозяйства на душу населения» (%);

y_3 — индекс неравномерности, рассчитанный по показателю «Оборот розничной торговли на душу населения» (%);

y_4 — индекс неравномерности, рассчитанный по показателю «Объем платных услуг населению на душу населения» (%);

y_5 — индекс неравномерности, рассчитанный по показателю «Собственные доходы муниципальных бюджетов на душу населения» (%).

В силу небольшого количества исходных данных (с 2002 по 2013 г.) использование адаптивных методов прогнозирования, в частности, моделей авторегрессии и скользящего среднего, методов экспоненциального сглаживания, вызывает определенные затруднения. Исследование, проведенное ранее [14], показало отсутствие в большинстве случаев тренда средней. Следовательно, возникла задача получения адекватных трендовых моделей, учитывающих изменчивость в динамике временных рядов индексов неравномерности.

При анализе реальных социально-экономических процессов часто приходится констатировать, что со временем под влиянием вновь появившихся условий, факторов и масштабов взаимосвязи между качественными и количественными, зависимыми и независимыми признаками меняются. В таких случаях модели с постоянной структурой являются недостаточно точными для объяснения закономерностей меняющихся явлений, и для анализа прибегают к построению моделей с переменной структурой [15, с. 120].

Для учета влияния сопутствующих переменных на структуру эконометрической модели в регрессионную модель вводят фиктивные переменные, принимающие значение 0 или 1. При этом надежность коэффициентов регрессии должна повы-

ситься [15, с. 121]. Построение трендовых моделей для индикаторов неравномерности показало следующие результаты.

Исследование динамики индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по чистым видам экономической деятельности на душу населения», показало наличие нескольких «переломных точек», а именно — 2005, 2006, 2008, 2010 гг. Средний темп роста объемов отгруженных товаров собственного производства за рассматриваемый период по Республике Бурятия составляет 120,11%. В районах наблюдается неравномерность в средних темпах роста, минимальное значение — 89,99% (Хоринский р-н), максимальное — 166,21% (Тункинский р-н). Существенные колебания в значениях цепных темпов роста отмечены в «переломные периоды», что оказало определенное влияние на значения индекса неравномерности (рис. 1).

Использование фиктивных переменных в структуре трендовой регрессионной модели позволило получить уравнение зависимости индекса неравномерности от времени, которое имеет вид:

$$\hat{y}_1 = -5668,40 + 2,90 \cdot t - 0,02 \cdot \gamma \cdot t,$$

$$\begin{matrix} (-2,36) & (2,27) & (-4,21) \end{matrix}$$

$$\gamma = \begin{cases} 1, & t \geq 2010, \\ 0, & t < 2010, \end{cases}$$

где t — время.

Характеристики уравнения указывают на адекватность полученной модели. Множественный коэффициент детерминации составляет 0,71, $F(2,9) = 10,95 > F_{кр}$ на уровне значимости 0,05; все параметры уравнения удовлетворяют t -критерию, оценка остаточной дисперсии составляет 8,73. Прогнозные значения для зависимой переменной представлены в табл. 1.

Согласно данным таблицы, неравномерность экономического развития региона, выраженная через индекс неравномерности, в будущем будет возрастать, увеличиваясь в год на 2,11%. В табл. 1 представлен также интервальный прогноз, который с надежностью 0,95 покрывает неизвестное значение условного математического ожидания $M_i(y_1)$. Данная надежность выбрана для построения всех последующих интервальных прогнозов.

Таблица 1

Прогнозные значения для индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по чистым видам экономической деятельности на душу населения»

Год	Нижняя граница доверительного интервала	Верхняя граница доверительного интервала	Среднее значение коэффициента вариации
2014	111,97	151,87	131,92
2015	113,13	156,47	134,80
2016	115,23	160,13	137,68
2017	117,81	163,31	140,56
2018	120,61	166,27	143,44

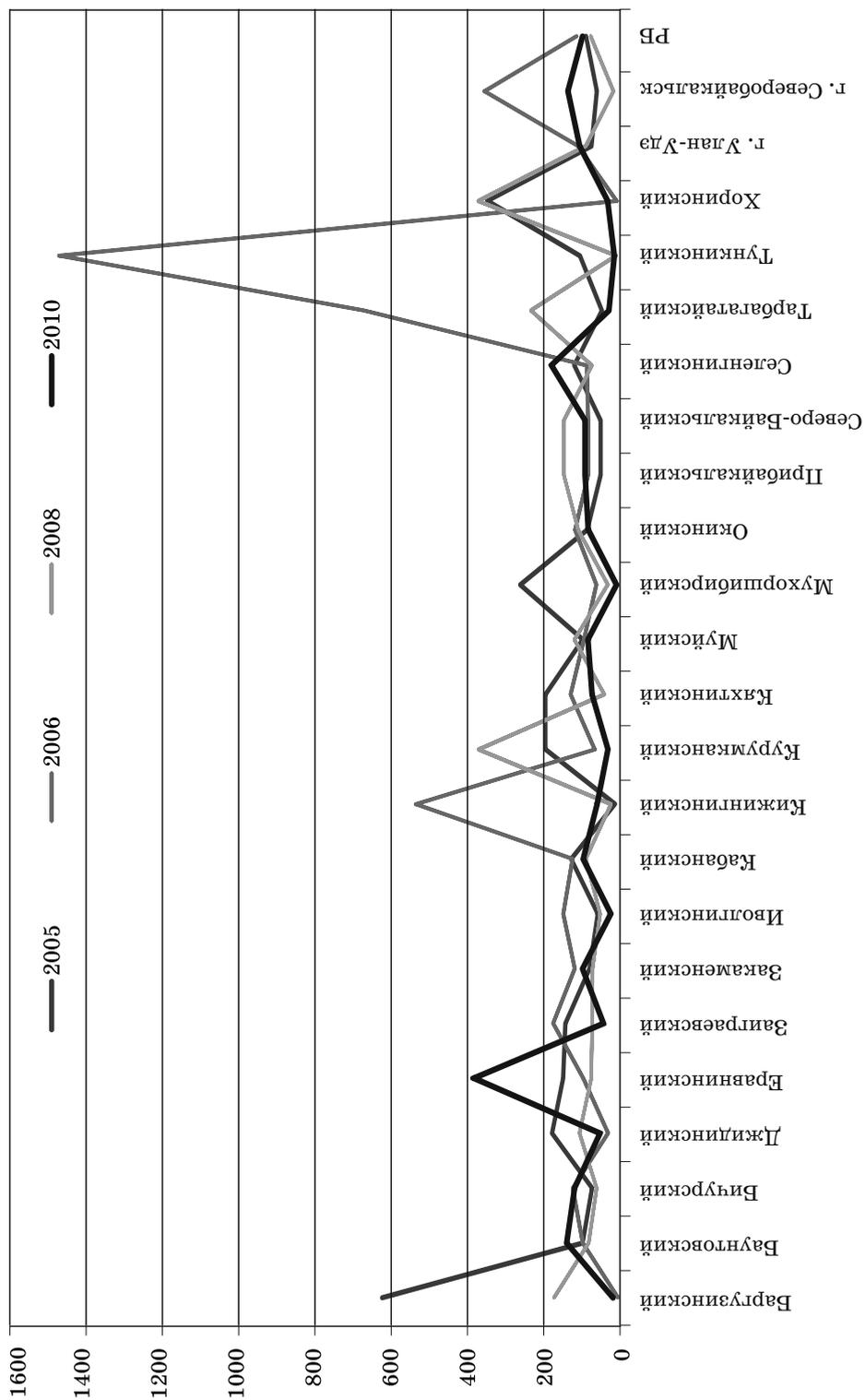

Рис. 1. Целные темпы роста объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по чистым видам экономической деятельности на душу населения за 2005, 2006, 2008, 2010 гг. (%)

Изучение динамики индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем производства продукции сельского хозяйства», дает возможность зафиксировать несколько точек смены тенденции — это 2005, 2006, 2010 гг. В настоящее время сельским хозяйством Республики Бурятия создается около 9% ВРП, и 26,8% населения занято материальным производством. Республика специализируется на многоотраслевом сельском хозяйстве. В животноводстве преобладает мясомолочное направление, в растениеводстве существенную долю занимают посевы зерновых культур (пшеница, овес, ячмень, рожь, гречиха).

На 1 января 2011 г. в Республике Бурятия функционировало 188 сельскохозяйственных производственных кооперативов, обрабатывающих сельскохозяйственные угодья общей площадью 1185 тыс. га, а также 2559 крестьянских (фермерских) хозяйств и 152 тыс. личных подсобных хозяйств [2]. За рассматриваемый период отмечено существенное сокращение объемов сельскохозяйственного производства. Средний темп роста объемов производства продукции сельского хозяйства по Республике Бурятия в период с 2002 по 2013 г. составил 88,98%. В районах региона отмечена волатильность в средних темпах роста. Максимальное значение составляет 98,74% и наблюдается в Муйском районе, минимальное — 69,96% в Еравненском районе (рис. 2).

Колеблемость индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем производства продукции сельского хозяйства» существенно ниже по сравнению с предыдущим аналогичным индикатором неравномерности. Изменение динамики вызвано колебаниями темпов роста объемов производства продукции сельского хозяйства в районах республики в указанные периоды времени. Построение трендовой модели для данного индикатора дало следующий результат

$$\hat{y}_1 = 62,51 - 0,84 \cdot t + 0,82 \cdot \gamma \cdot t,$$

$$(29,25) \quad (-2,65) \quad (2,97)$$

$$\gamma = \begin{cases} 1, & t \geq 2011, \\ 0, & t < 2011. \end{cases}$$

Критерии адекватности для полученного уравнения выполнены: множественный коэффициент детерминации составляет 0,49, $F(2,9) = 4,42 > F_{кр}$ на уровне значимости 0,05; все параметры уравнения удовлетворяют t-критерию, оценка остаточной дисперсии составляет 2,95. Прогнозные значения для зависимой переменной представлены в табл. 2.

Согласно данным таблицы, неравномерность по производству продукции сельского хозяйства в ближайшие годы существенно не изменится.

Таблица 2

Прогнозные значения для индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем производства продукции сельского хозяйства»

Год	Нижняя граница доверительного интервала	Верхняя граница доверительного интервала	Среднее значение коэффициента вариации
2014	60,49	63,99	62,25
2015	60,45	64,01	62,23
2016	60,38	64,04	62,21
2017	60,29	64,09	62,19
2018	60,21	64,13	62,17

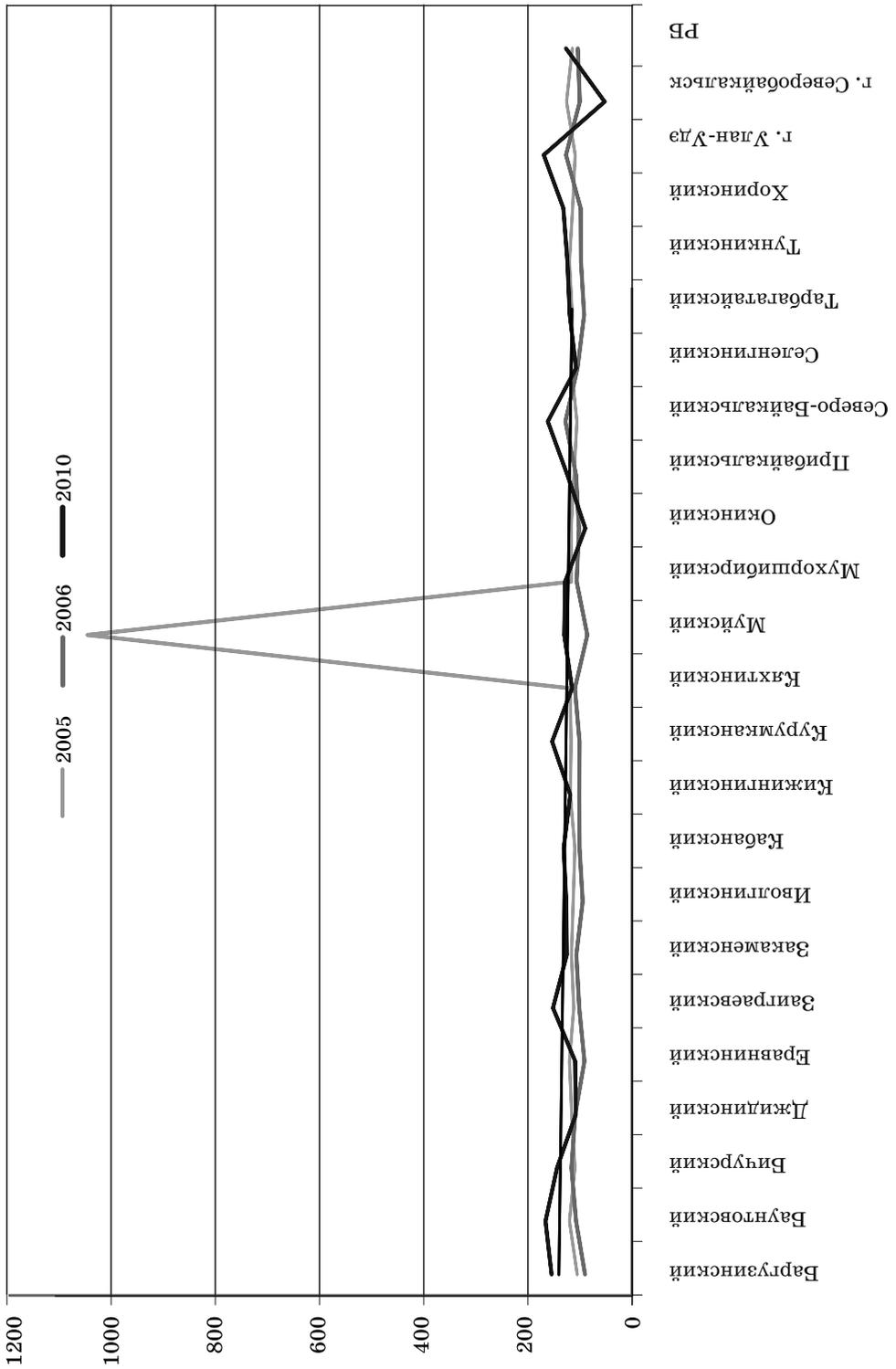

Рис. 2. Цепные темпы роста объема производства продукции сельского хозяйства на душу населения за 2005, 2006, 2010 гг. (%)

Как было показано ранее, торговля в Республике Бурятия демонстрирует достаточно активное развитие. Доля оптовой и розничной торговли в валовой добавленной стоимости региона составляет 12,4%. Неравномерность регионального развития по показателю «Объем розничного товарооборота» с 2002 по 2011 г. имеет устойчивую динамику. В качестве «точки разворота» нами был выбран 2012 г., именно в этот год отмечены существенные колебания в темпах роста розничного товарооборота в районах республики (рис. 3).

Построение трендовой модели с использованием фиктивных переменных дало следующий результат:

$$\hat{y}_3 = 62,31 - 1,58 \cdot t + 10,84 \cdot \gamma \cdot t,$$

(9,38) (-2,47) (12,59)

$$\gamma = \begin{cases} 1, & t \geq 2012, \\ 0, & t < 2012. \end{cases}$$

Уравнение имеет приемлемые характеристики. Множественный коэффициент детерминации составляет 0,96, $F(2,9) = 118,22 > F_{кр}$ на уровне значимости 0,05; все параметры уравнения удовлетворяют t-критерию, оценка остаточной дисперсии составляет 9,72. Прогнозные значения для индекса неравномерности представлены в табл.3.

Прогнозные значения позволяют говорить об увеличении неравномерности по показателю «Оборот розничной торговли» в будущем. Средний прирост данного показателя в год составляет 4,17%.

Исследование динамики платных услуг, предоставляемых населению, показало, что переломными точками в основной тенденции индекса неравномерности являются 2007, 2010 и 2011 г. Наиболее удачной моделью является уравнение, учитывающее изменение в 2010 г.:

$$\hat{y}_4 = 124,19 - 4,34 \cdot t + 11,93 \cdot \gamma \cdot t,$$

(10,88) (-2,91) (7,61)

$$\gamma = \begin{cases} 1, & t \geq 2010, \\ 0, & t < 2010. \end{cases}$$

Уравнение обладает приемлемыми характеристиками адекватности. Множественный коэффициент детерминации составляет 0,93, $F(2,9) = 61,99 > F_{кр}$ на уровне

Таблица 3

Прогнозные значения для индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Оборот розничной торговли»

Год	Нижняя граница доверительного интервала	Верхняя граница доверительного интервала	Среднее значение коэффициента вариации
2014	176,62	188,76	182,69
2015	185,77	198,13	191,95
2016	194,90	207,52	201,21
2017	204,00	216,94	210,47
2018	213,08	226,38	219,73

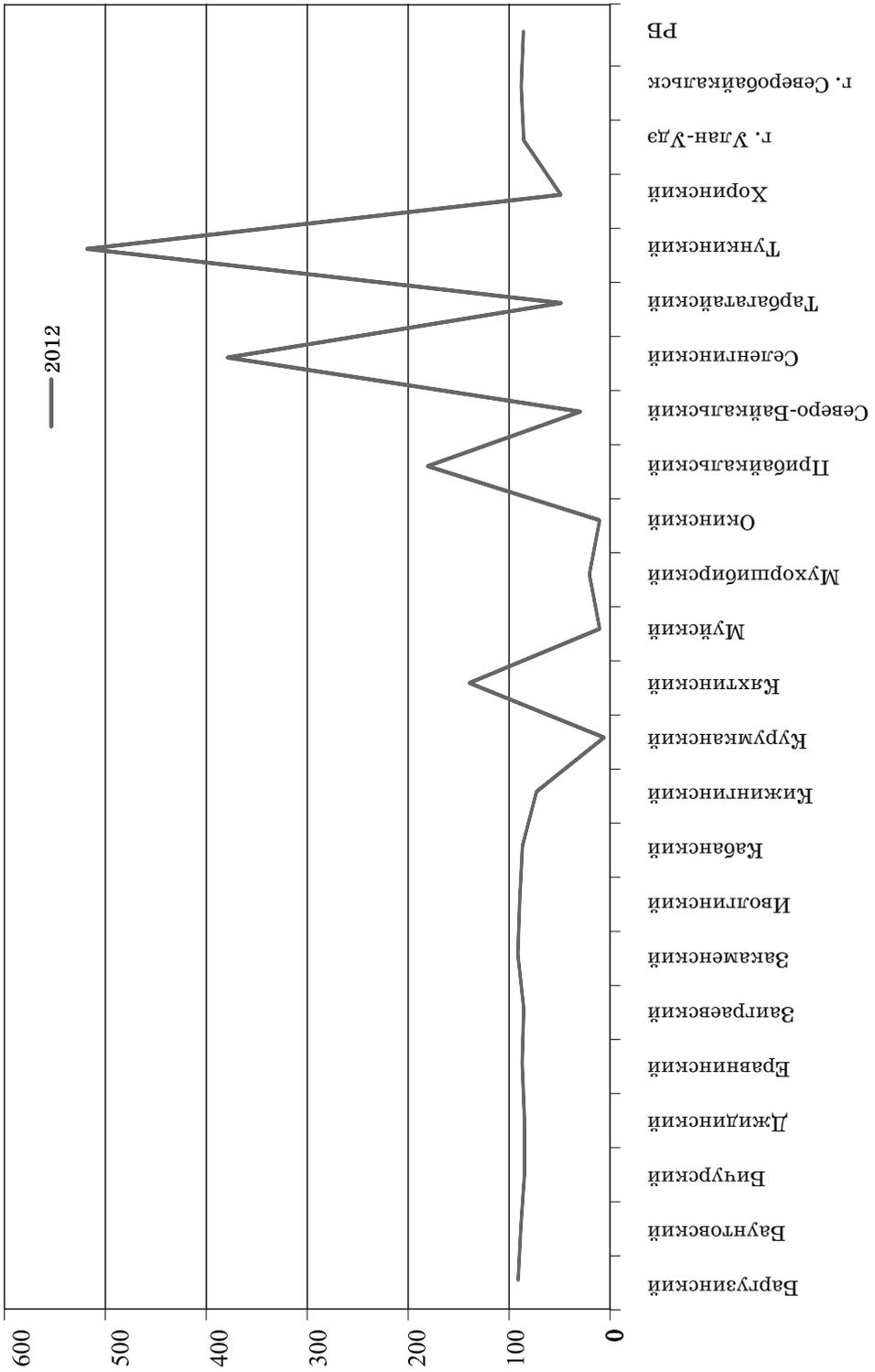

Рис. 3. Цепные темпы роста оборота розничной торговли по районам Республики Бурятия в 2012 г. (%)

значимости 0,05; все параметры уравнения удовлетворяют t-критерию, оценка остаточной дисперсии составляет 14,85. Прогнозные значения для индекса неравномерности представлены в табл. 4.

Полученный точечный прогноз свидетельствует об увеличении неравномерности по показателю «Объем платных услуг, предоставляемых населению» в будущем. Средний прирост показателя в год равен 3,24%.

Кризисные явления в экономической системе региона, происходившие с 2008 по 2011 г., отразились на величине собственных доходов муниципальных образований, а также темпах роста. Среднегодовой темп роста, рассчитанный по районам республики с 2002 по 2013 г. колеблется в пределах от 97,57% (Окинский район) до 123,80% (Заиграевский район). Анализ темпов роста показал, что высокая волатильность этого показателя наблюдается в 2008, 2011 и 2012 гг. (рис. 4).

Минимальное значение среднеквадратического отклонения, рассчитанного по темпам роста, составляет 959,54 и наблюдается в 2005 г., максимальное — 6052,60 в 2012 г., для сравнения в 2008 г. — 3511,46, в 2011 г. — 2137,31. Построение уравнения динамики для индикатора неравномерности выявило наилучшую модель, имеющую вид:

$$\hat{y}_5 = 94,91 + 4,04 \cdot t - 8,23 \cdot \gamma_1 \cdot t + 4,01 \cdot \gamma_2 \cdot t,$$

$$(13,24) \quad (3,12) \quad (-2,88) \quad (6,15)$$

$$\gamma_1 = \begin{cases} 1, & t \geq 2006, \\ 0, & t < 2006. \end{cases}, \quad \gamma_2 = \begin{cases} 1, & t \geq 2012, \\ 0, & t < 2012. \end{cases}$$

Уравнение отвечает критериям адекватности. Множественный коэффициент детерминации составляет 0,91, $F(3,8) = 26,29 > F_{кр}$ на уровне значимости 0,05; все параметры уравнения удовлетворяют t-критерию, оценка остаточной дисперсии составляет 7,02. Прогнозные значения для индекса неравномерности представлены в табл. 5.

Точечный прогноз индекса неравномерности указывает на сокращение в будущем неравномерности в среднем на 0,20% в год.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформировать трендовые модели для коэффициентов вариации. Полученные прогнозные значения указывают на разнонаправленную динамику развития неравномерности в различных сек-

Таблица 4

Прогнозные значения для индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Объем платных услуг, предоставляемых населению»

Год	Нижняя граница доверительного интервала	Верхняя граница доверительного интервала	Среднее значение коэффициента вариации
2014	213,58	232,14	222,86
2015	221,02	239,88	230,45
2016	228,41	247,67	238,04
2017	235,75	255,51	245,63
2018	243,07	263,37	253,22

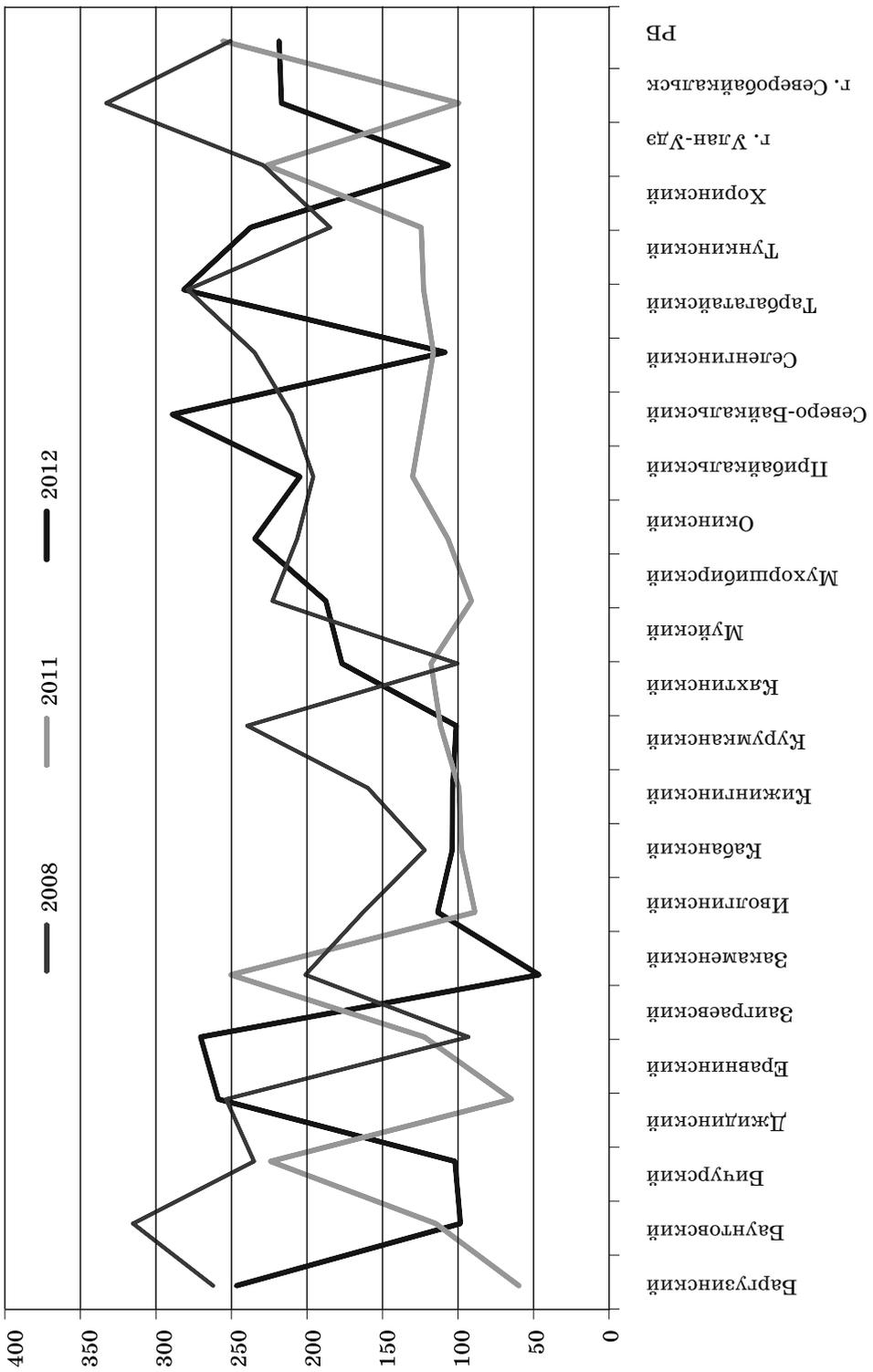

Рис. 4. Цепные темпы роста собственных доходов муниципальных образований региона в 2008, 2011 и 2012 гг. (%)

Прогнозные значения для индекса неравномерности, рассчитанного по показателю «Собственные доходы муниципальных образований»

Год	Нижняя граница доверительного интервала	Верхняя граница доверительного интервала	Среднее значение коэффициента вариации
2014	88,44	96,70	92,57
2015	88,20	96,58	92,39
2016	87,91	96,51	92,21
2017	87,61	96,45	92,03
2018	87,32	96,38	91,85

торах экономики. Рекомендуется их использование в практике социально-экономического прогнозирования на региональном уровне [5; 13]. Учет выявленных тенденций позволит, по мнению автора, повысить эффективность управления социально-экономическим развитием субъектов Федерации, в частности — Республики Бурятия.

Литература

- Багинова В. М., Николаева А. Г. Конкурентоспособность региона в условиях институциональных преобразований // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 6(84). С. 29–33.
- Бадмаева С. Ю. О современном состоянии и проблемах развития сельского хозяйства в Республике Бурятия // Вестник ВСГУТУ. 2011. № 4(35). С. 36–42.
- Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.
- Ванчикова Е. Н., Осодоева О. А., Попова О. А. Процесс стратегического целеполагания социально-экономического развития региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 5. С. 47–54.
- Вертакова Ю. В., Власова О. В. Методический подход к оценке стратегического потенциала системы здравоохранения региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 6(84). С. 24–28.
- Гранберг А. Г. Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 9–18.
- Глушакова О. В., Вайсберг Я. А. Принципы и подходы к обоснованию методического инструментария оценки эффективности публичного управления неравномерностью социально-экономического развития // Сибирская финансовая школа. 2013. № 5. С. 3–8.
- Гришина Е., Александрова А. Неравномерность развития муниципальных образований. М. : Фонд «Институт экономики города», 2006. 49 с.
- Егорова С. В., Осодоева О. А., Ванчикова Е. Н. Методический подход к оценке экономического развития региона // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 4. С. 65–72.
- Клисторин В. И. Российский федерализм: региональная политика, направленная на поддержку муниципальных образований // Регион: экономика и социология. 2009. № 3. С. 41–54.
- Плотников В. А., Федотова Г. В. Индикаторы стратегического регионального планирования // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 17. С. 21–33.
- Плотников В. А., Федотова Г. В. Программно-целевой метод в управлении экономикой региона // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 7. С. 2–9.
- Рохчин В. Е., Ротенберг Р. Б. Основные условия стратегического развития экономики административно-территориальных образований // Известия Санкт-Петербургского госу-

- дарственного экономического университета. 2014. № 1. С. 37–42.
14. Чимитдоржиева Е. Ц., Челик А. Е. Экономико-статистический анализ показателей, характеризующих неравномерность социального развития муниципальных образований // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 5. С. 26–34.
15. *Эконометрика* / под ред. В. С. Мхитаряна. М. : Проспект, 2011. 384 с.

References

1. Baginova V. M., Nikolaeva A.G. *Competitiveness of the region in the conditions of institutional transformations* [Konkurentosposobnost' regiona v usloviyakh institutsional'nykh preobrazovaniy] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 6(84). P. 29–33.
2. Badmayeva S. Yu. *On a current state and problems of development of agriculture in the Republic of Buryatia* [O sovremennom sostoyanii i problemakh razvitiya sel'skogo khozyaistva v Respublike Buryatiya] // East Siberia State University of Technology and Management Bulletin [Vestnik VSGUTU]. 2011. N 4(35). P. 36–42.
3. Bufetova A. N. *Inequality of spatial development: regional centers and regional periphery* [Neravnomernost' prostranstvennogo razvitiya: regional'nye tsentry i regional'naya periferiya] // Region: economy and sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]. 2009. N 4. P. 55–68.
4. Vanchikova E. N., Osodoyeva O. A., Popova O. A. *Process of a strategic goal-setting of social and economic development of the region* [Protsess strategicheskogo tselepolaganiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 5. P. 47–54.
5. Vertakova Yu. V., Vlasova O. V. *Methodical approach to an assessment of strategic capacity of health system of the region* [Metodicheskii podkhod k otsenke strategicheskogo potentsiala sistemy zdavookhraneniya regiona] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 6(84). P. 24–28.
6. Granberg A. G. *Disintegration or compression of Russia — is it Possible?* [Vozmozhny li raspad ili szhatie Rossii?] // Region: economy and sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]. 2011. N 2. P. 9–18.
7. Glushakova O. V., Weisberg Ya. A. *Principles and approaches to justification of methodical tools of an assessment of efficiency of public management of unevenness of social and economic development* [Printsipy i podkhody k obosnovaniyu metodicheskogo instrumentariya otsenki effektivnosti publichnogo upravleniya neravnomernost'yu sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya] // Siberian financial school [Sibirskaya finansovaya shkola]. 2013. N 5. P. 3–8.
8. Grishina E., Alexandrova A. *Unevenness of development of municipalities* [Neravnomernost' razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy]. M. : Fund "Institute for Urban Economics" [Fond «Institut ekonomiki goroda»], 2006. 49 p.
9. Egorova S. V., Osodoyeva O. A., Vanchikova E. N. *Methodical approach to an assessment of economic development of the region* [Metodicheskii podkhod k otsenke ekonomicheskogo razvitiya regiona] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 4. P. 65–72.
10. Klistorin V. I. *Russian federalism: the regional policy directed on support of municipalities* [Rossiiskii federalizm: regional'naya politika, napravlennaya na podderzhku munitsipal'nykh obrazovaniy] // Region: economy and sociology [Region: ekonomika i sotsiologiya]. 2009. N 3. P. 41–54.
11. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. *Indicators of strategic regional planning* [Indikatory strategicheskogo regional'nogo planirovaniya] // Financial analytics: problems and decisions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2014. N 17. P. 21–33.
12. Plotnikov V. A., Fedotova G. V. *A program and target method in management of region*

- economy* [Programmno-tselevoi metod v upravlenii ekonomikoi regiona] // Financial analytics: problems and decisions [Finansovaya analitika: problemy i resheniya]. 2013. N 7. P. 2–9.
13. Rokhchin V. E., Rotenberg R. B. *Main conditions of strategic development of economy of administrative-territorial formations* [Osnovnye usloviya strategicheskogo razvitiya ekonomiki administrativno-territorial'nykh obrazovaniy] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 1. P. 37–42.
 14. Chimitdorzhdiyeva E. Ts., Chepik A. E. *The economical and statistical analysis of the indicators characterizing unevenness of social development of municipalities* [Ekonomiko-statisticheskii analiz pokazatelei, kharakterizuyushchikh neravnomernost' sotsial'nogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2014. N 5. P. 26–34.
 15. *Econometrics* [Ekonometrika] / Under the ed. of V. S. Mkhitarian. M. : Prospectus [Prospekt], 2011. 384 p.

Гармония экономической и экологической политики, или Переход от национально-экономической к экологической политической парадигме? (размышления по поводу книги «В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии», авторы Н. А. Борисов, В. А. Волков)

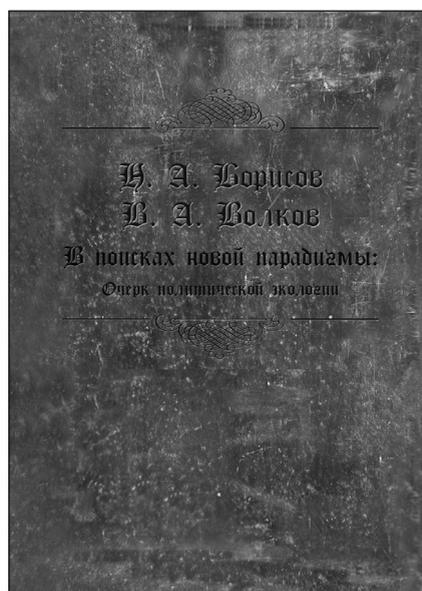
Harmony of Economic and Environmental Policy or Transition from National and Economic to an Ecological Political Paradigm? (Reflections Concerning the Book "In Search of a New Paradigm: sketch of Political Ecology", authors N. A. Borisov, V. A. Volkov)

Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии : монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. 144 с.

ISBN 978-5-89781-517-3

Почти 150 лет тому назад немецкий биолог Эрнст Геккель заявил о необходимости изучения взаимодействия живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой и предложил термин для нового знания — экология. Перманентно усиливающееся воздействие человека на природу, нарастание противоречия между хозяйственной деятельностью человека и средой обитания, между возрастающими потребностями экономических субъектов в использовании ресурсов природной среды и снижающимися возможностями природы удовлетворить эти потребности, между общественными и частными интересами в решении об использовании природных ресурсов привели к расширению смысла этого термина. Масштабность экологических проблем, умножающееся внимание общества к ним, все более широкое осознание глобального характера происходящих в окружающей среде изменений не только породили появление новой области исследований, но и превратились в вызов для тех, кто принимает политические и экономические решения. В ряду глобальных проблем, стоящих в начале XXI в. перед человечеством, особо выделились две: мировая война с применением ядерного оружия и экологическая катастрофа. Это не случайно: антропогенное давление на природную среду грозит тем же, что и ядерная война: возможностью уничтожения жизни на земле.

Низкая эффективность единичных факультативных и разрозненных мероприятий в сфере охраны окружающей среды настоятельно требовала системного комплексного подхода, направленного на обеспечение экологической безопасности, как на локальном, так и на региональном, государственном и международ-

ном уровнях. Начало рациональной природоохранительной деятельности связано с формированием экологической политики развитых государств. Внимание мировой общественности привлекается к проблемам охраны окружающей среды. В 1962 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию: «Экономическое развитие и охрана природы». Существенную роль в становлении экологической политики сыграла политическая наука. Так, американский политолог Линтон К. Колдуэлл своей статьей «Окружающая среда: новое направление государственной политики?» фактически инициировал необходимость выработки государственной политики по отношению к окружающей среде как к единому целому [2, р. 132–139].

Отметим здесь крайне прагматичную и нужную нам для анализа представленной монографии мысль этого исследователя: «всеобъемлющее рассмотрение экологических проблем приведет к снижению количества ошибок, а, следовательно, и к лучшим политическим решениям. Здесь, впрочем, необходимо оговориться: *данный подход не панацея* (выделено — И. Р.). Концентрация на окружающей среде облегчит, но не уменьшит политическую задачу согласования огромного множества различных интересов и ценностей. Научная база и содержание решений, концентрирующихся на окружающей среде, без сомнения, превзойдут данную составляющую наших типично сегментарных решений» [Op. cit., р. 138].

Действительно, с начала 90-х гг. в зарубежной и отечественной политической мысли появилось большое количество исследований, посвященных экологической проблематике. В них акцентируется внимание на эффективности государственной экологической политики, участии неправительственных организаций в экологически ориентированных мероприятиях, обсуждаются направления формирования экологического сознания индивидов и связанного с ним поведения. В теоретическом отношении пользуются популярностью концепции нового экологического государства, экологической модернизации.

В связи с высказанными соображениями, актуальность подготовленной Н. А. Борисовым и В. А. Волковым монографии «В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии» не вызывает сомнений. Авторами проделана большая работа по осмыслению политических аспектов экологического кризиса, экологической политики. Уже сам по себе факт приглашения читателей к обсуждению проблем экологии в условиях фактического игнорирования антропогенных угроз большинством населения Земли вызывает уважение. Авторы словно стремятся разбудить слабое российское экологическое сознание, умышленно обостряют некоторые проблемы, вызывая тем самым и интерес к своей книге, и желание участвовать в решении этих важнейших витальных проблем. Именно поэтому читать данную книгу интересно. Ценность ее тем более возрастает, что хочется не просто соглашаться с идеями авторов, а спорить, возражать и вместе идти к поиску ответов на важнейшую проблему: сохранения окружающей среды.

Авторы в начале своего труда выдвигают гипотезу о том, что человеческое сообщество находится на стадии перехода от национально-экономической политической парадигмы к экологической парадигме. По их мнению, суть этого перехода состоит в глобальной смене способа политического мышления двадцатого столетия, опиравшегося на убеждение, по которому человечество делится на политические единства согласно экономическому основанию. Авторы считают, что эффективность экономического развития, обусловленная способом организации экономики определенными народами, делила мир на три большие группы — страны первого, второго и третьего мира, а мир экономики базировался на представлениях о бесконечности экономического прогресса, основанного на неисчерпаемости природных ресурсов и стабильности условий деятельности на планете. Поскольку это мышление и политическая практика представляются, как утверждается в пособии, устаревшими и даже опасными, на смену им неизбежно приходит экологическая парадигма.

В первой главе книги Н. А. Борисов и В. А. Волков сосредоточивают свое внимание на анализе экологического кризиса, рассматривая его как предпосылку становления политической экологии. Делается вывод, что после того, как во второй половине XX в. человечество обнаружило свои пределы роста, возникла потребность в переходе к экологической политической парадигме — новому способу мышления, позволяющему выяснить, что современные отношения общества и природы приводят к истощению, дефициту природных ресурсов и к негативному изменению условий существования человечества. Авторы считают, что конфигурация политического разделения человеческого сообщества начинает меняться в зависимости от доступности и способности контролировать природные ресурсы и способности восстанавливать безопасную среду обитания. Будущее же современной политики строится на предположении того, что политическая экономика, как ее сущность, сменяется политической экологией [1, с. 5]. Перспектива, по их мнению, — за экологическим государством, в котором «экономика уже не является основанием политики. Наоборот, экономика с необходимостью выстраивается на фундаменте политической экологии» [1, с. 82].

Исходя из своих рассуждений о нарастающем экологическом кризисе, Н. А. Борисов и В. А. Волков делают вывод о качественном изменении содержания современной экологической политики. Они отмечают, что «если ранее в понятие экологической политики включалась лишь политика, направленная на охрану и оздоровление окружающей природной среды, рациональное использование и возобновление природных ресурсов, то в настоящее время в это понятие необходимо включить программы по системному преобразованию глобальной хозяйственной деятельности на принципах экологической достаточности и развитию социосферы, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность и экологическую безопасность человека» [1, с. 9]. Авторы пишут, что «сохранение человечества, обеспечение его экологической безопасности становится *экологическим императивом* (выделено — И. Р.) международной и региональной экологической политики». С подобными мыслями трудно не согласиться. Однако дальнейшая логика авторов вызывает недоумение. В монографии фиксируется, что «исходным механизмом такой политики выступает баланс интересов» [Там же]. Правомерно возникает вопрос: чьих интересов? Экономически конкурирующих субъектов или субъектов экономики и государства? Или государства и общества? А может быть, государств в регионе? Понятно, что без ответа на подобные вопросы нельзя достичь никакого баланса интересов.

Поставив перед собой задачу формулирования новой методологии, адекватной современным проблемам, авторы в первой главе ведут речь о политических парадигмах, которые представляются им «ключом к политическому мышлению». Вместе с тем, исходное понимание политической парадигмы как «исторически обусловленного принципа осмысления основания, по которому человеческое сообщество делится на политические единства», является недостаточно убедительным. В работе используется определение политической парадигмы профессора В. А. Волкова, которое он сформулировал в книге «В поисках свободы: очерки истории политической философии» [1, с. 249]. Но признаем, что это определение не определяет качественных характеристик этой парадигмы. Отсутствие же таких характеристик ставит под сомнение предлагаемую в пособии типологию: выделение античной цивилизационно-этической, средневековой, теологической, национально-экономической и экологической политических парадигм [1, с. 14].

И если, в соответствии с этой логикой, политические единства, характерные для античного мира, можно, в принципе, разделить на цивилизованные и варварские [1, с. 16], для средневековья — на христианские, мусульманские, иудейские и языческие [1, с. 17], то, начиная с Нового времени выделение «политических единств» в этой логике становится проблемой. Поэтому принять безоговорочно появление в этот период, как говорится в рассматриваемой работе, двух «политических единств»:

наций и национально-экономических систем, становится невозможным. Еще больше проблем возникает с выделением современных «политических единств» на базе эколого-политической парадигмы. Авторы ведут речь о политическом разделении мира по *новым экологическим критериям* (выделено — И. Р.). К таким критериям они относят: во-первых, отношение к сырьевым ресурсам, а, во-вторых, размер богатства [1, с. 63]. В частности, говорится: «наличие или отсутствие природных ресурсов делит мир на политические сообщества с противоположными установками и целями» [1, с. 61]. Но что это за единства, остается фактически загадкой. Если это богатый Север и бедный Юг или золотой миллиард евро-американской цивилизации и остальной мир, о которых рассуждают Н. А. Борисов и В. А. Волков, то назвать эти выделенные группы «политическими единствами» вряд ли возможно. Невольно приходишь к сомнению в возможности разделения мира по параметру наличия или отсутствия тех или иных природных ресурсов и размеров богатства. Гипотетически такое разделение допустимо. Но эвристической ценности от такой констатации давно известного разделения государств нет.

Помимо этого, некоторые суждения, которыми в работе описывается «экологическая политологическая парадигма», требуют уточнения. Так, в монографии декларируется, что «либерально-правовые ценности правового национального государства не могут быть признаны за всеми государствами и природой» [1, с. 24]. Интересно, почему? Где аргументы, доказывающие эти положения и необходимые для логики книги? Еще более удивительным звучит утверждение, что «ограниченность ресурсов *заставляет государства*, которые создают особо большую антропогенную нагрузку на природу, заявлять об *общей принадлежности природных ресурсов планеты*» (выделено — И. Р.). Противопоставляя государства с точки зрения наличия или отсутствия природных ресурсов на страны-экспортеры и страны-потребители, авторы делают, как представляется, ошибочные выводы о «праве борьбы за ресурсы вплоть до военных операций» [1, с. 61], о том, что «самая эффективная защита собственной территории, защита природных богатств обеспечиваются экологическим оружием, которое наносит абсолютно неприемлемый ущерб территории противника» [1, с. 64]. К такому оружию авторы относят ядерное, химическое, бактериологическое, геофизическое, биологическое и климатическое [1, с. 64]. Таким же ошибочным представляется и утверждение, что «современные политические союзы в лице государств, ТНК вынуждены использовать насилие и угрозу применения насилия как главный инструмент в обеспечении энергетической безопасности своего жизненного мира» [1, с. 66].

Объявлять ядерное оружие, другие виды оружия массового уничтожения самым надежным гарантом мира, защиты государств — это значит, провоцировать стремление многих государств к его получению. Обладание ядерным оружием тем или иным государством действительно создает иллюзию защищенности. Но такое оружие на самом деле — главная угроза миру и человечеству, поскольку надежность обеспечивается, прежде всего, международно-правовыми средствами: мирными, а не военными средствами разрешения споров; разоружением, а не вооружением, тем более оружием массового уничтожения; мерами по предотвращению неправового применения военной силы, войны, агрессии; распространением мер укрепления доверия и др. Военная безопасность, как национальная, так и международная, не достигается военной мощью. Она достигается «снятием» причин, порождающих противоречия в отношениях между государствами. Повторим, иллюзия безопасности может создаваться военной, в том числе и ядерной мощью, но это лишь иллюзия.

Заметим, что в монографии нет единого авторского подхода к политической экологии. В одном случае она понимается как особая сфера политического знания, в другом как «жизненный мир человека, в котором экологический кризис разделяет людей на противоборствующие политические единства» [1, с. 56].

Но, в сущности, что есть «политическое единство» и что, в данном случае, означает термин «жизненный мир»? Насколько корректно использовать здесь этот концепт Э. Гуссерля, получивший развитие в трансцендентальной философии и феноменологии? Можем ли мы, основываясь на его понимании, согласиться с тем, что предметом политической экологии является жизненный мир человека — мир его ценностных состояний сознания, тех трансцендентальных смыслов, которые обладают для него априорной значимостью? Заметим, не мир повседневности, а духовный мир, идеальный опыт мира, мир нравственности, мир трансцендентальных ценностей культуры?

Анализ содержания книги позволяет сделать вывод, что авторы отошли от понимания политической экологии лишь как отрасли знаний о системе выработки и принятия решений в области использования ресурсов биосферы. Предлагаемой моделью (структурной схемой) «концепта политической экологии» они расширяют представление о политической экологии: от процессов «выработки понятия экополитической национальной безопасности» [1, с. 86] до «создания глобальной системы охраны окружающей среды (жизненного мира)» [1, с. 87] и «третьей составляющей политической экологии, состоящей в последовательном создании экологического государства» [1, с. 86]. При этом заметим, что предлагаемый авторами термин «экополитическая безопасность» также вызывает сомнения, тем более в сочетании «экополитическая национальная безопасность» [1, с. 86]. В монографии под ним понимается «обеспечение доступа *политического субъекта* (выделено — *И. Р.*) к совокупности ограниченных природных ресурсов как условию сохранения своего экополитического суверенитета, а также обеспечение контроля над техногенными воздействиями и катастрофами» [1, с. 67] и декларируется как «условие политического существования» [1, с. 86].

Представляется, что совершенно справедливая постановка экологической проблемы должна быть дополнена анализом того, как наиболее развитые индустриальные государства занимаются сегодня решением экологических проблем. В связи с этим вызывает удивление, что в представленной монографии не нашлось места проблемам концепции экологической модернизации. Напомним, что эта концепция была выдвинута немецкими учеными М. Еникке и Й. Хубером, которые видят выход из экономического кризиса в углублении в процесс модернизации [3, р. 77–78].

Признавая справедливость критических оценок этой концепции, связанных с некоторыми недооценками проблем окружающей среды как таковой, вместе с тем отметим, что следует согласиться с тем, что ее авторы совершенно справедливо заявляют, что если на ранних стадиях модернизации главенствовала экономическая рациональность, то в современных условиях начинают задавать тон другие формы рациональности: все более весомую роль в процессе принятия экономических решений начинает играть экологическая оценка. В свою очередь, при оценке экологических последствий учитывается экономическая оценка. Такой взвешенный подход действительно может привести к экологическим реформам, которые не требуют радикальных социальных и политико-экономических преобразований.

Представляется, что в реальной политике этот подход, выраженный немецкими учеными, более практичен, эффективен и привлекателен для бизнесменов, да и политиков, нежели выдвигаемое в монографии утверждение о необходимости перехода к экологической парадигме.

В контексте этих рассуждений кажется более удачным и целесообразным в настоящее время говорить об экологически ориентированном или эколого-ответственном, а не экологическом государстве. Справедливости ради укажем, что в работе упоминается термин «эколого-ответственное государство». Правда, авторы, используя его, считают, что такое государство возникает лишь «перед лицом угрозы смерти цивилизации». И далее: «Принцип ответственности является тем пунктом, с которого начи-

нается экологическое государство» [1, с. 81]. Остается загадкой, почему эколого-ответственное государство возможно только в таких экстремальных условиях?

Думается, что особую востребованность данной работы вызовет то, что авторы в специальной главе исследуют экологическую политику Санкт-Петербурга, дают обстоятельный перечень федеральных законов и нормативных актов субъектов Российской Федерации в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Авторы на конкретных примерах показывают важность принятого Постановления «Экологическая политика Санкт-Петербурга» на период до 2030 года»¹.

Размышляя о книге в целом, хочется отметить, что авторы достигают главной задачи: книга заставляет задуматься над тем, что есть пределы вмешательства человека в природу. Только в XX столетии на природную среду легла нагрузка, вызванная 4-кратным ростом численности населения и 18-кратным увеличением объемов промышленного производства. Нерациональное природопользование, загрязнение природной среды отходами, оскудение генофонда требуют сегодня, как вытекает из книги, уже не просто осмысления этих угроз, а действенной системной работы по их разрешению. При этом авторы делают правильный вывод, что экологические проблемы являются отнюдь не результатом отдельных ошибок и просчетов кого-либо, а коренятся в самом способе бытия человека в индустриальном обществе. Поэтому только технологически решить эти проблемы не представляется возможным.

Радиков Иван Владимирович

*Санкт-Петербургский государственный университет
Профессор кафедры теории и философии политики
Доктор политических наук
polit@spbu.ru*

Radikov Ivan Vladimirovich

*Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of the Theory and Philosophy of Policy
Doctor of Science (Political Science)
polit@spbu.ru*

Литература

1. Борисов Н. А., Волков В. А. В поисках новой парадигмы: очерк политической экологии : монография / Н. А. Борисов, В. А. Волков. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
2. Caldwell L. K. Environment: A New Focus for Public Policy? // Public Administration Review. Vol. 23. N 3. 1963.
3. York R., Eugene A. Rosa, Thomas Dietz. Ecological modernization theory: theoretical and empirical challenges // The international handbook of environmental sociology / ed. by Michael R. Redclift and Graham Woodgate, 2nd edition. Cheltenham: Edward Elgar, 2010.

References

1. Borisov N. A., Volkov V. A. *In search of a new paradigm: sketch of political ecology* [V poiskakh novoi paradigmy: ocherk politicheskoi ekologii]. SPb. : Publishing centre of NWIM of RANEPa [SZIU RANKhiGS], 2014.
2. Caldwell L. K. *Environment: A New Focus for Public Policy?* // Public Administration Review. Vol. 23. N 3. 1963.
3. York R., Eugene A. Rosa, Thomas Dietz. *Ecological modernization theory: theoretical and empirical challenges* // The international handbook of environmental sociology / ed. by Michael R. Redclift and Graham Woodgate, 2nd edition. Cheltenham: Edward Elgar, 2010.

¹Правительство Санкт-Петербурга. Постановление от 18 июня 2013 г. N 400 «Об экологической политике Санкт-Петербурга на период до 2030 года».

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — в низу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- ◆ *Монографии:*
Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.
- ◆ *Статьи в научных сборниках:*
Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.
- ◆ *Публикации в многотомных изданиях:*
Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.
- ◆ *Статьи в научных журналах:*
1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

◆ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

◆ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

◆ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

◆ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2015. № 2(74)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 15.02.2015.
Подписано к печати 27.02.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,96. Тираж 650 экз.
Заказ № 2/15.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97